

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ V.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

Стр.

- Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ великомъ канонѣ. (Съ чувствомъ глубокаго уваженія, признательности и благодарности посвящается Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому). (Продолженіе). *М. Доброзраова*. 565—582
- Теорія боговдохновенности Библіи въ александрійской школѣ. (Продолженіе). *Д. Леонардова*. 583—600
- Историческій процессъ религіозно-нравственнаго развитія человечества по апостолу Павлу. (Окончаніе). *А. Лебедева*. 601—621
- Нравственныя начала (принципы) новѣйшей русской художественной литературы. *П. Красина*. 622—640
- Русская духовно-академическая философія, какъ предшественница славянофильства и университетской философіи въ Россіи. (Продолженіе). *Александра Никольскаго*. 641—674

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. О перенесеніи Чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія.—Епархіальныя извѣщенія.—Воззваніе Братства во имя Царицы Небесной о помощи идиотамъ, эпилептикамъ и калѣкамъ.—Объявленіе.—II. О пользѣ открытія Отдѣленія Братства во имя Озерянской Божіей Матери—*Священника К. Пантелеимова*.—Миссіонерскій листокъ. Чѣмъ объясняется трудность борьбы со штиудою и что нужно для успѣха ея? (Окончаніе). *Василія Попова*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 675—704).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.

1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ богословно философскій. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорнѣе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли извѣстныхъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во времязачества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы ввключительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. 50 к. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на правоолавную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благодѣятели Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστεϊ νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

ОПЫТЪ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ТЕКСТА ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ.

(Съ чувствомъ глубокаго уваженія, признательности и благодарности посвящается Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому).

КАНОНЪ ВЕЛИКІЙ.

Церковный текстъ.

Исправленный текстъ.

(Продолженіе *).

ПѢСНЬ 4. ИРМОСЬ.

Услыша пророкъ пришествіе твое господи, и убоися, яко хочещи отъ дѣвы родитися, и человѣкомъ явитися, и глаголаше: услышахъ слухъ твой, и убояхся, слава силъ твоей господи.

Услыша пророкъ пришествіе Твое, Господи, и убоися, яко хочещи отъ Дѣвы родитися и человѣкомъ явитися, и глаголаше: услышахъ слухъ о Тебѣ и убояхся: слава силъ Твоей, Господи.

Т р о п а р и.

Дѣлъ твоихъ да не презриши, созданія твоего да не оставиши, правосуде: аще и единъ согрѣшихъ яко человѣкъ, паче всякаго человѣка, человѣколюбче: но имаши, яко господь всѣхъ власть оставляти грѣхи.

Не презри твореній Твоихъ, не остави созданія Твоего, Судіе праведный: аще бо азъ, яко человѣкъ, и согрѣшихъ единъ паче всякаго человѣка, но Ты, Человѣколюбче, яко Господь всего, имаши власть отпущати грѣхи.

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1907 г. № 4.

Приближается душе конецъ, приближается, и нерадипи, ни готовишия: время сокращается, востани, близъ при дверехъ судія есть. яко соніе, яко цвѣтъ время житія течеть: что всеу мятемся;

Воспряни о душе моя! дѣянія твоя, яже содѣлала еси помышляй, и сія предъ лице твое принеси, и каплю *) испусти слезъ твоихъ: рцы со дерзновеніемъ дѣянія и помышленія христу, и оправдайся.

*) Каплю по-греч. σταγόνας множ. число.

Не бысть въ житіи грѣха, ни дѣянія, ни злобы, еяже азъ спасе. не согрѣшихъ, умомъ и словомъ, и произволеніемъ, и предложеніемъ и мыслию, и дѣяніемъ согрѣшивъ, яко инъ никтоже когда.

Отсюду и осужденъ быхъ, отсюду и пренрѣнъ быхъ азъ окаянный отъ своея совѣсти, еяже ничто въ мірѣ пужнѣйше *): судіе, избавителю мой, и вѣдче. пощади и избави, и спаси мя раба твоего.

*) *Нужнѣйше* по греч. βιαϊότερον сравнит. степ. прилагат. βίαιος (отъ βία сила, насиліе) *насильственный, грубый, жестокий.*

Лѣствица юже видѣ древле великій въ патриарсѣхъ, указаніе есть душе моя, дѣятельнаго восхожденія, разумнаго возшествія: аще хочещи убо, дѣя-

Душе! конецъ приближается, и ты не радипи. не готовишия; время сокращается, востани; близъ, при дверехъ, судія есть; яко сонъ, яко цвѣтъ. преходить время жизни: что же мы всеу мятемся?

Воспряни, о душе моя! помышляй о дѣяніихъ твоихъ; постави я предъ лицемъ твоимъ и пролей капли слезъ твоихъ; открый Христу со дерзновеніемъ твоя дѣянія и помышленія, и оправдайся.

Не бысть грѣха, ни дѣянія, ни зла, егоже, Спасе, азъ не совершихъ въ (моей) жизни. умомъ, словомъ и произволеніемъ, согрѣшивъ и хотѣніемъ, и мыслию, и дѣяніемъ, якоже никто инъ никогда.

Сего ради и обвиненъ быхъ, сего ради и осужденъ быхъ азъ окаянный своею совѣстію, еяже жестокае нѣсть въ мірѣ ничтоже; Судіе, Искупителю мой и Всевѣдче! пощади, избави. и спаси мя, раба Твоего.

Душе моя! лѣствица, юже древле видѣ великій изъ патриарховъ, есть указаніе на восхожденіе въ дѣяніихъ и возвышеніе разумомъ: сего ра-

нїемъ, и разумомъ, и зрѣнїемъ
пожити. обновися.

Зной дневный претерпѣ ли-
шенія ради *) патріархъ, и
мразъ нощный понесе, на всякъ
день снабдѣнія творя **), па-
сый, труждайся, работай, да
двѣ женѣ сочетаетъ ***).

*) Лишенія ради по греч. διὰ ἐνδεϊαν—по причине нужды.

**) Снабденія творя по-греч. κλέματα πατρечος; κλέμα (отъ κλέπτω краду)
знач. соровство, кража, хитрость, обманъ.

***) Да двѣ женѣ сочетаетъ ἵνα τὰς δύο γυναῖκας εἰσαγάγῃται; εἰσάγω знач.
ввожу,—γυναῖκα женюсь, у насъ—ввожу въ домъ свой жену.

Жены ми двѣ разумѣй дѣя-
ніе же и разумъ въ зрѣнїи *),
люю убо дѣяніе, яко многочад-
ную: рахиль же разумъ, яко
многотрудную: ибо кромѣ тру-
довъ, ни дѣяніе, ни зрѣніе ду-
ше, исправится ***).

*) Разумъ въ зрѣнїи по-греч. τὴν γυνῶσιν ἐν θεωρίᾳ букв. разумнїе въ со-
зерзанїи, у насъ—умозрительныя познанія.

**) Кромѣ трудовъ... исправится по-греч. ἄνευ πόνων... καταρτιθῆσεται.
Каторѣν знач. 1) выпрямлять, приводитъ въ порядокъ; 2) счастливо испол-
нять, совершать.

* * *

Буди о душе моя, израдствуй*),
якоже древле великій въ пат-
ріарсѣхъ, да стяжеша**) дѣяніе
съ разумомъ, да будеша умъ
зряй бога, и достигнеша***) не-
заходящій мракъ въ видѣнїи, и
будеша великій купецъ.

Бодрствуй душе моя; мужай-
ся, якоже древле великій изъ
патріарховъ, дабы, стяжавши
дѣяніа съ познанїями, содѣла-
лася еси умомъ зрящимъ Бога,
(и) скорѣе прошла незаходящій
мракъ въ умозрѣнїи и явилася
купцемъ съ великими сокро-
вищами.

*) Израдствуй по-греч. ἀριστεύου; ἀριστεύειν (отъ ἀριστος) зн. быть луч-
шимъ, храбрѣйшимъ.

***) *Да стяжеш...*, *да будеш* по-греч. ἵνα κτήσῃ... ἵνα... Здѣсь въ первомъ предложениі цѣли указывается средство для достиженія того, о чемъ говорится во второмъ предложениі цѣли; поэтому его (первое предложениі) мы сократили въ причастную форму „*стяжавши*“.

****) *Достигнеш...* въ видѣнн по-греч. φθάσεις... ἐν θεωρίᾳ. Φθάνω знач. *предупреждаю, скоро прихожу или прохожу*; θεωρία—*разсматриванье, умственное научное занятіе, теорія, у насъ умозрѣніе*.

Дванадцать патриарховъ, великій въ патриарсѣхъ дѣтворивъ, тайно утверди тебѣ лѣствицу дѣятельнаго душе моя восхожденія: дѣти яко основанія *), степени **) яко восхожденія премудренно положи въ.

Великій изъ патриарховъ, родивъ дванадцать патриарховъ, тайнственно постави тебѣ, душе моя, лѣствицу дѣятельнаго восхожденія, положи въ (въ ней) дѣти своя яко ступени, движеніе же (свое) по симъ (ступенямъ) яко восхожденіе.

*) *Основанія*—βαῖτρα; βαῖτρον τό (отъ βαίνω) собст. *то, на что ступаютъ, почва, порогъ, ступень* п т. д.

**) *Степени* по-греч. τὰς βάσεις; βάσις ἡ знач. 1) *ходъ, шагъ*. 2) *базисъ, основаніе, и также и ступень*. Мы переводимъ βάσις съ первымъ значеніемъ.

Исава возненавидѣннаго подражала еси душе, отдала еси прелестнику твоему первыя доброты первенство, и отеческія молитвы отпала еси, и дважды поползнула еси окаянная, дѣяніемъ и разумомъ: тѣмже нынѣ покайся.

Подражаючи ненавистному Исаву, ты, душе, отдала еси обольстителю своему первородство своея изначальныя красоты, и лишилася еси отеческаго благословенія и, окаянная, двояко запнула еси въ дѣяніи и познаніи: сего ради нынѣ принеси покаянніе.

Едомъ исавъ наречеса, крайняго ради женоцестовнаго смѣшенія *): невоздержаніемъ бо присно разжигаемъ, и сластями оскверняемъ, едомъ именовася, еже глаголется разжженіе души любогрѣховныя.

Исавъ наречень бысть Едомомъ ради крайняго сладострастія; непрестанно разжигаясь невоздержаніемъ и оскверняясь сластолюбіемъ, онъ бысть наименованъ Едомомъ, еже знаменуетъ: разжженіе души грѣхолобивыя.

*) *Крайняго ради женоцестовнаго смѣшенія* по-греч. δι' ἄκραν ἠφροσύνας: ἐπιρροῆς—букв. *рди крайней привязанности къ женолюбію*.

Іова на гноици слышавши, о душе моя, оправдавшагося, того мужеству не поревновала еси, твердаго не имѣла еси предложенія *) во всѣхъ, (яже разумѣла еси), яже вѣси. и имже искусилася еси, но явилася еси нетерпѣлива.

*) Предложенія—*προθέσσω*; *πρόθεσις* ἢ значить еще и *произволеніе, воля, намырение*.

Иже первѣе на престолѣ, нагъ нынѣ на гноици гноенъ: многій въ чадѣхъ и славный, безчаденъ и бездомокъ напрасно: палату убо гноище, и бисеріе струны вмѣняше.

Душе моя! слышавши, яко Іовъ, пребывавшій на гноици, оправданъ бысть, ты не поревновала его мужеству, не имѣла еси твердыя воли во всемъ, еже уразумѣла еси, еже видѣла, еже испытала еси, но явилася еси нетерпѣливою.

Бывшій прежде на престолѣ, нынѣ на гноици нагъ и покрытъ гнойными язвами; многочадный и славный, внезапно (содѣлашеся) бездѣтенъ и бездоменъ; гноище считаше чертогомъ и струны бисеромъ (своимъ).

* * *

Тѣло осквернися *), духъ окаяся, весь острупихся: но яко врачъ христе, обоя покаяніемъ моимъ уврачуй, омый, очисти, покажи спасе мой, наче снѣга чистѣйша.

Тѣло мое азъ осквернихъ, душу омерзихъ, весь покрыхся язвами; но Ты, Христе, яко врачъ исцѣли сіе покаяніемъ моимъ, омый, очисти, покажи мя наче снѣга чистѣйшимъ, Спасе мой.

*) Осквернися... окаяся по-греч. 1-е лицо.

Тѣло твое и кровь распинаемый о всѣхъ положилъ еси словетъ: тѣло убо, да мя обновиши, кровь, да омыеши мя, духъ же предашь еси, да мя приведеша христе, твоему родителю.

Распинаемый за всѣхъ, Слово, Ты предложилъ еси въ жертву тѣло Свое и кровь: тѣло,—дабы возсоздати мя, кровь,—дабы омыти мя, духъ же Свой предашь еси Христе, дабы привести мя къ Родителю Твоему.

Содѣлалъ еси спасеніе посредствомъ земли щедра, да спа-

Милосерде, посредствомъ земли Ты совершилъ еси искупленіе,

семся, волею на дровѣ распялся еси. едемъ затворенный отверзеса. горняя (и) дольняя тварь, языцы вси спасени поклоняются тебѣ.

Да будетъ ми купель, кровь изъ ребръ твоихъ, вкупѣ и питіе, источившее воду оставленія, да обоюду очищаюся, помазуяся и пїя: яко помазаніе и питіе слове. животочная твоя словеса.

Чашу церковь стяжа, ребра твоя живоносная. изъ нихже сугубыя намъ источи токи, оставленія и разума, во образъ древняго и новаго, двоихъ вкупѣ завѣтовъ. спасе нашъ.

Нагъ есмь чертога, нагъ есмь и брака, купно и вечера: свѣтильникъ угасе, яко безъелейный, чертогъ заключися мнѣ спящу, вечера снѣдеса, азъ же по руку и ногу связанъ, вонъ низверженъ есмь.

Время живота моего мало, и исполнено болѣзней *) и лукавства: но въ покаянїи мя прїими, и въ разумъ призови, да не буду стяжаніе, ни браш-

дабы намъ спастися; Ты распялся еси на дровѣ волею Своею; затворенный Едемъ отверзеса; горнее (и) дольнее, тварь (и) вси языцы, спасенни (Тобою), поклоняются Тебѣ.

Кровь, истекшая изъ ребръ Твоихъ, и вкупѣ вода, источившая оставленіе (прегрѣшеній), да будутъ мнѣ купелію и питіемъ, дабы азъ двояко очистился: помазуяся и упиваяся, яко помазаніемъ и питіемъ, Твоими животворными словами, Слове.

Спасе нашъ! Церковь стяжа чашу въ Твоихъ живоносныхъ ребрахъ, изъ нихже истече намъ двоякій потокъ: оставленія (грѣховъ) и разумнїя, во образъ двухъ вкупѣ завѣтовъ—ветхаго и новаго.

Азъ лишень есмь брачнаго чертога; лишень брака и купно вечера; свѣтильникъ мой угасе, яко безъелейный, чертогъ заключился, егда азъ спяхъ; вечера снѣдеса: азъ же, связанный по рукама и ногама, вонъ низверженъ есмь.

* *

Время жизни моего кратко и исполнено трудовъ и лукавства; но прїими мя въ покаянїи и призови къ познанію (истины), дабы не содѣдался

но чуждему**), спасе, самъ мя
ущедри.

*) *Большней* по-греч. *πόνον* — трудовъ (измуригельныхъ).

**) *Чуждему* тв *ἀλλότρις*; *ὁ ἀλλότριος* — чуждый, — неприятельскій, враждеб-
ный, — здѣсь понимается въ значеніи существительнаго имени.

Царскимъ достоинствомъ,
вѣнцемъ и багряницею одѣянь
многоимѣнный человекъ и пра-
ведный, богатствомъ кипя и
стады, внезапно богатства и сла-
вы, царства, обнищавъ лишился.

Аще праведенъ быше онъ, и
непороченъ паче всѣхъ, и не
убѣже ловленія лъстиваго и
сѣти: ты же грѣхолобива су-
щи окаянная душе, что со-
твориши, аще чесому отъ не-
вѣдомыхъ случится найти тебѣ;

Высокоглаголивъ нынѣ есмь,
жестокъ же и сердцемъ, вотще
и всеу, да не съ фарисеемъ
осудиши мя, паче же мыта-
рево смиреніе подаждь ми,
едине щедре, правосуде, и сему
мя сочисли.

Согрѣшихъ досадивъ сосуду
плоти моя, вѣмъ щедре: но
въ покаяніи мя прими, и въ
разумъ призови, да не буду
стяжаніе, ни брашно чуждему,
спасе, самъ мя ущедри.

Самоистуканъ быхъ, страсть-
ми, душу мою вредя, щедре: но

азъ ни стяжаніемъ, ни снѣдію
врага. Спасе. Ты Самъ умилосердися надъ мною.

Облеченный царскимъ до-
стоинствомъ, вѣнцемъ и баг-
ряницею, имѣвшій много благъ
и праведный, изобиловавшій бо-
гатствомъ и стады, внезапно
лишился богатства, славы, цар-
ства, и обнища.

Аще онъ, праведный и не-
порочный паче всѣхъ (чело-
вѣкъ), не избѣже ковь и сѣ-
тей лъстиваго, то что сотво-
риши ты, грѣхолобивая и ока-
янная душе, егда случится
постигнути тя чему непредви-
дѣнному?

Неразумно и всеу нынѣ азъ
надмененъ есмь и жестокъ
сердцемъ; не осуди мене съ
фарисеемъ, единый милосердый
и праведный Судіе, но паче
даруй мнѣ смиреніе мытаря, и
къ нему мя причти.

Вѣмъ, Милосерде, яко со-
грѣшихъ азъ, осквернивъ со-
судъ плоти моя; но прими
мя въ покаяніи и призови къ
познанію (истины), дабы не
содѣлался азъ ни стяжаніемъ,
ни снѣдію врага. Спасе, Ты
Самъ умилосердися надъ мною.

Кумиромъ азъ содѣлахъ се-
бе, исказивъ душу мою страсть-

въ покаяніи мя пріими, и въ разумъ призови, да не буду стяжаніе, ни брашно чуждему, Спасе, самъ мя ущедри.

Не послушахъ гласа твоего, преслушахъ писаніе твое законоположника: но въ покаяніи мя пріими, и въ разумъ призови, да не буду стяжаніе, ни брашно чуждему, спасе, самъ мя ущедри.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Безплотныхъ жительство въ плоти преходящи *), благодать преподобная къ богу велию воистину пріяла еси, вѣрно о чтущихъ тя предстательствуй **), тѣмже молимъ тя, отъ всякихъ напастей и насъ молитвами твоими избави.

*) *Преходящи* по-греч. μεταλλάξαι прич. у насъ выражено въ формѣ сказуемаго слитнаго предложенія— *вела еси и...*

***) *Предстательствоуй* по-греч. προϊστασαι мы разбираемъ какъ 2-е лицо изъявительнаго, а не повелительнаго наклоненія; болѣе правильнымъ считаемъ чтеніе προϊστασαι.

Великихъ безмѣстій *) во глубину низведшися, недержима была еси, но востекла еси помысломъ лучшимъ, къ крайнѣй дѣянми явѣ добродѣтели преславно, ангельское естество маріе, удививши.

*) *Безмѣстій* по-греч. ἀτοκήματων; ἀτόκημα τό (отъ ἀ и τόπος мѣсто) знач. *неумѣстность, неприличіе, пороки.*

ми, Милосерде; но пріими мя въ покаяніи и призови къ познанію (истины), дабы не содѣлался азъ ни стяжаніемъ, ни снѣдію врага. Спасе, Ты самъ умилосердися надъ мною.

Азъ не послушахъ гласа Твоего, преступихъ писаніе Твое, Законоположнице; но пріими мя въ покаяніи и призови къ познанію (истины), дабы не содѣлался азъ ни стяжаніемъ, ни снѣдію врага. Спасе, Ты Самъ умилосердися надъ мною.

Житіе безплотныхъ, преподобная, вела еси во плоти, и воистину пріяла еси велию благодать отъ Бога; за чтущихъ тя вѣрно ты ходатайствуеши (предъ Нимъ): сего ради молимъ тя, избави насъ молитвами твоими отъ всякихъ искушеній.

Погрузившися во глубину великихъ пороковъ, ты, Маріе, не погрязла еси (тамо), но, уразумѣвши лучшее, востекла еси дѣянми явѣ къ совершеннѣй добродѣтели, дивно изумивши естество ангеловъ.

Т р о и ч е н ь .

Нераздѣльное существомъ, неслитное лица, благословлю тя, троическое едино божество, яко единоподарственное и сопредостольное: вопію ти пѣснь великую, въ вышнихъ трегубо пѣснословную.

Исповѣдаю Тя, троичное единое Божество, нераздѣльнымъ по существу, не слитнымъ по лицамъ, яко соподарственное и сопредостольное; возглашаю Тебѣ пѣснь великую, трегубо на небеси воспѣваемую.

Б о г о р о д и ч е н ь .

И раждаеши, и дѣвствуеши, и пребываеши обоюду естествомъ дѣва: рождейся обновляетъ законы естества, утроба же раждаетъ нераждающая. богъ идѣже хочетъ, побѣждается естества чинъ: творить бо елика хочетъ.

И раждаеши, и дѣвствуеши, и обоюду естествомъ пребываеши дѣвою; Рожденный тобою обновляетъ законы естества; и чрево Твое раждаетъ неискусомужно: идѣже Богъ хочетъ, тамо побѣждается чинъ естества: ибо Онъ творить, еже хочетъ.

ПѢСНЬ 5. ИРМОСЬ.

Отъ ноци утреннююща, человекѣколюбче, просвѣти молюся, и настави и мене на повелѣнія твоя: и научи мя спасе, творити волю твою.

Отъ ноци бодрствующаго (мя), Человѣколюбче, просвѣти молюся, и настави и мене въ повелѣніихъ Твоихъ, и научи мя, Спасе, творити волю Твою.

Т р о п а р и .

Въ ноци житіе мое преидохъ присно, тма бо бысть и и глубока мнѣ мгла, ноцъ грѣха: но яко дне сына, спасе, покажи мя.

Жизнь свою азъ всегда провождахъ въ ноци: ибо мракомъ и глубокою мглою бысть мнѣ ноцъ грѣха: но Ты, Спасе, яви мене, якоже сына дне.

Рувима подражая окаянный азъ, содѣяхъ беззаконный и законопреступный совѣтъ на бога вышняго, осквернивъ ложе мое, яко отчее онъ.

Подражая Рувиму, азъ окаянный исполнихъ беззаконное и преступное намѣреніе предъ Богомъ Всевышнимъ, осквернивъ ложе свое, яко той отчее.

Отъ сродниковъ праведная душа связася *), продася въ работу сладкій, во образъ господень: ты же вся душа. продася еси злыми твоими.

*1 *Связася* по-греч. *δέδοται* — давнопрош. вр. отъ глагола *δέδοται* *дану*, а не отъ *δέω* — *δέδομαι* — *вяжу*.

Иосифа праведнаго и цѣломудреннаго ума подражай *) окаянная, и неискусная душе, и не оскверняйся безсловесными стремленми присно беззаконяюще.

Иосифа... ума подражай по-греч. *Ιωσήφ τὸν... ἄνθρωπον*. Здѣсь *Ιωσήφ τὸν...* съ опредѣленіями является винит. дополненія къ *μίμησαι* (подражай Иосифу...), а *ἄνθρωπον* винит. падежомъ отношенія (подражай умомъ). Это выраженіе можно перевести буквально такъ: умомъ (своимъ) подражай... Иосифу. Впрочемъ греческій текстъ—дозволяетъ относить опредѣленія праведнаго и цѣломудреннаго и къ слову ума; въ такомъ случаѣ перевести разсматриваемое выраженіе слѣдуетъ такъ: *подражай Иосифу въ сию... цѣломудренномъ умъ*. Слову *ἄνθρωπον* мы придаемъ значеніе *образъ мыслей*.

Аще и во рвѣ поживе иногда іосифъ, владыко господи, но во образъ погребенія и востанія твоего: азъ же что тебѣ когда сичевое принесу;

Душа праведная прелана бысть своими сродники; возлюбленный бысть проданъ ими въ рабство въ прообразъ Господа: ты же, душа моя, сама продала еси себѣ всю своими пороками.

Подражай въ образѣ мыслей праведному и цѣломудренному Иосифу, окаянная и непотребная душе моя, и не оскверняйся безумными стремленми, совершая всегда беззаконіе.

Аще и во рвѣ бысть древле Иосифъ, но въ прообразъ Твоего погребенія и воскресенія: азъ же что такоево когда представлю Тебѣ, Владыко Господи?

* * *

Моисеовъ слышала еси ковчежець душе, водами, волнами носимъ рѣчными, яко въ чертозѣ древле бѣгающій дѣла, горькаго *) совѣта **) фараонитска.

Душе, ты слышала еси, яко ковчежець съ Моисеемъ, древле носимый волнами въ водахъ рѣчныхъ, аки въ чертозѣ, избѣже жестокия гибели, умышленныя Фараономъ.

*) *Дыма горькаго* по-греч. *ὄρμηξ πικρὸν* т. е. *горькія или жестокия драмы, у насъ—жестокия гибели*.

**) *Совѣта злѣна* у насъ переведено причастиемъ (гнбелн), *умышленныя...*

Аще бабы слышала еси, убивающыя иногда безвозрастное мужское, душе окаянная, цѣломудрїя дѣяніе *), нынѣ яко великій Моисей, еси премудрость.

Аще ты слышала еси, окаянная душе, яко древле бабы убиваху мужское цѣломудренное дѣланіе въ самомъ младенчествѣ: то нынѣ буди, яко великій Моисей, младенцемъ, ссущимъ премудрость.

*) *Безвозрастное мужское... цѣломудрїя дѣяніе* по-греч. ἀνηβον τὴν ἀρρενωπὸν .. τῆς σωφροσύνης πράξις. Ἄνηβον (винит. надежъ прилагательнаго ἀνηβος—недостигшіи юношескаго возраста, невзросшіи) мы разбпраемъ вторымъ винит. надежемъ при κτείνοντας (убивающыя кого? *какимъ?*), а первымъ—или прямымъ дополненіемъ—τὴν... πράξις; если раабирать ἀνηβον, какъ предикативное опредѣленіе къ τὴν πράξις,—смыслъ будетъ одинъ и тотъ же, т. е., бабы убиваху мужское цѣломудренное дѣяніе (=мужей, дѣятелей цѣломудренныхъ) невзросшимъ, у насъ—въ самомъ младенчествѣ.

Яко Моисей великій египтянина, ума уязвивши окаянная, не убила еси душе: и како вселишия, глаголи, въ пустыню страстей *) поканіемъ;

Окаянная душе (моя), ты не умертвила еси (лукаваго) ума своего, поразивши его, яко великій Моисей египтянина: глаголи же, како ты вселишия чрезъ поканіе въ землю, свободную отъ страстей?

*) Конструкція первой половины этого тропаря по-гречески такова: τάλαινα ψυχὴ, ἐκ ἀπάκτεινας πλῆξασα νῦν, ὡς Μωϋσῆς ὁ μέγας τὸν Αἰγύπτιον.

**) *Въ пустыню страстей* по-греч. τὴν ἔρημον τῶν παθῶν; τῶν παθῶν страстей—родптельный пад.—зависятъ отъ τὴν ἔρημον, а не отъ вселишия. Ἐρημος прип. знач. одинокій, пустынный, а ἡ ἔρημος (т. е. χώρα) пустыня, страна, покинутая кѣмъ-либо (τινός); поэтому выраженіе „въ пустыню страстей“ слѣдуетъ перевести *въ землю, свободную отъ страстей*.

Въ пустыню вселися великій Моисей, гради убо, подражай того житіе, да и въ купинѣ богоявленія душе, въ видѣніи будеши *).

Въ пустыню вселися великій Моисей: скорѣ же, душа, подражай житію его, дабы и ты узрѣла явленіе Бога въ купинѣ.

*) *Въ видѣніи будеши*—ἐν θεωρίᾳ γένη—два слова у насъ переведено однимъ—*узрѣши*.

Моисеовъ жезль воображай душе, ударяющій море, и огустѣвающій глубину, во образъ креста божественнаго: имже

Жезль Моисеовъ, поражающій море и огустѣвающій пучину, воображай, душе, знаменемъ Божественнаго Креста,

можеша и ты великая совершити.

Ааронъ приношаше огонь богу. непорочный. нелицейный: но офни и финеешь, яко ты душе, приношаху чуждее богу оскверненное житіе.

* *

Яко тяжкій правомъ, фараону горькому быхъ *) владыко, іанни, и іамври, душею и тѣломъ. и погруженъ умомъ: но помози ми.

*) Яко тяжкій. . быхъ по-греч. *ὡς βαρὺς τὴν ἰσχυρίαν* Фараὼ τῷ πικρῷ γέροντι. Здѣсь Фараὼ не дательный, а именительный падежь, съ нимъ согласовано βαρὺς (тяжкій—Фараонъ); горькому—τῷ πικρῷ—дательный пад. зависящій отъ βαρὺς (тяжкій чѣмъ?); πικρὸς прилагат.—горькій здѣсь поставлено съ членомъ и должно быть понимаемо какъ существительное имя: τὸ πικρὸν—горечь, у насъ озлобленіе.

**) *Правомъ*—τὴν ἰσχυρίαν, *душею и тѣломъ*—τὴν ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα и *умомъ*—ἐν τῷ νοῦ—эти винительные падежи такъ называемые винит. отношенія.

Каломъ смѣсился окаянный умомъ, омый мя, владыко, банею моихъ слезъ, молю тя, плоти моя одеждою убѣливъ яко сиѣгъ.

Аще испытаю мои дѣла, спасе, всякаго человѣка превозшедша грѣхами себе зрю, яко разумомъ мудрствуяй *) согрѣшихъ, не невѣдѣніемъ.

*) *Разумомъ мудрствуяй* по-греч. *ἐν ἰσχύσει φρονέων*. Φρονέων род. пад. мн. числа отъ φρονέω—φρονέω ἢ, мыслящая спя, умъ, а во множ. мысли, помысли; поэтому ἐν ἰσχύσει φρονέων значить съ пониманіемъ мыслей, у насъ съ разумѣніемъ, съ разумнымъ сознаніемъ. Церковные переводчики слово φρονέων разбирали какъ причастіе и, ифройтно, читали φρονέων, потому что перевели мудрствуяй (φρονέω знач. обладаю умомъ, мыслю, понимаю, я мудръ); причастіе же глагола φρονέω—φρονέων слѣдовало-бы перевести умудряя, разумыя.

имже можеша и ты великое совершити.

Ааронъ приношаше Богу огонь чистый, безукоризненный; но Офни и Финеешь, якоже и ты, душе, приношаху Богу житіе чуждое (Ему) и оскверненное.

По праву азъ быхъ яко жестокой озлобленіемъ Фараонъ; по душѣ и тѣлу—Іанни и Іамври, и по уму—потерянный: но Ты, Владыко, помози мнѣ.

Мерзостію осквернихъ азъ, окаянный, свой умъ: омый мя, Владыко, въ купели слезъ моихъ, молю Тя, и убѣли, яко сиѣгъ, одеждою плоти моя.

Аще испытаю дѣла моя, Спасе, вижду, яко превзодохъ грѣхами всякаго человѣка, ибо азъ грѣшихъ съ разумѣніемъ, а не по невѣдѣнію.

Пощади, пощади Господи, созданіе твое, согрѣшихъ, ослаби ми, яко естествомъ чистый самъ сый единъ, и инъ развѣ тебе никтоже есть кромѣ скверны.

Мене ради богъ сый*), вообразился еси въ мя, показалъ еси чудеса, исцѣливъ прокаженныхъ, и разслабленнаго стягнувъ, кровоточивыя токъ уставилъ еси спасе, прикосновеніемъ ризъ.

*) Богъ сый по-греч. Θεός ὁν—будущи Богомъ, у насъ переведено однимъ зват. падежемъ—*Боже*.

* * *

Низу снѣгающую подражай, о душе, прииди, припади къ ногама іисусовыма, да ты исправитъ, и да ходиши право стези господни.

Аще и кладязь еси глубокий владыко, источи ми воду изъ пречистыхъ твоихъ жилъ, да яко самаряныня, не ктому пійя жажду: жизни бо струи источникаши.

Силоамъ да будутъ ми слезы моя, владыко господи, да умю и азъ зеницы сердца, и вижду тя умно, свѣта превѣчна.

Пощади, Господи, пощади созданіе Твое; согрѣшихъ—прости мя, яко Ты Самъ токмо еси чистъ естествомъ, и кромѣ Тебе никто иный не чуждъ есть скверны.

Мене ради Ты, Боже, пріялъ еси образъ мой и совершилъ еси чудеса; исцѣвлялъ еси прокаженныхъ, укрѣплялъ еси разслабленныя; прикосновеніемъ же ризы (Своея), Спасе, удержало еси и теченіе кровоточивыя.

Подражай, душе, женѣ, согбенной долу: прииди, припади къ ногамъ Іисуса, дабы Онъ исправилъ тя, и ты ходила прямо по стезямъ Господнимъ.

Аще Ты еси, Владыко, и глубокий кладезь, ио источи мнѣ воду изъ пречистыхъ твоихъ жилъ, дабы азъ, яко самаряныня, испивъ не жаждалъ еще: ибо Ты источаеши потоки жизни.

Силоамомъ да будутъ мнѣ слезы моя, Владыко Господи, дабы азъ омылъ зеницы сердца своего, и умомъ созерцалъ Тя, превѣчный Свѣтъ.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Несравненнымъ желаніемъ всебогатая, древу возжелѣвши поклонитися животному*), сподобилася еси желанія, сподоби убо и мене улучити вышнія славы.

*) Древу. . животному ζῴον... τῆς ζωῆς—древу жизни.

Струи іорданскія прешедши, обрѣла еси покой безболѣзненный, плоти сласти избѣжавши, еяже и насъ изми твоими молитвами преподобная.

Возжелавши съ безмѣрною любовію поклонитися Древу жизни, всеблаженная, ты сподобилася еси желаннаго: сподоби же и мене получитьи вышнюю славу.

Прешедши потокъ іорданскій, ты обрѣла еси покой безболѣзненный, избѣжавши плотскаго услажденія, отъ негоже и насъ избави твоими молитвами, преподобная.

Т р о и ч е н ъ.

Тя троице славимъ, единого бога, святъ, святъ святъ еси отче, сыне и душе, простое существо, единице присно покланяемая.

Тя, Троице, единого Бога славимъ: святъ. святъ. святъ еси Отче, Сыне и Душе, простое существо, Единица, Ейже вѣчно покланяются.

Б о г о р о д и ч е н ъ.

Изъ тебе облечеса въ мое смѣшеніе, нетлѣнная, безмужная мати дѣво, богъ создавый вѣки, и соедини себѣ человѣческое естество.

Въ Тебѣ, нетлѣнная безмужная Мати—Дѣво, создавый вѣки Богъ облечеса въ составъ мой, и соедини съ Собою человѣческое естество.

ПѢСНЬ 6-я. ИРМОСЬ

Возопихъ всѣмъ сердцемъ моимъ къ щедрому богу, и услыша мя отъ ада преисподняго, и возведе отъ тли животь мой.

Возопихъ всѣмъ сердцемъ моимъ къ милосердному Богу, и услыша мя изъ ада преисподняго, и возведе отъ тлѣнія животь мой.

Т р о п а р и .

Слезы, спасе, очію моею, и изъ глубины въздыханія чистѣ приношу, воиюще сердцу: боже, согрѣшихъ ти, очисти мя.

Уклонилася еси душе, отъ господа твоего, якоже даванъ и авиронъ: но пощади, воззови изъ ада преисподняго, да не пропасть земная тебе покрыеть.

Яко юница, душе разсвирѣпѣвшая, уподобилася еси ефрему, яко серна отъ тенеть сохрани житіе, вперивши дѣянїемъ умъ, и зрѣнїемъ.

Рука насъ моисеова да увѣритъ душе, како можетъ богъ прокаженное житіе убѣлїти, и очистити, и не отчайся сама себе, аще и прокаженна еси.

* * *

Волны, спасе прегрѣшенїй моихъ, яко въ мори чермнѣмъ возвращающесе, покрывша мя внезапно, яко египтяны иногда, и тристаты.

Неразумное, душе, произволеніе имѣла еси, яко прежде израиль: божественныя бо мап-

Искреннѣ приношу (Ти), Спасе, слезы изъ очей моихъ и въздыханія изъ глубины сердца, възывающаго: Боже, согрѣшихъ предъ Тобою, умилосердися надъ мною.

Уклонилася еси, душе, отъ Господа своего, яко Даванъ и Авиронъ: но воззови изъ ада преисподняго: „пощади“, дабы пропасть земная не покрыла тебе.

Разсвирѣпѣвши, душе, яко телица, ты уподобилася еси Ефрему: (но) яко серна отъ тенеть спаси свою жизнь, окриливши свой умъ дѣянїями и созерцанїемъ.

Рука Моисеова да увѣритъ насъ, душе, како Богъ можетъ убѣлїти и очистити прокаженную жизнь; и не отчаявайся сама въ себѣ, аще и поражена еси проказою.

Волны прегрѣшенїй моихъ, Спасе, обратившїся вснѣтъ, яко въ Чермнѣмъ мори, внезапно покрывша мя, яко древле—египтяны и (ихъ) всадники.

Неразумное произволеніе имѣла еси, душе, якоже древле Израиль: ибо ты предпочла еси

ны предсудила еси безловесно*), Божественнѣй маннѣ сластолюбосластное страстей. объяденіе. любовное насыщеніе страстей.

*) *Предсудила еси безловесно* по-греч. προέκρινες ἀλόως—предпочла неразумно.

Кладенцы душе, предпочла еси хананейскихъ мыслей, паче жилы камене, изъ негоже премудрости (рѣка,) яко чаша, проливаетъ токи богословія.

Свинная мяса и котлы, и египетскую пищу, паче небесныхъ предсудила еси, душе моя, якоже древле неразумніи людіе въ пустыни.

Яко удари *) моисей рабъ твой жезломъ камень, образно животворивая ребра твоя прообразоваше, изъ нихже вси питіе жизни спасе почерпаемъ.

*) *Яко удари* по-греч. ὡς ἐπληξεν—у насъ сокращено въ причастіе *ударивъ*.

Испытай душе и смотри, якоже иисусъ навинъ обѣтованія землю, какова есть, и вселися въ ню благозаконіемъ.

Кладези хананейскихъ помысловъ предпочла еси, душе, источнику изъ камене, изъ негоже рѣка премудрости, яко чаша, изливаетъ токи богословія.

Свиное мясо, котлы и египетскую пищу предпочла еси (пищѣ) небеснѣй, душе моя, якоже древле неразумніи людіе въ пустыни.

Моисей, рабъ Твой, Спасе, ударивъ жезломъ о камень, таинственно яви образъ животворныхъ Твоихъ ребръ, изъ нихже мы вси почерпаемъ питіе жизни.

Душе, якоже Иисусъ Навинъ, узнай и осмотри обѣтованную землю, какова она есть, и вселися въ ню чрезъ жизнь благозаконную.

* * *

Востани и побори, яко иисусъ амалика, плотскія страсти, и гаваониты, лестныя помыслы присно побѣждаючи.

Преиди време текущее естество *), яко прежде ков-

Востани, (душе), и побори плотскія страсти, яко Иисусъ Амалика; всегда побѣждай и Гаваониты—лукавыя помыслы.

Преиди, душе, текущій потокъ време, якоже древле

чегъ, и земли оныя: буди во одержаніи обѣтованія душе: богъ повелѣваетъ.

ковчегъ (прейде водное естество), и вступи во обладаніе той земли обѣтованія: Богъ повелѣваетъ.

*) *Естество*—*φύσις* у насъ переведено—*потокъ*.

Яко спаслъ еси Петра, возопивша спаси, предваривъ мя спасе: отъ звѣря мя избави, простеръ твою руку, и возведи изъ глубины грѣховныя.

Якоже спаслъ еси Петра, воззавшаго (къ Тебѣ), послѣши спасти и мене, Спасе; избави мя отъ звѣря; простри руку Твою, и изведи мя изъ глубины грѣховныя:

Пристанище ты вѣмъ утишное, владыко, владыко христе: но отъ незаходимыхъ глубинъ грѣха, и отчаянія мя предваривъ избави.

Владыко; Владыко Христе! вѣмъ, яко Ты еси тихое пристанище: послѣши же избавити мя отъ безмѣрныхъ глубинъ грѣха и отчаянія.

* * *

Азь есмь, спасе, юже погубилъ еси древле царскую драхму *): но вжегъ свѣтильникъ предтечу твоего слова, взыщи и обрящи твой образъ.

Азь есмь драхма съ образомъ царскимъ, аже древле изгибла бѣ у Тебе, Спасе; но возжегъ свѣтильникъ—Своего Предтечу—взыщи и обрящи Свой образъ, Слово.

*) *Царскую драхму* по-греч. βασιλείου δραχμῆν у насъ—*драхми съ образомъ* (или изображеніемъ) *царскимъ*.

Востани и побори; яко исусъ амалика, плотскія страсти, и гаваонитяны, лестныя помыслы, присно побѣждаючи.

Востани. (душе), и побори плотскія страсти, яко Исусъ Амалика; всегда побѣждай и Гаваониты—лукавыя помыслы.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Да страстей пламень угасиши, слезъ капли источила еси присно, маріе, душею распалаема, ихже благодать подаждь и мнѣ, твоему рабу.

Дабы угасити пламень страстей, ты, Маріе, распаливши душу, непрестанно изливала еси токи слезъ, ихже благодать даруй и мнѣ, рабу твоему.

Безстрастїе небесное стяжала еси, крайнимъ на земли житїемъ, мати. тѣмже тебе поющимъ, отъ страстей избавитися молитвами твоими, молися.

Высочайшимъ на земли житїемъ ты, мати, стяжала еси небесное безстрастїе; сего ради молися, да избавятся молитвами твоими отъ страстей поющїи тя.

Т р о и ч е н ъ.

Троица есмь проста, нераздѣльна, раздѣльна личнѣ, и единица есмь естествомъ соединена, отецъ глаголетъ, и сынъ, и божественный духъ.

„Азъ есмь Троица простая, нераздѣльная, раздѣльная въ лицѣхъ, и Единица, соединенная естествомъ“. вѣщаетъ Отецъ, Сынъ и Божественный Духъ.

Б о г о р о д и ч е н ъ.

Утроба твоя бога намъ роди, воображенна по намъ: егоже, яко создателя всѣхъ, моли, Богородице, да молитвами твоими оправдимся.

Чрево Твое роди намъ Бога, прїавшаго нашъ образъ; Его, яко Создателя всего, моли, Богородице, да оправдаемся твоими молитвами.

К о н д а к ъ.

Душе моя, душе моя встань, что спиши; конецъ приближается, и имаша смутитися: воспрями убо, да пощадитъ тя христосъ богъ, вездѣ сый, и вся исполняй.

Душе моя, душе моя, встань, что спиши? конецъ приближается, и ты смутишися; воспрями же, да пощадитъ тя Христосъ. Богъ, вездѣ сый и вся исполняй.

М. Добронравовъ.

(Оковчаніе будеть).

Теорія боговдохновенности Библіи въ александрійской школѣ.

ТЕОРІЯ ОРИГЕНА.

(Продолженіе *).

III.

Божественное происхожденіе св. Писанія, его высшій характеръ, какъ первоисточника Откровенія, обусловливаютъ для него въ теоріи Оригена *двойной*, повидимому, противорѣчивый *родъ свойствъ*: съ одной стороны безусловное величіе и совершенство, съ другой—многообразное, относительное несовершенство. Для точнаго опредѣленія понятія Оригена о вдохновеніи необходимо указать тѣ и другія свойства.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ божественнаго авторства является то свойство св. Писанія, по которому оно содержитъ въ себѣ правило (*κανών*) истины, возвышающееся надъ обыкновенною человѣческою мудростью. Св. Писаніе для Оригена есть окончательная инстанція для разрѣшенія всякихъ сомнѣній, вѣрнѣйшій показатель истины ¹⁾. Эта истина проникаетъ повсюду, объемлетъ всѣ части св. Писанія. Если пришествіе Христа сравнивается съ молніей, блистающей отъ востока до запада ²⁾, то тоже сравненіе примѣнимо и къ свѣту истинъ Божественнаго Откровенія, изложенныхъ въ св. писаніяхъ. Блестящій свѣтъ истины не ограничивается только отдѣльными мѣстами, но распространяется изъ каждаго выраженія св. Писанія въ законѣ или евангеліи, во пророкахъ или апостолѣ ³⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 5 за 1907 г.

¹⁾ In Jerem. hom. I, 7 (M. XIII 261).

²⁾ Marc. XXVI, 27.

³⁾ Comment. in Matth. ser. 47 (M. XIII. 1668).

Этотъ фактъ безусловной достовѣрности и совершеннѣйшей истинности нисколько не опровергается кажущимся противорѣчiями, несообразностями и невѣрностями въ буквѣ св. книгъ. Прежде всего замѣчаетъ Оригенъ, мы не рѣшаемся принять ихъ, какъ таковыя, а тамъ, гдѣ онѣ повидимому, бросаются въ глаза, лучший путь къ разрѣшенiю есть сравненiе съ подобными, уже объясненными трудными мѣстами. Даже такiя, повидимому, парадоксальныя мѣста имѣютъ своею опредѣленною цѣлью отъ простой, голой буквы привести къ лежащей въ основанiи св. Писанiя системѣ духовныхъ, спасительныхъ истинъ Откровенiя ¹⁾.

На самомъ дѣлѣ въ св. Писанiи нѣтъ ничего излишняго, напраснаго, несообразнаго. Слово Божiе—это неизмѣримая сокровишница тайнъ ²⁾. Полнота божественнаго величiя разлита во всѣхъ частяхъ его; божественная мудрость простирается даже на отдѣльныя слова и буквы ³⁾. Какъ божественное художество открывается не только въ свѣтилахъ и тѣлахъ небесныхъ, но и въ земныхъ, бранныхъ вещахъ, такъ въ св. писанiи каждая буква носитъ слѣды боговдохновенности ⁴⁾. „Ты думаешь“, говоритъ Оригенъ по поводу извѣстнаго евангельскаго разсказа, „что евангелистъ напрасно написалъ, что слѣпецъ сбросилъ свою одежду и пришелъ къ Иисусу? Я вѣрую, что ни одна iота, ни одно заглавiе не бесполезны въ божественномъ ученiи для людей“ ⁵⁾. Ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ сказать о писанiяхъ Духа Святаго, что въ нихъ что-либо излишне и праздно, хотя для многихъ нѣчто можетъ показаться темнымъ. Если лучше мы обратимъ очи духа нашего на Того, Кто повелѣлъ записать это и будемъ просить Его о разумѣнiи, то Онъ иждѣлать немощи въ душѣ нашей или, если мы—дѣти по разумѣнiю, Онъ, Господь, защитникъ.

¹⁾ Comm. in Johan. 2, 9 (M. XIV 141); Comment in epist. ad Rom 3, 2 (M. XIV vol 929).

²⁾ De princ. Lib. IV. 9 10: сравн. цит. в той же книгѣ (M. XI. 360 и др.).

³⁾ De princ IV. 7 (M. XI 355)

⁴⁾ Sel. in Psalm. Справ. Redepennig. Origenes. B. I Seit. 259—260.

⁵⁾ Comment. in Matthaeum XIV 12. Справ. Маркъ X, 46--52; Матѣ. XX, 29—34; Лук. XVIII, 35—43. Упомянутая Оригеномъ подробность находится въ евангелии Марка (X, 50).

малыхъ сихъ, поможетъ намъ, воспитаетъ и приведетъ въ зрѣ-
 лый возрастъ" 1). „Нинего нѣтъ удивительнаго“, замѣчаетъ
 Оригенъ въ гомиліи на пророка Іеремію, „что каждое слово,
 изреченное пророками, дѣйствительно, производитъ дѣло, прили-
 чествующее слову. Но я думаю, что даже каждая чудесно
 вдохновенная буква, начертанная въ словахъ Божіихъ, дѣй-
 ственна. И ни одна іота, ни одна написанная черта для тѣхъ,
 кто умѣетъ пользоваться силою писаній, не остается безъ
 дѣйствія“ 2).

Въ виду такого объема боговдохновенности, Оригенъ не до-
 пускаетъ возможности какихъ-либо ошибокъ въ св. книгахъ.
 Въ его время были люди, которые различія между евангели-
 стами объясняли неточностями и ошибками памяти ихъ 3). Но
 Оригенъ рѣшительно отвергаетъ подобное объясненіе, выходя
 изъ предположенія, что евангелія написаны, при содѣйствіи
 Духа Святаго. Какъ люди боговдохновенные, евангелисты не
 могли допустить какихъ-либо ошибокъ памяти 4), или написать
 что либо ложное, обманчивое 5). Если и будутъ найдены какія-
 либо погрѣшности, то собственно въ текстѣ манускриптовъ, а
 вовсе не автографовъ, такъ что виновниками ихъ должны быть
 признаны кописты, переписчики, но отнюдь не сами писатели.
 Въ высшей степени поучительны—разсужденія Оригена о
 мѣстѣ, въ которомъ Іоаннъ—Предтеча крестилъ народъ. Въ
 очень многихъ спискахъ и даже у гностика Гераклеона пред-
 лагалось такое чтеніе: „ато происходило въ Виваніи“ (= ταῦτα
 ἐν Βηθανίᾳ ἐγένετο; Іоан. I, 28). Напротивъ, Оригенъ, лично
 посѣтившій святыя мѣста, свазанныя съ исторіей Господа—
 Спасителя, доказываетъ, что въ данномъ мѣстѣ нужно читать
 „ἐν Βηθαβαρᾷ“, а не „ἐν Βηθανίᾳ“ 6). Въ подтвержденіе своего

1) In Numen. hom. XXVII, 1 (M. XII. 732).

2) In Jerem. hom. XXXIX, (XLI. 544).

3) Срав. Comment. in Evang. Joh. VI, 18 (XIV. 260).

4) Comm. in evang. Math. XVI, 12 (XIII. 1409).

5) Comm. in Iohann. VI, 18 (XIV. 257)

6) Comm. in Iohann. T. VI. 24. (XIV. 269. 272). Мнѣніе Оригена подтвер-
 ждается и свидѣтельствами путешественниковъ. (Срав. Dean Stanley. Sinai and
 Palestine. Editio 2; pag 308).

миѣнія александріецъ припоминаетъ, что „Виѳанія была близъ Іерусалима, стадіяхъ въ пятнадцать“ (Іоан. XI, 18), а рѣка Іорданъ отстояла отъ Виѳаніи не менѣе, чѣмъ на сто восемьдесятъ стадій. Никакого мѣста далѣе съ подобнымъ названіемъ близъ Іордана и не было. Наконецъ, голосъ преданія совершенно опредѣленно указывалъ Виѳавару на возвышенномъ берегу Іордана, какъ мѣсто крещенія народа Іоанномъ. Отчего же произошла ошибка? Въ греческихъ спискахъ, отвѣчаетъ Оригенъ „множественно дѣлались ошибки въ названіяхъ, и кто-либо довѣрился имъ и въ евангеліяхъ“¹⁾. Въ качествѣ примѣра вѣроятнаго смѣшенія названій, Оригенъ указываетъ на мѣсто исцѣленія бѣсноватыхъ. Въ манускриптахъ, которыми онъ пользовался, первый евангелистъ говоритъ о странѣ гересинской (Γέρουσα), второй—о странѣ гадаринской, (Γαδάρα), а третій упоминаетъ страну герасинскую (Γέρασα)²⁾. Подобнымъ образомъ онъ допускаетъ ошибки переписчиковъ въ именахъ и названіяхъ, употребляемыхъ въ книгахъ ветхозавѣтныхъ, особенно въ Пятикнижии и въ книгахъ пророческихъ, ссылаясь на свидѣтельства самихъ евреевъ, на сравнительное изслѣдованіе древнихъ рукописей, хранящихся у евреевъ и христіанъ, равно какъ на изданія Акилы, Феодотіона и Симмаха³⁾.

Не допуская въ св. книгахъ никакихъ ошибокъ, Оригенъ тѣмъ болѣе отвергаетъ возможность противорѣчій. Какъ различные тоны соединяются въ чистые аккорды, такъ высшая

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Въ евангеліяхъ, которыми мы теперь пользуемся, разница представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Ев. Матвей (VIII, 28).	Ев. Маркъ (V, 1):	Ев. Лука (VIII, 26—27).
„И когда Онъ прибылъ на другой берегъ, въ страну гересинскую, Его (Іасуса) встрѣтили два бѣсноватые, вышедшіе изъ гробовъ, весьма свирѣпые.“	„И пришли на другой берегъ моря, въ страну гадаринскую. И когда вышелъ Онъ изъ лодки, тотчасъ встрѣтилъ Его, вышедшій изъ гробовъ челоуѣкъ, одержимый нечистымъ духомъ.“	„И приплыли въ страну гадаринскую, лежащую противъ Галилеи. Когда же вышелъ Онъ на берегъ, встрѣтилъ Его одиакъ челоуѣкъ изъ города, одержимый бѣсноватостью.“

Очевидно, Оригенъ пользовался какою-то древнею редакціей Лук. VIII, 26, такъ какъ третій евангелистъ называетъ не „Гѣраса“, а „Гадарон“.

³⁾ Comment. in Iohann. T. IV. См. объ этомъ въ „The Inspiration. of Holy Scripture, its Nature and Prof.“. Wil. Lec. Dublin. Pag. 500.

гармонія господствуютъ въ св. писаніяхъ ¹⁾. Такъ, по поводу незначительной разницы въ приведеніи словъ Іоанна—Крестителя у перваго и втораго евангелистовъ ²⁾, Оригенъ замѣчаетъ, что никто изъ обоихъ не могъ обмануться, никто не желалъ обмануть. Четвертый евангелистъ выражаетъ мысли проповѣди Предтечи два раза, въ разное время и въ различныхъ оборотахъ ³⁾.

Ни одно изъ свойствъ св. Писанія не обозначается Оригеномъ съ такою выразительностью, какъ его *единство*, сколько по отношенію къ одному Составителю, столько же по отношенію къ внутренней связи истинъ. Взглядъ александрійца на это свойство боговдохновеннаго Писанія укрѣпился на почвѣ ревностной полемики противъ гностическихъ сектъ. Собственно истинные гностики утверждали только неравенство двухъ завѣтовъ. Они учили, что въ ветхозавѣтномъ Откровеніи говорилъ и дѣйствовалъ не высочайшій и совершеннѣйшій Богъ, а Деміургъ. По различію представленій о Деміургѣ и взгляды гностиковъ на Ветхій Завѣтъ являются въ двухъ формахъ. Одни гностики, напр. Маркіонъ и его ученикъ Апеллесъ, почитаютъ Деміурга за существо враждебное Богу, а потому не признаютъ никакой связи между двумя завѣтами. Другіе представляютъ Деміурга, какъ подчиненное Богу, ограниченное, но не враждебное Ему существо, которое сознало сообщенныя

1) In Matth. Select. tom. II, (M. XIII. 931).

2) Слова Крестителя приводятся въ слѣд. видѣ:

а) Ев. Маттея (III, 10—11).

„Уже и съхира при корнѣ деревь лежить: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь. Я крещу васъ въ водѣ въ покаяніе; но идущій за мною сильнѣе меня; я не достоинъ носить обувь Его; Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“.

б) Ев. Маркъ (I, 7—8).

„Идетъ за мною сильнѣйшій меня, у Котораго я недостойнъ поклонившись развязать ремень обуви Его. Я крестилъ васъ водою; а Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ“.

3) Tom. VI in Iohann. Сван. Redepenning. Origenes. Bonn. 1841. Seit. 260. У евангелиста Іоанна въ одномъ мѣстѣ (I, 15) Креститель проповѣдуетъ: „Сей былъ Тотъ, о Которомъ я сказалъ, что идущій за мною сталъ впереди меня, потому что былъ прежде меня“; во второмъ (I, 26—27): „Я крещу въ водѣ, но стою среди васъ Нѣкто, Котораго вы не знаете. Онъ-то, идущій за мною, во Который сталъ впереди меня. Я недостойнъ развязать ремень у обуви Его“.

ему Богомъ идеи только въ явленіи Христа ¹⁾). Такъ, по свидѣтельству Епифанія кипрскаго, Ипполита, Иринея ліонскаго, Беринѣя ²⁾ и даже Симонъ-Магъ ³⁾ почитали за первопрічину вдохновенія особаго ангела, создавшаго міръ ⁴⁾). Гностикъ Іустинъ училъ, что пророку Варуху чрезъ ангела сообщалось откровеніе благого Бога ⁵⁾). Эллинизированный гностикъ Валентинъ и, вѣроятно, его ученики Гераклеонъ и Птоломей, признавали высшій элементъ въ пророческомъ вдохновеніи, потому что виновникомъ его былъ Деміургъ ⁶⁾). Впрочемъ, ученіе гностиковъ о боговдохновенности представляло изъ себя весьма пеструю картину, со множествомъ варіантовъ. Общимъ связующимъ звеномъ было отверженіе единства св. канона, которое выражалось въ искаженіи или же отрицаніи той или другой св. книги ⁷⁾). Реакція со стороны отцовъ Церкви противъ гностическихъ сектъ достигла въ лицѣ Оригена своей высшей точки. Ни одного случая не опускаетъ онъ безъ того, чтобы не указать на Бога, какъ общаго Автора обоихъ завѣтовъ. „Тѣ, которые утверждаютъ, что во пророкахъ былъ иной Духъ Святый, нежели какъ въ апостолахъ Господа нашего Іисуса Христа, допускаютъ одинъ и тотъ же проступокъ нечестія, такъ какъ они разсѣиваютъ природу Божества и раздѣляютъ единого Бога закона и евангелій“ ⁸⁾). „Одинъ и тотъ же Духъ вдохновлялъ каждый изъ святыхъ, какъ апостоловъ, такъ и пророковъ. Одинъ и тотъ же, а не различный Духъ былъ и въ древнихъ и въ тѣхъ, кто былъ вдохновляемъ въ пришествіе Христово. Объ этомъ съ полною ясностью пропо-

1) Срв. Neander. Dogmengeschichte. B. I. Seit. 95. Aufl. 1857.

2) Eriphan. Adv. Haer. cap. XXVIII. 1.

3) Hippol. Philosoph. cap. VI, 19; Irin. Adv. Haer. I. 228.

4) Ibidem. Симонъ-Магъ приписывалъ вдохновеніе пророковъ различнымъ силамъ, объединявшимся въ лѣвой Силѣ.

5) Hippol. Philosoph. cap. V, 22.

6) Hippol. VI. 84.

7) Подробности см. Eriphan. Haer. Lib. XXXIII. cap. III; lib. 41, 42 и др.; Irenäus, Lib. IV. 85. 1. 8 и др. Denzinger. Vier Bücher religioſer Erkenntnis. Band. II. Würzburg. 1857. Seit. 288, Sonntag. G. Fr. Doctrina inspirationis aique ratio, historia et usus popularis. Heidelbergae. 1810. p. 108; Manning-Wernunft und Offenbarung. Regensburg. 1867. Seit. 180.

8) Comment. in Titum, III, 10. T. IV. (M. XIV. 1304—1305).

вѣдается въ церквахъ“¹⁾. Вѣра, что оба Завѣта произошли отъ одного и того же Духа, что въ нихъ содержатся одни и тѣ же уроки, внушила Оригену замѣчательную параллель. Когда евреи возроптали противъ Моисея, то Господь приказалъ показать имъ скалу, изъ которой они пили. Если и теперь кто-либо, читая Моисея, будетъ роптать противъ него, если кому-либо не понравится его законъ, написанный по буквѣ, то Моисей покажетъ таковой скалу, которая есть Христосъ, и приведетъ къ ней, чтобы пить и удовлетворить свою жажду²⁾. Оригенъ даже отождествляетъ единство Бога и единство св. Писанія³⁾. Законъ, пророки, апостолъ и евангелія, Ветхій и Новый Завѣтъ произошли изъ одного божественнаго источника⁴⁾. Чувственнымъ образомъ такого единства у Оригена являются—ослица и молодой осель: (Матѣ. XXI, 2), которые были приведены ко Господу учениками для торжественнаго вступленія въ Иерусалимъ⁵⁾. Если, при защитѣ единства обоихъ завѣтовъ, Оригенъ иногда переступаетъ границы, то это начинается скорѣе излишнюю полемику, чѣмъ объективный взглядъ на отношеніе между обоими завѣтами. Это было послѣдствіемъ слишкомъ ревностной борьбы противъ гностическихъ заблужденій⁶⁾. Между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ онъ находитъ полную и совершенную гармонию по содержанию. Чувственнымъ изображеніемъ ея для Оригена служитъ событіе на горѣ Фаворѣ. Здѣсь Иисусъ, Моисей и Илія, какъ представители евангелія, закона и пророковъ, блистаютъ въ лучахъ одного и того же свѣта⁷⁾. Съ истинно поэтическимъ размахомъ проводитъ онъ тѣ же идеи о единствѣ св. Писанія черезъ аналогію съ чувственной музыкой: „Какъ одинъ и тотъ же тонъ, взятый

1) De princ. Praefacio. 4. (M. XI. col. 118).

2) Homil. in. Exod. XI. 2, tom. II (XII. 375—376).

3) Comment. in Iohann. 33, 54 (M. XIV. col. 504).

4) In Ierem. hom. X, 1 (M. XIII. 357).

5) Comment. in Iohan. X 18 (M. XIV. 357).

6) Редепеннингъ упрекаетъ Оригена, какъ и другихъ отцовъ, борющихся съ гностиками, въ томъ, будто они проводили совершеннѣйшее равенство между обоими завѣтами. Но противъ этого можно указать на Comment in Ioh. I, 48 (M. col. 28 и др.), гдѣ евангеліе представляется превосходящимъ Вет. Завѣтъ и др. (Redepenning. Origenes, sein Leben und seine Lehre. B. I. Bonn. Seit. 257).

7) Comment. in epist. ad Roman. I, 10 (M. XIV. 356).

на арфѣ и на цитрѣ, для человѣка необразованнаго покажется различнымъ, по причинѣ различія въ отбѣнкѣ тона, такъ и тотъ, кто неопытенъ въ божественной музыкѣ св. писаній, найдетъ диссонансы между Вѣтхимъ и Новымъ Заветомъ, закономъ и пророками, евангеліями и посланіями апостольскими. Но кто привыкъ, изучилъ этотъ божественный тонъ, кто, подобно Давиду, умѣетъ играть, тотъ на струнахъ закона, пророковъ и апостольскихъ писаній, по законамъ гармоніи, извлечетъ превосходныя мелодіи изъ этихъ удивительныхъ инструментовъ. Все св. Писаніе—это одинъ совершенный, гармоническій органъ Бога, изъ различныхъ тоновъ производящій одну спасительную музыку. Эта музыка, удерживаетъ и прекращаетъ всякую силу злого духа, какъ музыка Давида изгнала злого духа въ Саулѣ ¹⁾. Въ другомъ случаѣ Оригенъ сравниваетъ св. Писаніе съ совершеннымъ тѣлеснымъ организмомъ (τέλειον σῶμα). Какъ упражняющіеся въ разсѣченіи, въ анатомірованіи тѣла врачи, могутъ указать, для какой цѣли и пользы произведена Провидѣніемъ каждая, даже малѣйшая частица человѣческаго организма, такъ и въ св. Писаніи каждое мѣсто, каждое изреченіе имѣютъ свою цѣль, свое значеніе. „Если же ты—не ботаникъ писаній, не апатомъ пророческихъ словъ, то не думай заниматься чѣмъ-либо изъ написаннаго въ нихъ, но обвиняй себя одного, а не св. писанія, когда не понимаешь смысла ихъ“ ²⁾.

Въ связи съ изреченіями самого св. Писанія, гдѣ говорится объ одной книгѣ (напр. Исх. XXXII, 32; Ис. XXIX, 11—12; Пс. 68, 29; Апок. V, I; VI, 3,7), Оригенъ доказываетъ единство св. Писанія, именно, какъ одной книги. Основаніемъ для него служитъ единство содержанія св. Писанія, несмотря на многообразіе частей ³⁾. Конечно такое, чудесное единство нельзя понимать въ смыслѣ повсемѣстнаго единства буквального значенія св. текста. Скорѣе оно простирается на собственное, истинное достоинство св. писаній, которое содержится въ ихъ духовномъ смыслѣ. Относительно всего боже-

¹⁾ Fragm. ex Comment. Matth. 2 (XIII. 831—832).

²⁾ Hom. in Ier. XXXIX. (M. XIII. 514).

³⁾ Comment. in. Iohan. 5; fragm. изъ Hist. eccl. Евсевія Lib. VI. 25 (XIV 154).

ственного Писанія, замѣчаетъ Оригенъ, мы опредѣлили, что все оно имѣетъ духовный смыслъ, но не всегѣлесный, потому что во многихъ мѣстахъ невозможно найти тѣлеснаго смысла“ ¹⁾.

Какъ преимущество св. Писанія надъ мірскими произведеніями языческихъ философовъ, неоднократно въ теоріи александрійскаго учителя, выставляется *свойственный ему характеръ простоты*.

Язычникъ Цельсъ насмѣхался надъ безыскусственнымъ, чуждымъ украшеній способомъ изложенія св. писаній, противопоставляя имъ изящную, художественную рѣчь языческихъ философовъ Эллады. Оригенъ, въ защиту боговдохновенныхъ книгъ, обыкновенно указываетъ на практическую цѣль, какую имѣетъ легкое, общедоступное разумѣніе первоисточниковъ Откровенія. Именно дѣтское благочестіе и сердечная простота, которыми дышатъ евангелія, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего ложнаго, выдуманнаго и лукаваго, избраны Духомъ Божиимъ, чтобы возбудить вѣру во Христа въ сердцахъ нашихъ, а не пышная, остроумная, изложенная по всеѣмъ правиламъ риторики мудрость грековъ. Иисусъ избралъ Себѣ простыхъ учениковъ, чтобы показать, что вѣра въ Него основывается не на остроумныхъ аргументахъ, что чистота сердца и вѣрующее сознаніе, подкрѣпленныя божественнымъ всемогуществомъ, гораздо сильнѣе, дѣйственнѣе, чѣмъ искусственно построенный, ученый аппаратъ язычниковъ ²⁾. Вотъ—причина, почему, скрытый свѣтъ догматовъ Божественнаго Откровенія заключенъ въ ничтожномъ и презрѣнномъ словѣ“ ³⁾.

Въ этой необыкновенной простотѣ св. писаній выражается, особенное снисхожденіе Бога къ силамъ и способностямъ человѣческаго разума. Иначе какъ могъ понять простой народъ рѣчь божественнаго величія? Теперь же слово Божіе одинаково можетъ служить двумъ классамъ людей: способнымъ къ высшему знанію и слабо одареннымъ ⁴⁾ Слѣдовательно, въ противоположность Цельсу, въ чуждомъ украшеній способѣ изложе-

¹⁾ De princ. Lib. IV. 20 (M. XI col. 386).

²⁾ Contr. Celsum. III. 39 (XI 972).

³⁾ De princ. Lib IV 7 (XI 365).

⁴⁾ Contr Cels. IV, 71. (XI. 1013).

нiя и написанiя боговдохновенныхъ книгъ, Оригенъ видитъ не недостатокъ, а преимущество.

Но такое сужденiе не вытекало у него изъ стремленiя совершенно удалить всякое несовершенство въ св. книгахъ. Многочисленные мѣста оригеновыхъ творенiй несомнѣнно доказываютъ, что онъ признавалъ немало *недостатковъ въ стилѣ* св. писателей, и указывалъ совершенно опредѣленно причину ихъ *въ несовершенство адресатовъ*, а не въ самыхъ первоисточникахъ Божественнаго Откровенiя: Возвышенное, мудрое Провидѣнiе Божiе не всегда говоритъ въ св. книгахъ простымъ, легко понятнымъ для человѣческой слабости языкомъ. Весьма часто къ человѣческой немощи говоритъ чрезъ боговдохновенныхъ писателей всемогущество, премудрость, и безконечность Божества. Это взаимное отношенiе между Богомъ и человѣкомъ, между говорящимъ и слушающимъ всецѣло отображается въ св. Писанiи. Оно имѣетъ своимъ послѣдствiемъ то, что при чтенiи св. книгъ, намъ представляется въ нихъ кажушiяся противорѣчiя, невѣрности, темнота и различныя несовершенства. Если св. Писанiе, взятое въ его цѣломъ объемѣ, какъ приспособленное къ силѣ пониманiя своихъ читателей, представляетъ нѣкоторый несовершенный образъ познанiя, въ сравненiи съ будущимъ вѣкомъ ¹⁾, то мы не должны удивляться, что въ отдѣльныхъ частяхъ его—много темноты ²⁾. И не только сами по себѣ таинственныя книги, какъ Апокалипсисъ и книга пророка Исаи, не вполне доступны для насъ, но даже во всѣхъ прочихъ частяхъ Писанiя всякiй при поверхностномъ знакомствѣ съ ними, найдетъ много загадокъ, притчей и аллегорическихъ выраженiй ³⁾. Безчисленныя, фактическiя ошибки въ пониманiи св. книгъ, служатъ лучшими доказательствами темноты ихъ смысла ⁴⁾. Оригенъ выставляетъ на видъ Цельсу вою надменность его изреченiя, что „онъ, Цельсъ, знаетъ все“. Безъ сомнѣнiя, Цельсъ не сталъ бы говорить подобнымъ языкомъ, если бы читалъ таинственныя

1) *Commenet. in. Johann X, 14 (M. XIV 310).*

2) *Select. in psalm. fragm. I (M. XII 107e).*

3) *Ibidem. (XII. 1077)*

4) *Comment. in epist. ad roman. 4 Philocal. cap. 9 (M. XVI. 1077); срав. de princip. Lib. VI. 10 (M. XI 361).*

видѣнія пророковъ, евангельскія притчи, исторію еврейскаго народа, или постановленія Моисеева закона. Несмотря на самое серьезное и усердное изученіе всего этого, онъ, Оригенъ, никогда не рѣшится говорить что-либо подобное ¹⁾. Конечно, что при поверхностномъ изученіи, многое въ библии покажется понятнымъ и яснымъ. Но болѣе глубокое проникновеніе откроетъ многія трудности и иногда непреодолимую темноту ²⁾. Полная глубиной таинственности темнота дѣлаетъ св. Писаніе подобнымъ огромному зданію, со множествомъ жилищъ. Каждое изъ жилищъ въ этомъ зданіи имѣетъ свой особый ключъ, но такъ какъ всѣ ключи перемѣшаны, то не легко найти вѣрный ключъ для каждой двери. Послѣднее и составляетъ задачу экзегетовъ въ этомъ полномъ тайнѣ дворцѣ боговдохновенныхъ писаній ³⁾.

Откуда произошла эта темнота, эта таинственность въ книгахъ Божественнаго Откровенія? Они такъ же мало суть дѣло слѣпота, какъ и многія неясныя проблемы видимаго, чувственнаго міра, которыя возбуждаютъ наше удивленіе и которыя сокрыты для нашего познанія. ⁴⁾ Они происходятъ частью изъ безконечнаго разстоянія, отдѣляющаго Автора и читателей св. Писанія; частью изъ опредѣленныхъ намѣреній и плановъ божественнаго Промысла. Св. Писаніе есть выраженіе божественной Мысли и, какъ таковое должно быть объяснено, какъ всякій письменный документъ, изъ круга идей своего Составителя. Никогда не должно забывать, что сокровище Божественнаго Откровенія облечено въ одежду несовершеннаго, человѣческаго языка. „О словахъ Духа Святата“, говоритъ Оригенъ, „должно думать такъ, что наилучшая рѣчь не блистаетъ слабымъ человѣческимъ краснорѣчіемъ, но какъ написано, „вся слава дщери царицы внутрь“ (Псал. 44, 14), и сокровище божественныхъ мыслей заключается *въ брѣзномъ сосудѣ презрѣнной буквы*“ (inter fragile vasculum vilis litterae) ⁵⁾. Глубина божественной премудрости и знанія, такъ вс-

¹⁾ Contra Caelum. I, 12 (M. XI 677).

²⁾ In. Exod. hom. IV. (M. XII. col. 311).

³⁾ Select in. psalm. I. (M. XII. 1080).

⁴⁾ De princ. IV, 7 (M. XI. 833).

⁵⁾ Ibidem. IV. 26 (M. XI. col. 399).

лика, что даже ап. Павелъ, изслѣдуя ее, при помощи Духа Святаго, проникающаго даже глубины Божіи (1 Кор. 2, 10), оказался не въ силахъ достигнуть цѣли и, такъ сказать, внутреннѣйшаго познанія. Поэтому-то, въ сознаніи своей ограниченности и въ изумленіи, онъ воскликнулъ: „о, глубина богатства, премудрости и разума Божія“ (Рим. XI. 33)! Въ самомъ дѣлѣ, никакой просвѣщенный умъ, даже вспомошествоемый Божіей благодатію, не въ состояніи до конца достигнуть того, что изслѣдуется. Лишь только онъ найдетъ что-либо изъ того, что ищетъ, онъ опять видитъ иное, что еще только нужно изслѣдовать. Если же онъ достигнетъ и этого, то опять гораздо больше увидитъ такого, что еще должно подвергнуть изысканію ¹⁾. Поэтому, даже мудрѣйшій Соломонъ и пророкъ. Исаія учили, что смертная природа не можетъ найти начала вещей, что этого не могутъ достигнуть даже существа болѣе высшія, чѣмъ человѣкъ, но тоже созданцыя или сотворенныя (Еккл. VII. 24—25; Исаія, 41, 22—23; VI, 3 и др.). Начало и конецъ всего никто не можетъ постигнуть, кромѣ Господа Іисуса Христа и Духа Святаго. Также и въ боговдохновенныхъ писаніяхъ есть такія вещи, значеніе которыхъ нельзя надлежащимъ образомъ выразить никакими словами человѣческаго языка, которыя уясняются болѣе чистымъ разумомъ, чѣмъ какими-либо свойствами словъ. „Этого правила должно держаться и при уразумѣніи божественныхъ писаній, т. е., о томъ, что говорится въ нихъ, слѣдуетъ судить не по слабости слова, но по божественности Св. Духа, вдохновеніемъ Котораго они написаны“ ²⁾. Слѣдовательно, не голая, простая буква должна быть объектомъ изслѣдованія св. Писанія, но его божественный смыслъ ³⁾. Съ другой стороны, Богъ по особому намѣренію Своему, чтобы сдѣлать Свои откровенія понятными людямъ, принялъ въ услуженіе несовершенныя средства человѣческой рѣчи, слова которой должны далеко

¹⁾ De princ. IV. 26 (М. XI 399)

²⁾ По переводу Руфина: „Ad quam regulam etiam divinarum litterarum intelligentia retinenda est, duo scilicet ea, quae dicuntur, non pro vilitate sermonis, sed pro divinitate sancti Spiritus, qui eas conscribit, inspiravit, censeatur“ (De princ. IV, 26; igne. XI. 402).

³⁾ Ibidem.

возвышаться надъ границами обыкновеннаго содержанія мысли, для выраженія божественныхъ идей. Поэтому, для опредѣленія истиннаго смысла сказаннаго, не достаточно найти объективный размѣръ понятій, связанныхъ съ тѣми или другими словами. Необходимо—еще нѣкоторый чистый разумъ (*simplex quidam intellectus*) изслѣдующаго человѣческаго духа, чтобы расширить границы содержанія боговдохновенныхъ словъ ¹⁾. Св. Писаніе, такимъ образомъ, является какъ бы громаднымъ изображеніемъ, исполинскою картинною, заключенными въ тѣсныя рамки. *Это главная причина темноты Библии, какъ Откровенія безконечнаго Бога къ людямъ, написаннаго на человѣческомъ языкѣ.* Темнота св. книгъ есть совершенно натуральное слѣдствіе отношенія Божественнаго Промысла къ своимъ орудіямъ и его намѣреній касательно св. Писанія. Тайнственное покрывало брошено на содержаніе св. Писанія для того, чтобы всякій, при самомъ чтеніи, могъ почувствовать слѣдъ божественнаго вдохновенія (*ἐνδοξαίστερόν*) и посредствомъ личнаго своего опыта могъ убѣдиться въ немъ ²⁾. А если убѣжденіе въ боговдохновенности св. Писанія стоитъ на твердыхъ основаніяхъ, то каждое отдѣльное темное и, повидимому, неясное мѣсто указываетъ на необходимость опредѣлить содержащуюся въ немъ божественную тайну, найти болѣе глубокий смыслъ словъ, чѣмъ допускаетъ обыкновенное словоупотребленіе ³⁾. *Здѣсь темнота является путеводителемъ къ свѣту.* Иногда, впрочемъ, естественною цѣлю св. писаній является то, чтобы скрыть подъ тайнственнымъ покрываломъ отъ непризванныхъ взоровъ глубокія истины Откровенія. Часто въ св. книгахъ сокрыты истины, которыя сами по себѣ полезны, но для непризванныхъ могутъ быть опасны ⁴⁾. Для нѣкоторыхъ же людей содержаніе св. писаній и должно оставаться

1) De princ. IV. 26 (M. XI. 402). Ср. Comment. Matth. XIX, 12 (M. XIII. 1212).

2) De princ. IV (M. XI. 353)

3) Comment. in. Iohann. II, 9 (XIV, 141); XIII, 60 (XIV. 521).

4) Fragin. ex Strom. Lib V: у Иеронима Lib. I adversus Rufinum (M. XI. 142): „Sin autem commodum audientis exegerit, verbis loquitur ambiguis et per aenigmata quae vult profert, ut et veritatis apud eum dignitas conservetur et quod noxium esse poterat, si nudum proferretur in vulgus quodam tecto velamine proferatur“.

сокровеннымъ, такъ какъ они недостойны знать его и такъ какъ такое знаніе можетъ послужить имъ къ гибели ¹⁾).

Итакъ, характеръ темноты и тайственности въ св. Писаніи, подобно тому, какъ облачная колонна въ красномъ морѣ, служитъ свѣтомъ и вѣрнымъ руководствомъ для призванныхъ, но для недостойныхъ является, какъ бы темнымъ и непроницаемымъ покрываломъ, отдѣляющимъ святилище отъ мірскихъ взоровъ. Это свойство Оригенъ, очевидно, относитъ болѣе къ преимуществамъ, чѣмъ къ несовершенствамъ св. Писанія.

Подобнымъ цѣлямъ Божественнаго Промысла служатъ кажущіеся *недостатки* въ св. книгахъ.

Св. Писаніе есть зеркало высочайшей, духовной жизни другого міра и, какъ таковое, не можетъ быть совершеннѣйшимъ отображеніемъ его, подобно тому, какъ и видимое твореніе недостаточно рефлектируетъ невидимое. Въ тѣсныя границы св. Писанія заключены событія и истины сверхъестественнаго міра, для которыхъ мало аналогій можно найти въ видимомъ твореніи или, по крайней мѣрѣ, въ кругѣ человѣческихъ идей. При этомъ главной цѣлью для боговдохновенныхъ писателей является именно сохраненіе связи духовныхъ истинъ и непрерывной нити сверхъестественныхъ событій. Имѣя въ виду эту главную цѣль, а также предохраненіе отъ исключительной оцѣнки буквы, Духъ Божій и допустилъ въ св. книгахъ кажущіяся невѣрности. Если бы, разсуждаетъ Оригенъ, польза закона, послѣдовательность и изящество (γλαφυρόν) историческаго повѣствованія обнаруживались въ св. Писаніи сами собою, то мы едва ли бы узнали, что въ Писаніи содержится какой-нибудь другой смыслъ, кромѣ ближайшаго (πρόχειρον). Поэтому Слово Божіе позаботилось внести въ законъ и исторію нѣкоторые какъ бы соблазны, камни преткновенія и несообразности. Безъ этого же, увлеченные слишкомъ привлекательнымъ словомъ, но ничему не научившись, мы отпали бы, наконецъ, отъ Бога, или же, не отступая отъ буквы, остались

¹⁾ Comment. in epist. ad Roman. изъ Philocal. cap. IX (M. XIV. 1078). Ученіе Оригена въ этомъ случаѣ является противоположностью и отчасти отзвукомъ гностическаго ученія объ эсotericескомъ и экзotericескомъ христіанствѣ. Въ смягченной формѣ оно излагается во многихъ мѣстахъ, напр.: Contra Celsum. Lib I cap 7; III, 79; VI. 13; VII, 16; Comment. in Iohann. I, 9. (XIV. 37).

ненаученными ничему божественному. Притомъ, Слово Божіе имѣетъ цѣлью главнымъ образомъ указать связь между событіями духовными, какъ совершившимися, такъ и долженствующими совершиться. Тамъ, гдѣ историческія событія соотвѣтствовали этимъ таинственнымъ предметамъ, Слово Божіе воспользовалось ими для сокрытія глубочайшаго смысла отъ толпы. Но гдѣ историческій рассказъ (πράξις), написанный ради высшихъ тайнъ, не соотвѣтствовалъ ученію о духовныхъ вещахъ, тамъ Писаніе присоединило къ исторіи то, чего на самомъ дѣлѣ не было. Подобнымъ образомъ и въ законѣ, наряду съ предписаніями полезными, соотвѣтствующими временамъ закона, встрѣчаются предписанія, полезнаго значенія которыхъ не видно. *Это сдѣлано, согласно теоріи Оригена, для того, чтобы болѣе мудрые и проникательные люди, занявшись изслѣдованіемъ написаннаго, приобрѣли себѣ похвальное убѣжденіе, что необходимо искать въ такихъ предписаніяхъ смыслъ, достойный Бога* ¹⁾.

Но Духъ Святый, продолжаетъ Оригенъ, допустилъ это не въ однихъ только писаніяхъ, происшедшихъ до явленія Христа въ мірѣ. Подобныя кажущіяся невѣроятности встрѣчаются въ евангеліяхъ и посланіяхъ апостольскихъ ²⁾.

Изъ книгъ ветхозавѣтныхъ Оригенъ приводитъ немало примѣровъ, доказывающихъ, что въ нихъ *не всегда содержится чистая исторія въ тѣлесномъ смыслѣ*. „Кто, имѣя разумъ, спрашиваетъ александріецъ, подумаетъ, что первый, второй и третій день, также вечеръ и утро—были безъ солнца, луны и звѣздъ, а первый день даже безъ неба?... И если говорится, что Богъ вечеромъ ходилъ въ рай, Адамъ же спрятался подъ деревомъ, то я думаю, никто не сомнѣвается, что рассказъ этотъ образно указываетъ на нѣкоторыя тайны,—черезъ исторію только мнимую, и не происходившую тѣлеснымъ образомъ. Но и Евангелія, по Оригену, также наполнены повѣствованіями, которыя описаны, какъ дѣйствительныя, но не совершились по буквѣ. „Діаволь, на примѣръ, возводитъ Иисуса на высокую гору, чтобы показать Ему оттуда царства всего міра и всю славу ихъ. Кто изъ людей, читающихъ это нелегко-

¹⁾ De princ. Lib. IV. cap. 15 (M. XI. 378 n др)

²⁾ Ibidem., cap. XVI.

мысленно, не осудить тѣхъ, которые думаютъ, будто Спаситель видѣлъ царства персовъ, скинозовъ, индѣйцевъ, парянъ и славу, какую цари пользуются у людей, видѣлъ чувственнымъ взоромъ, которому нужна высота, чтобы разсмотрѣть подлежащія предметы, расположенныя ниже“¹⁾).

Переходя затѣмъ собственно къ законодательнымъ постановленіямъ Моисея и Христа, александріецъ, также вооружается противъ буквальнаго, тѣлеснаго пониманія многихъ изъ нихъ. Если буквально понимать, напр., слова закона о субботѣ: „сѣдите кійждо въ дому своемъ, никто же изъ васъ да исходитъ отъ мѣста своего въ день седьмый“ (Исх. XVI, 29), то можно ли буквально исполнить ихъ? Вѣдь никакое живое существо не можетъ сидѣть цѣлый день дома, не трогаясь съ мѣста²⁾. Точно также, напр., въ Евангеліи повелѣвается получившему ударъ въ правую щеку подставить лѣвую (Матѣ. V, 39; Лук. VI, 29). Между тѣмъ человѣкъ, который бьетъ правую рукою, наноситъ ударъ въ лѣвую щеку, а не въ правую. Невозможно буквально понимать и слѣдующее предписаніе Евангелія „если правый глазъ будетъ соблазнять тебя, его нужно вырвать“ (Матѣ. V, 29). Если мы допустимъ, что это сказано о плотскихъ очахъ, то какъ объяснить, что вина соблазна относится къ одному глазу и именно къ правому, хотя смотрѣли оба глаза? *„Все это нами сказано“*, поясняетъ Оригенъ, *„для доказательства, что божественная сила, давшая намъ Св. Писаніе, имѣла цѣлю, чтобы мы не принимали слова Писанія только буквально, такъ какъ по буквѣ слова Писанія, иногда не сообразны съ истинною“*... *„Мы хотимъ доказать, что къ дѣйствительной исторіи и къ законамъ, полезнымъ по буквальному смыслу, прибавлено еще нѣчто“*³⁾.

Введеніе подробностей, которыя, повидимому, по буквальному значенію, неистинны и невозможны, служить къ цѣли связнаго, цѣлостнаго, чисто духовнаго Откровенія. Боговдохновенные писатели своими разсказами о чудесныхъ событіяхъ, своими разнообразными подробностями о времени, мѣстѣ и лицахъ этихъ событій, желали въ насъ возбудить духовное со-

¹⁾ Ibidem. XVI.

²⁾ Ibidem. XVII.

³⁾ Ibidem. XVIII.

зерцаніе ¹⁾). Мысль свою Оригенъ разъясняетъ примѣромъ. Четыре лица, удостоившіеся божественныхъ откровеній, напр. желаютъ изобразить, описать сокровенныя дѣйствія въ душахъ ихъ Самого Бога. Ихъ сообщенія, ихъ рассказы, безъ сомнѣнія будутъ разнообразны. Какая пестрая картина получится въ этихъ рассказахъ! Сколько будетъ различій по времени, мѣсту, второстепеннымъ подробностямъ! Однако, при различіи въ подробностяхъ, въ мелочахъ, всѣ четыре лица, по отношенію къ своей единой цѣли, могутъ говорить истину, которую, конечно, нужно искать не въ описаніи внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ сущности, то же самое мы наблюдаемъ и у четырехъ евангелистовъ, которые подъ чувственными, разнообразными одеждами скрываютъ то, что созерцали только въ духѣ, по божественному вдохновенію. Ни въ какомъ случаѣ, поэтому, нельзя порицать евангелистовъ за ихъ нѣкоторую свободу въ обращеніи съ внѣшними подробностями исторіи. Евангелисты сообщаютъ истину духовно и тѣлесно тамъ, гдѣ это было возможно; гдѣ же нельзя было совмѣстить то и другое, они предпочитаютъ тѣлесному духовное. Когда же нужно, евангелисты спасаютъ истинно-духовное въ тѣлесномъ, какъ бы въ матеріальной неправдѣ ²⁾). Такое понятіе объ отношеніи содержанія къ формѣ св. писаній даетъ экзегету желательный выходъ изъ труднѣйшей альтернативы, которую различный образъ представленія одного и того же историческаго факта у синоптиковъ предлагаетъ въ дилеммѣ: или евангелисты противорѣчили другъ другу, или же должно въ данномъ случаѣ допустить многіе, *численно различные факты одного и того же рода*. Простѣйшее разрѣшеніе этого вопроса Оригенъ видитъ въ намѣреніи евангелистовъ сообщить чисто-духовныя истины въ оправѣ внѣшнихъ, историческихъ фактовъ ³⁾). Слѣ-

¹⁾ Comment. in Iohann. X. 4. (M. XIV. 313).

²⁾ Comment. in Ioh. X, 4 XIV. col. 313.

³⁾ Comment. in Matth. sen. 77 (XII, col 1723). Какъ кажется, въ данномъ случаѣ Оригенъ не совсемъ вѣренъ своему принципу. Если евангелисты сообщали *численно различные факты одного и того же рода*, тогда зачѣмъ предлагать разрѣшеніе дилеммы въ намѣреніи синоптиковъ жертвовать исторіей, въ пользу чисто духовныхъ истин? Но эта простая непоследовательность далеко не означаетъ „либеральнаго взгляда“ на боговдохновенность, какъ полагаетъ Даведсонъ (См. его An Introduction to the New Testament. (London. 1857. Vol. I: pag. 53, 165, 166 и др.).

довательно, темнота и кажущіяся несовершенства св. книгъ далеко не могутъ привести къ соблазну, къ заблужденію вѣрующее чувство. Напротивъ, они доказываютъ, что боговдохновенныя писанія, суть поставленные рукою Божіей, нарочитые памятники таинственному, сокровенному бытію высшаго духовнаго міра.

Многое, что намъ кажется несовершеннымъ, Оригенъ объясняетъ изъ снисхожденія Бога къ человѣческой немощи. Это въ особенности замѣчается у него касательно такихъ опредѣлений закона, которыя несомнѣнно имѣютъ только относительное совершенство ¹⁾).

Такимъ образомъ, по примѣру своего учителя Климента, Оригенъ кажущіяся противорѣчія, невѣрности и дѣйствительныя несовершенства св. книгъ, выводитъ изъ опредѣленныхъ намѣреній божественнаго Промысла. По его теоріи, все въ св. Писаніи носитъ печать спасительнаго божественнаго Откровенія, хотя весьма часто для слабаго человѣческаго духа это и бываетъ сокрыто подъ одеждою видимыхъ несовершенствъ. Такое возвышенное понятіе о божественномъ авторствѣ, о его послѣдствіяхъ для природы св. книгъ дѣлаетъ почти излишнею съ точки зрѣнія Оригена работу, надъ устраненіемъ несомнѣнныхъ трудностей св. текста, которыя для всякаго серьезнаго изслѣдователя представляются въ различныхъ мѣстахъ св. Писанія. Вполнѣ понятно, что Оригенъ, этотъ неутомимый изслѣдователь Слова Божія и многочисленныхъ связанныхъ съ нимъ проблемъ, принялъ вышеизложенное понятіе въ свою теорію: этого требовалъ глубокій идеализмъ всей его богословской системы.

Д. Леонардовъ

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Comment. in Matth. 14. (M. XIII. col. 1244). Однако Оригенъ отрицалъ ложную аккомодацию, какъ это видно изъ его замѣчаній, по поводу обвиненія Иисуса Христа иудеями: „не правду ли мы говорили, что Ты Самарянинъ“ (Иоан. VIII, 48) Comm. in Ioh. гл. XX (M. XIV. 659). Это отверженіе ложной аккомодации Оригеномъ отмѣчаетъ даже рационалистъ Бретшнейдеръ въ своей „Dogmatik.“ Band. I. Seit. 422. Auflage 4. Срав. The Inspiration of Holy Scripture, its Nature and Prof. Ficht. Discourses. William Lee. Ficht edition. Dublin. Pag. 67.

Историческій процессъ религіозно-нравственнаго развитія чело- вѣчества по апостолу Павлу.

(Окончаніе *).

III.

Отрицательнымъ результатомъ многовѣковой исторіи чело-
вѣчества, какъ стремленія къ самоправедности, къ самоспасенію
было осужденіе наличной дѣйствительности, потеря вѣры въ
себя и сознаніе своего безсилія. Положительная сторона этой
самостоятельной работы людей въ своемъ развитіи сказалась
въ усиленномъ желаніи того порядка вещей, который имѣлъ
мѣсто до грѣхопаденія, въ стремленіи возсоздать идеальнаго
Адама, какъ идеаль челоуѣка. Совершенство, желаніе быть
„какъ боги“, это было, какъ мы видѣли, главнымъ двигателемъ на
всемъ протяженіи историческаго процесса. Одна часть людей
искала истину, создавала норму, другая проводила уже гото-
вую норму въ жизнь, стараясь воплотить совершенство въ лич-
ности. Все это было законнымъ стремленіемъ и оно было бы
несомнѣнно продуктивнымъ, если бы челоуѣчество осталось
нравственно чистымъ, какимъ былъ его прародитель до грѣхо-
паденія. Но вся бѣда и была въ томъ, что челоуѣчество, отка-
завшись отъ послушанія Богу и избравъ путь самостоятель-
наго совершенствованія, извратило свою природу, сдѣлавъ ее
невоспріимчивой къ духовнымъ вещамъ. „Душевный челоуѣкъ
непринимаетъ того, что отъ Духа Божія... и не можетъ разу-
мѣть, потому что о семъ надобно судить духовно“ (1 Кор.
2, 14). Эта истина сказалась со всею яркостью въ исторіи
челоуѣчества. Челоуѣчество по своей духовной организаціи не

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1907 г.

могло быть воспримчивой формой Божественнаго содержанія, а оно этого не знало. Во Адамѣ всѣ люди умирали нравственно и физически, грѣхъ извратилъ духовную природу, а человѣчество только по прошествіи многихъ столѣтій пришло къ сознанію этой роковой истины. Здѣсь наказаніе Божественнаго правосудія соединено было съ педагогическою цѣлью: сдѣлать фактъ нравственной смерти внутреннимъ убѣжденіемъ личности. Весь историческій путь человѣчества, на которомъ оно было предоставлено самому себѣ, въ сущности былъ возвращеніемъ къ старому порядку вещей. Человѣчество же все время жило сознаніемъ, что оно идетъ по пути прогресса и времена Адама остались тамъ далеко позади, какъ пережитокъ, какъ нисшая стадія развитія. Дѣйствительность, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, подвинутая впередъ по пути развитія, наконецъ, открыла людямъ глаза. Адамъ, давно уже отжившій, какъ думало человѣчество, только теперь долженъ былъ начать жизнь, такъ безвременно прерванную. Человѣчество въ своей многовѣковой исторіи отобразило только Адама согрѣшившаго. Оно, стоявшее во внутренней связи съ нимъ, повторило его во всѣхъ своихъ индивидуумахъ и въ этомъ смыслѣ можно пожалуй сказать, что превзошло его, пережило. Въ человѣчествѣ падшій Адамъ и пришелъ къ сознанію своей ошибки—разочаровался въ себѣ, возненавидѣлъ себя съ тѣмъ, чтобы стать первоначально чистымъ, идеально праведнымъ. Надо было сбросить съ себя эту нелену грѣха, заставлявшаго жить человека заблужденіемъ, отречься отъ самоутвержденія и облечься въ одежду первобытнѣйшей чистоты и нравственной уравновѣшенности. Настояла нужда въ нравственной чистотѣ, въ пересозиданіи своего внутренняго строя. Рѣшительный переворотъ въ душевной жизни долженъ быть сдѣланъ прежде всего.

Такъ подсказывало внутреннее сознаніе, заранѣе увѣренное въ этой зловѣщей судьбѣ, какая грозила всѣмъ его добрымъ намѣреніямъ. Сила грѣха давно уже сдѣлала безрезультатной всякую попытку человека къ активному противодѣйствію и воля, которая рѣшительно отказывалась служить высшимъ интересамъ, была ли она въ состояніи выполнить ту колоссальную задачу, которую теперь ставило ей человѣчество?!... Съ

этой роковой правдой жизни давно уже сроднился человекъ и она сдѣлала его послѣдніе годы сплошнымъ страданіемъ (Рим. 7 21). Человекъ долженъ былъ отказаться отъ всякой попытки вести борьбу съ началомъ зла, которое сдѣлалось господиномъ его природы. И теперь, когда предъ общечеловѣческимъ сознаниемъ стояла такая громадная работа, обѣщавшая ему новую жизнь, человекъ долженъ былъ понять свою безвыходность изъ этой роковой коллизіи. Воля отказывалась служить разсудку, а послѣдній былъ не въ состояніи на нее реагировать. Здѣсь человекство, насильно переломивъ свое самомиѣніе, вынуждено было первый разъ взглянуть на небо не глазами, гордаго своею праведностью фарисея, а взоромъ кающагося мытаря, прося припятъ себя какъ блуднаго сына въ общеніе съ оставленнымъ отцомъ. Собственное безсиліе должно было призвать, наконецъ, Божественную силу на помощь себѣ, самовѣріе смѣниться вѣрою. И господство человѣческаго начала въ исторіи должно было уступить мѣсто съ этой поры, явному дѣйствию Божественнаго Промысла. Какъ Іудей „заключенный подъ стражею закона (Гал. 3, 23), который былъ для него „дѣтководителемъ“ ко Христу (24), такъ и язычникъ, „преданный Богомъ постыднымъ страстямъ“, исторически воспитывали себя и, сами того не зная,—приготовляли міръ къ устроению новой жизни, на иныхъ высшихъ началахъ. И, какъ это ни странно, „неправдою человѣческою открывалась правда Божія, невѣрностью людей возвисилась вѣрность Божія къ славѣ Божіей“ (Рим. 3, 5, 7). Путь лжи и нечестія, не стѣсняемый провидѣніемъ, направлялся послѣднимъ къ добрымъ послѣдствіямъ. Субъективная неправда людская въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ она, въ концѣ концовъ, привела человека, получила въ нихъ свое объективное оправданіе. Она, до нѣкоторой степени, способствовала созиданію новаго направленія въ исторіи въ томъ смыслѣ, что удобрила почву для насажденія царства новаго порядка—„Царства Божія“. Было бы, конечно, нелѣпностью утверждать, что Христіанство есть непосредственный продуктъ всего предшествующаго историческаго процесса. Этого положенія никакъ нельзя принять, потому что человекство временъ Христа, далеко не имѣло тѣхъ положительныхъ эле-

ментовъ, изъ которыхъ созидалась новая жизнь. Все человѣческое общество, какъ совокупность тварныхъ, ограниченныхъ существъ, по самому своему понятію не могло произвести Богочеловѣка—абсолютное совершенство. Со стороны качественной Христіанство рѣзко отличалось отъ стараго порядка жизни, потому что провозвѣстникъ его Христосъ былъ больше, чѣмъ идеальный человѣкъ,—Само Божество нашло въ Немъ свое воплощеніе. Поскольку вновь открывающееся „Царство Божіе“ было человѣческимъ, постольку оно было, пожалуй, продуктомъ предшествующаго развитія. Но оно было въ своей сущности явленіемъ Богочеловѣчества, было новымъ твореніемъ, имѣющимъ главную свою причину въ Богѣ. Общій законъ всякой эволюціи утверждающій, „что высшіе типы существованія, не создаются предшествующимъ развитіемъ, а только обуславливаются имъ въ своемъ положеніи“, въ фактѣ явленія Христіанства нашель свое выраженіе. Весь путь естественнаго развитія человѣчества, на которомъ оно, такъ сказать, переработывало себя, чтобы предъявить, наконецъ, къ исторіи тѣ, или другія требованія, продиктовать ей свою волю, выразить послѣднія желанія,—былъ эпохой „приготовленія рода человѣческаго ко принятію Спасителя“. И на закатѣ своихъ историческихъ дней, человѣческой духъ двойнымъ, такъ сказать, внутреннимъ процессомъ ¹⁾ подошелъ, наконецъ, ко Христу, Который долженъ былъ воплотить въ себѣ всѣ лучшія надежды людей, создать новую жизнь, умерши для прежней. Только Христосъ, какъ идеальный человѣкъ, могъ осмыслить предшествующую исторію. Во Христѣ предстала исторія и въ своемъ будущемъ развитіи. Исправивъ фактически людскую ошибку, Христосъ долженъ былъ преобразовать нравственную природу личности, дать основные принципы, указать дальнѣйшее направленіе историческаго процесса. Самое историческое положеніе Христа, Его міровое назначеніе требовали, чтобы Онъ заключилъ въ Себѣ нѣчто большее, чѣмъ дано было въ предшествующемъ человѣчествѣ. Христосъ, какъ идеальный человѣкъ, какъ Богочеловѣкъ былъ „новымъ твореніемъ“. „Однако, новое твореніе, говоритъ В. С. Соловьевъ, менѣ всего можетъ

¹⁾ Путь іудеевъ и язычнковъ.

быть обозначено, какъ твореніе изъ ничего, потому что матеріальною основою для возникновенія новаго типа, служить прежній, а во вторыхъ,—и собственное положительное содержаніе высшаго типа не возникаетъ вновь изъ небытія, а, существуя отъ вѣка, лишь вступаетъ (въ извѣстный моментъ процесса) въ другую сферу бытія, въ міръ явленій¹⁾. И Христосъ, долженствовавшій явиться въ опредѣленный историческій моментъ, въ качествѣ опредѣленнаго лица, существовалъ, какъ говоритъ неоднократно Апостоль, „отъ вѣка“. „Онъ есть образъ Божій, рожденный прежде всякой твари“ (Колос. 1, 15), и др. (Евр. 1, 4—5). Какъ прототипъ, какъ первообразъ совершенства, Христосъ существовалъ уже въ первомъ Адамѣ, котораго Апостоль называетъ „образомъ будущаго“ (Рим. 5, 14), а потому, какъ высшій типъ, идеаль—Христосъ жилъ въ исторіи съ самого ея возникновенія. Какъ творческое начало, (Кол. 1, 16) Христосъ съ самого начала исторіи вошелъ въ жизнь какъ активный дѣятель, какъ предметъ лучшихъ надеждъ и высокихъ обѣтованій. Божественное начало во весь долгій періодъ блужденія народовъ не было бездѣйственнымъ. Оно, не подавляя человѣческой свободы, искало себѣ подходящей среды для своего проявленія. Поэтому, косвенно воздѣйствуя на пути историческаго развитія. Оно дѣйствовало и положительно, стремясь войти въ дѣйствительный союзъ съ человѣкомъ рожденнымъ въ грѣхѣ. Если человѣчество въ концѣ исторіи возжаждало Христа, то оно въ небольшой своей части было фактически способнымъ и воспринять Его, какъ давно желанный предметъ своихъ сокровенныхъ надеждъ. Эти немногіе люди, сдѣлавшіеся посетителями высокихъ обѣтованій, жившіе съ самого начала идеей Христа, предобразовали въ себѣ все будущее человѣчество. Ихъ жизнь уже являла основныя начала будущаго, лучшаго существованія и своимъ подвигомъ „вѣры“ они давно уже предвосхищали Христа—таковы были ветхозавѣтные патріархи. Какъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка всегда есть свой укромный уголокъ, гдѣ идетъ лихорадочная, интенсивная работа, часто для него самого совершенно незамѣтная, которая потомъ сразу

1) „Оправд. добра“ гл. IX, стр. 208.

обнаруживаетъ себя и окрашиваетъ въ соотвѣтствующій колоритъ все направленіе душевной жизни, такъ было и въ жизни всего человѣчества. Въ этомъ громадномъ организмѣ, среди главныхъ теченій его внутренней жизни, искони незамѣтно пробивалась новая струя. И Ап. Павелъ въ своемъ изображеніи жизни человѣчества, особенно подчеркиваетъ это новое теченіе, отмѣчая его характерныя особенности, указывая рядъ лицъ ему причастныхъ. Это маленькое оппозиціонное движеніе, какъ разъ, было полной противоположностью современной ему жизни человѣчества,—по своимъ принципамъ. Если тамъ центральнымъ пунктомъ, опредѣлившимъ весь строй духовной жизни человѣчества, было начало слѣпой вѣры въ себя, въ свои силы и цѣлью—стремленіе къ самоспасенію, то здѣсь наоборотъ. Здѣсь царило смиренномудріе и непрекословное послушаніе волѣ провидѣнія, какъ плодъ добровольно-сознательной вѣры въ Бога, а—не самовѣріе. Вѣра (Евр. 11, 1), могущая оправдать человѣка (Рим. 5; Гал. 2, 16)—вотъ что было главнымъ настроеніемъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. А вѣра, какъ актъ личнаго довѣрія, полный увѣренности въ непреложности всего того, что исходитъ отъ высшаго авторитета, требовала прежде всего жертвы со стороны людей—самоотреченія. Вся жизнь вѣрующаго человѣка должна быть въ положительномъ согласіи съ волей Божіей, которой такъ жестоко противостоялъ первозданный человѣкъ. „Вѣрою, говоритъ Апостоль, Авраамъ повиновался призванію идти въ невѣдомую страну... вѣрою, будучи искушенъ принесъ въ жертву Исаака“... и т. п. (Евр. 11 г.) и все это возможно было со стороны людей, добровольно отдающихся высшему руководству. Авраамъ, какъ типичный выразитель истинно-должнаго отношенія человѣка къ Богу, какъ образецъ вѣры, которой предстояла великая будущность въ общемъ ходѣ исторіи, (Рим. 4, 9, 18, Евр. 81, Гал. 3, 16) былъ положенъ провидѣніемъ въ основаніе, имѣвшаго наступить порядка вещей. „И писаніе провидя, что Богъ вѣрою оправдаетъ язычниковъ, предвозвѣстило Аврааму: въ тебѣ благословятся всѣ народы“ (Гал. 3, 8). Черезъ свою вѣру въ грядущее Царство Воже, Авраамъ принималъ реальное участіе въ созиданіи послѣдняго, „кото-

раго художникъ и строитель—Богъ“ (Евр. II, 10). Авраамъ былъ, какъ бы первоначальнымъ матеріаломъ, положеннымъ во главу Спасительнаго дѣла Христова. На этомъ первоначальномъ камнѣ продолжали строить зданіе вѣры и всѣ послѣдующіе патріархи,—весь сонмъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, „которыхъ весь міръ не былъ достоинъ“, которые всегда стремились къ небесному и „въ мысляхъ имѣли то отечество, изъ котораго вышли“ (Евр. 11, 15). Всѣ они легли живыми камнями въ основаніе того вселенскаго зданія, которое должно было завершиться Христомъ, „какъ высшимъ зодчимъ“. Всѣ они, оказывая добровольное послушаніе Богу, воспитывали въ себѣ ту вѣру, которая несла людямъ благословеніе Божіе въ великомъ сѣмени Авраамовомъ—Христѣ Спасителѣ. (Гал. 3, 16): накапливая и усиливая добрыя свойства своей души, развивая въ себѣ какъ форму для воспріятія новой жизни, нужно было, насколько возможно, удобрить почву, укрѣпить вѣру, какъ основную добродѣтель, которая сообщала всей жизни характеръ смиренія и послушанія высшему началу.

Правда, всѣ праведники жили надеждою, ... „только издали видѣли обѣтованія (ихъ исполненіе), и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ“ (Евр. II г.). Они недождались Христа, не увидѣли Его въ условіяхъ земной жизни, въ сферѣ явленій дѣйствительности. Но они своимъ духовнымъ взоромъ созерцали Его, какъ Богочеловѣка, какъ устроителя новой жизни на началѣ вѣры въ Него, какъ Испытателя. Второю Адамъ, какъ „духъ животворящій“, всегда жилъ въ ихъ сознаніи какъ реальный человѣкъ. Онъ руководилъ ими, входилъ творческой силою въ ихъ внутреннюю жизнь, направляя мысль праведниковъ къ отдаленнымъ временамъ человѣческой исторіи. И всѣ благочестивыя люди Еврейства стояли по своему религіозному уровню. гораздо выше своихъ соотечественниковъ. Если вся народная Еврейская масса, въ своемъ историческомъ процессѣ, должна была постепенно уяснять себѣ черту законъ и весь строй жизни чѣмъ не можетъ и не долженъ быть человѣкъ; то ея лучшіе представители—патріархи, а потомъ особенно пророки были носителями идеала положительной жизни. Ветхозавѣтные пророки, находясь въ тѣсномъ ду-

ховномъ родствѣ съ имѣющимъ явиться Христомъ, были выразителями все той же ветхозавѣтной истины, которая была сообщена Аврааму: „благословятся о тебѣ вся племена земная“ — и истолкователями этого всемірнаго благословенія. Вѣра во Христа, который былъ такъ близокъ ихъ сознанию, заполняла все ихъ существо, побуждала обращать взоры плотскаго Израиля къ грядущимъ временамъ, къ устроению универсальнаго Царства Христова. Ап. Павелъ, характеризуя новый порядокъ жизни съ явленіемъ Христа, всегда обращается къ ветхозавѣтнымъ пророкамъ и ими обосновываетъ свои сужденія (Евр. 1. 2; Еф. 8. 8—13). Все пророчество Іереміи, напр., въ которомъ царство Миссія представляется, какъ полнѣйшее откровеніе и торжество истинной религіи, какъ утвержденіе Закона Божія въ сердцахъ человѣческихъ, какъ распространеніе истиннаго познанія о Богѣ, Апостоль приводитъ цѣликомъ въ своей рѣчи о новомъ завѣтѣ, утвержденнымъ на лучшихъ обѣтованіяхъ (Евр. 8. 8—13).

Такимъ образомъ, идея Христа, какъ устроителя новаго царства, равно какъ и самый характеръ послѣдняго были выполнены въ душѣ пророческой, сдѣлались ея внутреннимъ достоинствомъ. Какъ и всѣ лучшіе передовые люди человѣчества, неудовлетворяющіеся наличностью дѣйствительности, живутъ всегда для лучшаго будущаго; такъ и избранныя души Еврейскаго народа жили надеждою на царство грядущаго. Христось давно уже реализировался въ ихъ сознаниі, какъ опредѣленная личность и новый духовный порядокъ, имѣвшій только еще наступить, былъ для нихъ какъ бы уже существующимъ.

Такой фактъ, предвосхищенія извѣстной группой людей, грядущихъ событій знаетъ и исторіософія. Всякая реформа напр. въ сферѣ соціальныхъ отношеній, крупный шагъ человѣчества въ его моральномъ развитіи, словомъ, всякое движеніе впередъ по пути прогресса, прежде чѣмъ получить общее признаніе и послѣдовательное развитіе, существуетъ въ сознаниі отдѣльныхъ умовъ какъ только идея, частное мнѣніе. Нуженъ извѣстный періодъ времени. Иногда очень продолжительный, чтобы общественное сознаніе оказалось подготовленнымъ къ воспріятію этихъ новыхъ идей и приняло бы ихъ какъ свое,

сполнѣ своевременное, вызванное къ существованію самой жизнью.

Какъ только общество созрѣетъ, когда сама жизнь настоятельно заговоритъ о необходимости новыхъ условій существованія, на новыхъ началахъ, отдѣльныя мнѣнія сейчасъ же сливаются и опредѣленно формируются въ понятія и убѣжденія, въ догматы, входятъ въ законодательство и ничѣмъ ихъ не удержишь. Эта аналогія до нѣкоторой степени уясняетъ тотъ міровой переворотъ въ жизни человѣчества, который произошелъ въ серединѣ исторіи. Исторія человѣчества, руководившаяся принципомъ свободнаго самоопредѣленія, въ конецъ исчерпала себя. Она принуждена была подвести роковое резюме своему прошлому и вступить на новый путь лучшаго будущаго. Наступило время исполненія обѣтованій, которыми жила лучшая часть человѣчества.

IV.

Какъ произошелъ великій историческій переворотъ, подготовляемый всѣмъ ходомъ предшествующаго развитія? „Богъ многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ во пророкахъ, въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ“ (Евр. 1, 1—2). Весь запасъ скрытой энергіи въ душахъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, во Христѣ, какъ выразителѣ лучшихъ чаяній человѣчества, пашель свой исходъ. Когда пришла полнота времени (Еф. 44), Богъ послалъ Сына Своего, Который родился отъ жены, подчинялся закону, чтобы искупить подзаконныхъ... Который уничижилъ себя, принявъ образъ раба... смирилъ себя... бывъ послушнымъ даже до смерти, смерти крестной (Фил. 2, 6—8). Во дни плоти своей, Онъ съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія могущему спасти Его отъ смерти и услышанъ былъ за свое благоговѣніе, хотя Онъ и Сынъ, однако страданіями навѣкъ послушанію и совершившись сдѣлался для всѣхъ послушныхъ Ему, виновникомъ спасенія вѣчнаго“ (Евр. 5, 7). „Въ немъ мы имѣемъ искупленіе кровію Его и прощеніе грѣховъ“ (Кол. 1, 4). Въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно и вы имѣете полноту въ Немъ, (Кол. 2, 9, 10),

Который есть залогъ наслѣдія нашего... (Еф. 1. 14). Во Христѣ Іисусѣ мы созданы на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять (Еф. 2, 10). Христосъ путемъ позорнаго креста прежде всего принесъ Себя въ жертву разгнѣванному правосудію и Своею смертію, удовлетворилъ правду Божию, которую оскорбило человѣчество своимъ непослушаніемъ. Христосъ исправилъ великую историческую ошибку. Въ противоположность Адаму, который захотѣлъ самовольно стать Богомъ, Христосъ—второй Адамъ, вмѣсто предлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, претерпѣлъ посрамленіе. (Евр. 12. 2). Уничтоживши грѣхъ юридически, какъ вину предъ Богомъ, Христосъ истребилъ его и фактически, какъ настроеніе, умертвилъ въ самой природѣ человѣка силу грѣха, подчинивъ ее высшему духовному началу. Словомъ и всею своею земною жизнью, въ теченіе которой Христосъ противостоялъ всѣмъ искушеніямъ моральнаго зла, фактомъ своего воскресенія, положившимъ конецъ господству зла физическаго, Онъ возвратилъ человѣка въ первоначальное состояніе. Перваго Адама, который былъ „въ душу живую“, смѣнилъ въ лицѣ Христа второй Адамъ, Который есть „духъ животворящій“. Такимъ образомъ, сила грѣха, которая какъ кошмаръ давила все человѣчество, во Христѣ была побѣждена. Христосъ поставилъ человѣчество на его истинный путь и указалъ положительныя средства къ достиженію богообщенія. Онъ, какъ органическое завершеніе историческаго процесса, покончивъ расчетъ съ прошедшимъ, естественно долженъ былъ указать человѣчеству новыя перспективы. Прежнее грѣховно-плотское направленіе жизни, осужденное самимъ же человѣкомъ, должно было смѣниться духовнымъ характеромъ новаго царства Христова. Человѣкъ жившій для земли, долженъ теперь жить для неба, потому что „второй человѣкъ—Господь съ небесе ...а каковъ небесный, таковы и небесные (1 Кор. 15, 45—48). Человѣкъ предназначенный къ истинному общенію съ Богомъ, долженъ быть какъ духовно, такъ и тѣлесно быть жилищемъ Богу (Еф. 2, 32)—истинная жизнь есть жизнь человѣка для Бога (Рим. 14, 7). Но человѣкъ для этого долженъ воплотить въ себѣ Божественную жизнь, сдѣлать ее своимъ внутреннимъ достояніемъ. И Хри-

стость, какъ идеальный человѣкъ, „явилъ намъ эту жизнь“ (2 Тим. 1, 10), воплотилъ ее въ дѣйствительности не въ формѣ Божественной, а въ формѣ человѣческой. Чтобы сдѣлать эту Божественную жизнь внутреннимъ достояніемъ человѣческой личности, Христосъ сдѣлался простымъ человѣкомъ, принялъ на Себя плоть, подверженную страданіямъ, и въ обычныхъ человѣческихъ условіяхъ пережилъ это Божественное содержаніе новой жизни. Онъ отвергъ начало эгоизма и своимъ крестомъ, всѣмъ подвигомъ земной жизни ввелъ въ жизнь начало самоотверженной любви, сдѣлался совершителемъ вѣры (Евр. 2, 2), показалъ на Себѣ примѣръ истиннаго послушанія. Слѣдовательно, своимъ личнымъ примѣромъ Христосъ явилъ перваго члена въ новомъ строѣ жизни, легъ краеугольнымъ камнемъ въ основу новаго царства, возглавивъ въ Себѣ все человѣчество (Еф. 2, 20). Всемирное царство Божіе Христосъ воплотилъ прежде внутри Себя, опредѣливъ существенныя черты его характера.

Историческое значеніе Христа, въ процессѣ общечеловѣческаго развитія, проявилось главнымъ образомъ въ томъ, что Онъ ярко освѣтилъ въ сознаніи людей и осуществилъ въ жизни идеаль „человѣка“. „Въ васъ, пишетъ Апостоль къ Филиппійцамъ, должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ“ (Фил. 2, 5), потому что Христосъ въ Своей личности реально проявлялъ то истинно человѣческое настроеніе, котораго требуетъ Богъ отъ человѣка. Онъ осуществилъ въ своей жизни и дѣятельности то, чего такъ усиленно добивалось язычество. Гордое въ своемъ самомнѣніи и увѣренное въ результатахъ поиска, язычество въ концѣ концовъ не могло найти истины, какъ безусловнаго принципа жизни. Эту истину жизни возвѣстилъ міру Христосъ, какъ идеальный человѣкъ по своему настроенію, вполне способный воспріять ее и явить людямъ. „И гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего? спрашиваетъ Апостоль. Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе“? (1 Кор. 1, 20). Только „Христосъ сдѣлался для насъ премудростью отъ Бога“ (—1, 30). Явившись премудростью для язычниковъ, Христосъ явился „праведностью“ для Іудеевъ (1 Кор. 1, 30). Онъ, какъ „бывшій подѣ

закономъ исполнилъ правду законную и указалъ жизнь совершеннѣйшую. Та нравственная раздвоенность въ желаніи и дѣйствіи, отъ которой страдалъ какъ Іудей, такъ и язычникъ, не имѣла мѣста во Христѣ, потому что Его Божественная природа свободна была отъ грѣха личнаго и родового. Христосъ выполнилъ въ совершенствѣ назначеніе человѣка, а, потому и былъ превознесенъ Богомъ и получилъ имя выше всякаго имени“ (Фил. 2, 9) и вошелъ въ тѣсное единеніе съ Божествомъ. Христосъ въ Себѣ показалъ насъ такими, какими намъ надо быть по своему назначенію—Онъ—нашъ идеаль.

Исторія человѣчества со времени явленія Христова должна идти опредѣленнымъ русломъ, имѣя во Христѣ исходный пунктъ своего развитія, потому что Христосъ не есть идеаль только представляемый, но и осуществленный. Будучи концомъ и цѣлью человѣческой природы, Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ есть для человѣчества „начатокъ“ (1 Кор. 15, 28), опредѣляющій принципъ новой исторической формы, въ которой оно, прогрессируя положительно въ своемъ духовномъ развитіи, возвышается надъ собой, осуществляетъ идеаль всеединства въ Богѣ, какъ конечную цѣль своего существованія. Слѣдовательно, христіанство—поворотный пунктъ, новая эра въ исторіи. Въ то время, какъ до Христа историческая жизнь человѣчества постепеннымъ признаніемъ того, что не нужно, стремилась выработать извѣстныя историческія формы, въ которыя отливалась бы духовная дѣятельность и сила въ своемъ развитіи отрицательнымъ путемъ, христіанство заставляеть идти къ цѣли путемъ положительнаго творчества. Христосъ въ своей личности далъ поруку, показалъ путь ея практическаго примѣненія и этимъ предрѣшилъ навсегда путь историческаго прогресса. Человѣчество должно проявлять себя, повторяя Христа въ своей жизни. Чтобы жизнь человѣчества приняла универсально христіанскій характеръ, она должна приобщить себя Христовой жизни. Она должна возмочь нравственнаго міропорядка, которая реализировалась во Христѣ, сдѣлать дѣйствительностью въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Поэтому, историческое воплощеніе христіанства въ жизни, есть прежде всего перерожденіе каждой отдѣльной

личности. Духовно Божественная жизнь проявляется въ мірѣ, какъ внутренняя жизнь христіанина, личность котораго ставится здѣсь на надлежащую высоту и свобода его неприкосновенна. Язычествовавшему человѣчеству, равно какъ и Іудейству, было чуждо это высокое ученіе о личности. Безумно свободное въ массѣ своей, человѣчество давило всякое проявленіе личной свободы. Человѣкъ цѣнился постольку, поскольку жизнь его была нужна для достиженія коллективныхъ цѣлей. Онъ былъ вещью, безсловеснымъ рабомъ, необходимымъ матеріаломъ, который всегда приносился въ жертву общественнымъ интересамъ. Христіанство, какъ явленіе высшаго порядка, отвергло этотъ унижительный взглядъ на человѣка. „Вы куплены дорогою цѣною, говоритъ Христіанство всѣмъ рабамъ древняго міра, „не дѣлайтесь рабами человѣковъ“ (1 Кор. 6, 20, 7, 23). Вы—сыны... Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына своего воиющаго: Авва, отче! „посему ты уже не рабъ, а сынъ“ (Гал. 4, 6—7). Итакъ, стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ и не подвергайтесь игу рабства (Гал. 5, 1), потому что къ свободѣ призваны вы братіе (13 с.). Эти восторженные и дорогія для каждой личности слова впервые были сказаны Христіанствомъ.

Национальныя различія, общественныя положенія, званія, и т. п. надъ всѣмъ этимъ возвысилось Христіанство, посмотрѣвъ на личность прежде всего со стороны ея внутреннихъ достоинствъ. „Во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовью“ (Гал. 5, 6). Христіанство, какъ явленіе универсальное, провозгласивъ высокій взглядъ на личность, расторгло и тѣ узкія границы, въ которыхъ замыкалось человѣчество. Оно возвѣщаетъ принципъ братства и равенства, въ международныя отношенія вноситъ духъ солидарности и взаимной любви. Должно быть единое, органически связанное Царство Божіе, созданное изъ людей, какъ личностей свободно разумныхъ,—вотъ что поставило Христіанство впереди, какъ конечную цѣль исторіи. „Нѣтъ іудея, ни язычника: нѣтъ раба, ни свободнаго: нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго; ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ“ (Гал. 3, 28). Характерная отличительная черта новаго

порядка существованія, есть универсальность христіанства, способнаго все обнять и пересоздать, чтобы привести людей къ всеединству въ Богѣ. Но эта универсальность Духа Христова, прежде чѣмъ стать фактомъ, войти широкой полосой въ жизнь исторіи, должна воплотиться въ каждой отдѣльной личности. „Каждый человѣкъ, принявъ въ свою жизнь Христа, въ Его духѣ долженъ отнестись ко всему и чрезъ это дать возможность Его духу воплотиться во всемъ“¹⁾. Такимъ образомъ, Христіанство начинаетъ дѣло Царства Божія съ перерожденія каждой отдѣльной личности, требуя отъ нея того подвига, который совершенъ Христомъ. „Если устами твоими будешь исповѣдывать Иисуса Господомъ и сердцемъ твоимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то спасешься“ (Рим. 10, 9). Первое условіе воплощенія въ нашей жизни Христа есть вѣра, какъ такое сердечное настроеніе, въ которомъ мы всецѣло предаемся въ волю Божию. Вѣра есть и начало отреченія отъ своего „я“ плотскаго, грѣховнаго. Такимъ путемъ шелъ Христосъ, снизойдя послушаніемъ до земнаго рожденія и смерти, потомъ уже вознесся на небо и получилъ видимое прославленіе по своему человѣчеству. Отказъ отъ прежней жизни, полное отреченіе отъ своей грѣховной личности для вѣры во Христа, все это должно подготовить почву для воспріятія сѣмни новой жизни. „Ветхій человѣкъ нашъ, говоритъ Апостоль, долженъ былъ распятъ съ нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное, дабы намъ не быть рабами грѣху“ (Рим. 6, 6). Внутренняя способность человѣка и возможность нравственнаго единенія съ Божествомъ должны теперь ярче выступить, послѣ подавленія господствующаго начала грѣха. Полнѣйшее повиновеніе Богу и вѣра во Христа—это настроеніе низводитъ на человѣка особую силу Божию—благодать, которая, способствуя очищенію человѣка отъ грѣха, производитъ въ немъ дѣйствительное возбужденіе и ставитъ на путь положительнаго добродѣланія (Фил. 2, 13—14, 2 Кор. 1, 21—22). „Пріемлющіе обиліе благодати и даръ правдивности будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единого Иисуса Христа“ (Рим. 6, 17). Эта благодать, возбуждая въ человѣкѣ вѣру и пріобщая его

¹⁾ Соловьевъ В. „Опр. добра“—201 с.

къ Христовой любви, возрождаетъ духовно человѣка, сообщая ему духовныя силы для праведной жизни. Человѣкъ, изъявившій доброе согласіе на приобщеніе своей жизни Христу, начинаетъ жить для Христа, осуществляя въ своей жизни: „милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе... болѣе всего любовь, которая есть совокупность совершенства (Кол. 3, 12—14). Таково Христіанство въ своей сущности и своей идеѣ.

Намъ важно прослѣдить теперь порядокъ его реального воплощенія въ жизни. Если христіанство было подготовлено всѣмъ предшествующимъ ходомъ человѣческой исторіи, если оно прошло въ міръ, какъ явленіе, вызванное самою жизнью, ея насущными потребностями, то, кажется, его историческая судьба должна быть благопріятна. Извѣрившееся и нравственно развратившееся человѣчество, какъ жаждавшее лучшей жизни, должно было принять его съ восторгомъ, какъ свое близкое, родное, не виѣшне навязываемое благо, и естественно необходимое. Все прошлое человѣчество держалось исключительно на идеѣ христіанства и ея предуготовляло. Слѣдовательно, все, современное появленію христіанства, должно было подчиниться ему безусловно, воспринять его въ свою внутреннюю жизнь. Но такимъ христіанство оказалось только въ идеѣ, потому что не то съ нимъ произошло въ дѣйствительности. По злой ироніи исторіи, Евреи, у которыхъ былъ законъ—„дѣтводитель ко Христу“, которые были поставлены Провидѣніемъ въ исключительно благопріятныя условія, стали въ оппозицію къ христіанству и отвергли его. Народъ, который своими лучшими элементами приготовилъ среду и матерію для воплощенія Христа, въ своемъ большинствѣ оказался наименѣе воспримчивымъ къ принятію этого новаго царства Христова (Рим. 9 3). Этотъ фактъ преткновенія Еврейскаго народа о Христѣ, какъ камень соблазна (Рим. 9, 13), трудно осмыслить—съ нимъ какъ то не мирится сознание. Правда, Апостоль говоритъ, „что по избранію благодати сохранился остатокъ“ (Рим. 11, 5), который вѣрно понялъ и принялъ Христа. Однако масса народная не только осталась индефферентна,—она активно запротестовала—возвела Христа на позорный крестъ, желая въ ко-

нецѣ уничтожить это благодѣтельное для человѣчества явленіе. Гдѣ причина такого непонятнаго озлобленія, массоваго протеста? Конкретное выясненіе этого факта „ревности по Богѣ“, но не по разсужденію“ и усилія поставить на мѣсто Божіей праведности—собственную, даетъ Апостоль (Рим. 10 1—3) вскрывая сущность этого всеобщаго недовольства народнаго. Въ фактѣ непризнанія Христа какъ Богочеловѣка сказалось воплнѣ народное „я“, самостоятельно—свободное въ своей духовной жизни. Поставивъ своею цѣлью осуществленіе Божественнаго закона въ своей жизни, Еврейство, предоставленное себѣ въ этомъ дѣлѣ, развило исторически свое самосознаніе до крайнихъ предѣловъ. Оно до мозга костей прониклось чувствомъ и сознаніемъ свободнаго человѣческаго начала, стремленіе къ самостоятельности, къ проявленію во внѣ своего „я“, вошло въ плоть и кровь его, сдѣлалось насущной потребностью. Еврейство, правда, въ концѣ исторіи разочаровалось въ себѣ, доведя напряженіе своихъ силъ до крайности, не могло достигнуть самостоятельно искомой праведности. Оно почувствовало нужду въ проявленіи силы Божіей, въ сверхъестественной помощи. Этого нельзя отрицать. Еврейство ждало Христа, но только своеобразно понятаго. Поставленное въ своей исторической жизни передъ закономъ, какъ юридической нормой, Іудейство, соотвѣтственно своему правовому положенію, въ своемъ воображеніи выработало чисто внѣшній взглядъ на Христа, какъ на личность, которая укажетъ технически пригодные приемы для выполненія законной правды. Такой путь спасенія, созданный воображеніемъ Іудея, былъ дорогъ для него, потому что онъ не зачеркивалъ его свободы, не подавлялъ самостоятельности и никакъ уже не требовалъ отреченія отъ своего „я“. Будучи себѣ послѣдовательнымъ Еврей хотѣлъ, чтобы и съ пришествіемъ Христа, онъ приобрѣлъ свое оправданіе извнѣ условнымъ, формальнымъ путемъ и смотрѣлъ на него, какъ на свою заслугу. Онъ могъ перенести уступку, сдѣланную имъ своему „я“, которое требовало посторонней помощи. Но онъ никогда не могъ согласиться на полный отказъ отъ своей личности. Поэтому, путь креста, т. е. путь самоотреченія, процессъ тяжелаго нравственнаго подвига, которымъ

надо было прежде всего умертвить себя, какъ грѣшника, и соблазнилъ Иудея. Конечно, въ основѣ этого факта лежало горькое недоразумѣніе, которое объясняется не желаніемъ до конца проанализировать Христіанство, обѣщавшее Еврею свободу, самоопредѣленіе, высшую свободу духа. Однако, въ его міропониманіи начальный путь оправданія, провозглашеннаго Христомъ, естественно долженъ былъ показаться соблазнительнымъ. Здѣсь то, въ подвигѣ самоотреченія, котораго требовало Христіанство, какъ необходимой ступени къ совершенству, оно и не обѣщало быть религіей свободы, а потому и не удовлетворяло личность Иудея въ ея требованіяхъ. И Богъ отвергъ, „не пощадилъ природныхъ вѣтвей, говоритъ Апостоль... потому что онѣ сами отломились невѣріемъ“ (Рим. 11, 20, 21). Христіанство, какъ религія духа, ставящая свободу личности выше всего, не могло уже, конечно, сдѣлать насильнымъ принятіе себя Еврействомъ. Оно предложило себя другимъ, предоставивъ Еврею самимъ себѣ. И здѣсь Провидѣніе, какъ и во всей исторіи человѣчества, вѣрное себѣ, не посягнуло на свободу человѣка. „Духъ усыпленія, глаза не видящія и уши не слышащія, которыя, по выраженію Апостола, далъ Богъ Евреямъ—это было ихъ собственное настроеніе души, ими созданное, а Богомъ только терпимое.

На мѣсто отвергнувшагося Еврея былъ призванъ язычникъ, „который, какъ дикая маслина, привился на мѣсто ихъ и сталъ общникомъ корня и сока маслины“ (Рим. 11, 17). Язычники, неискавшіе праведности, получили праведность отъ вѣры (Рим. 9, 30). Свободные отъ юридическихъ условій, въ которыя были поставлены Евреи, не знавшіе законной правды, какъ такой, язычники не могли создать себѣ образъ Христа въ духѣ Еврея. Они, воздавая поклоненіе „невѣдомому Богу“ (Дѣян. 10, 23), представляли Христа не какъ конкретную, строго очередную личность ¹⁾, а какъ воплощеніе идеальной истины, устроителя новой жизни и только. Они, утратившіе истину теоретическую и не имѣя подъ руками опредѣленнаго кодекса нрав-

¹⁾ Не думаетъ этимъ сказать, что язычники представляли Христа какъ какую нибудь абстракцію. Они не надѣляли Христа внѣшними атрибутами, какъ Евреи— у нихъ не было Христа, какъ законника— въ своемъ дѣлѣ усовершеннаго.

ственныхъ правилъ, не имѣли, такъ сказать, почвы для широкаго развитія начала самодѣтельности. Они, естественно должны были больше вѣрить въ лучшее будущее человѣчества, жить вѣрою. чѣмъ детально опредѣлять личность Христа и характеръ Его Царствованія. Индивидуальное начало, такъ рѣзко не проявлялось въ жизни язычества, какъ въ Еврействѣ. Поэтому, съ историческимъ явленіемъ въ мірѣ Христіанства, язычники обратили преимущественно вниманіе не столько на его виѣшнюю оболочку, сколько на его сущность и конечныя цѣли. которыя оно ставило. Христіанство же взятое со стороны его сущности, какъ разъ, шло навстрѣчу потребностямъ изголодавшагося духовно язычества и было принято послѣднимъ.

Въ данномъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ: какъ же согласить съ этой готовностью язычества, къ принятію христіанства и съ его обращеніемъ ко Христу, тѣ мѣста, гдѣ Апостоль говоритъ напр. „что и для Еллиновъ, т. е. язычниковъ, распятый Христосъ оказался безуміемъ“ (1 Кор. 1, 227). Но эти слова Апостола, равно какъ и другія, (2 Кор. 215, 16) характеризуютъ, кажется, не столько отношеніе язычества къ христіанству при его появленіи на исторической сценѣ, сколько рисуютъ его будущее историческое положеніе въ мірѣ. его органической ростъ. какъ нравственно культурной силы. „Для однихъ, говоритъ Апостоль, Христіанство есть „знакъ смертоносный на смерть, а для другихъ запахъ животельный на жизнь“. „И кто способенъ къ сему?“ (2 Кор. 2, 16). „Кто можетъ объяснить какъ это бываетъ? Богъ всеѣмъ хочетъ спасти, только никого не неволя“. (Еп. Теофанъ). Свобода личности въ Христіанствѣ неприкосновенна, а потому Христіанство, хотя и побѣдило зло во Христѣ, но оно не упничтожило его въ цѣломъ человѣчествѣ. Христіанство, сохраняя свободу человѣка, допускаетъ и терпитъ зло, какъ переходящее условіе свободы т. е. большаго добра. Слѣдовательно, всегда будутъ въ средѣ Христіанства и спасаемые и погибающіе. Христіанство въ своемъ историческомъ развитіи, есть постоянная борьба со зломъ и постепенная побѣда надъ нимъ. Историческое Христіанство, какъ подготовляющее внутреннія и виѣшнія условія для откровенія Царства Хри-

стова на землѣ, терпѣть всякаго рода теченія въ своей средѣ. Ему чуждъ принципъ насилія, явнаго вмѣшательства въ общечеловѣческую жизнь. потому что оно рассчитано на свободное произволеніе личности. Христіанство проявляетъ себя въ жизни „не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы“ (1 Кор. 2, 4). Оно надѣется своимъ внутреннимъ вліяніемъ преобразовать человѣчество, возродить его къ духовной жизни въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, создать одно тѣло, объединивъ въ одномъ настроеніи, и соединить съ главою—Христомъ. Такова цѣль Христіанства въ исторіи. „чтобы и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло и сопричастниками обѣтованія Его во Христѣ Иисусѣ“ (Еф. 3, 6), доколѣ всѣхъ придетъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Еф. 4, 13). Христіанство должно постепенно проникнуть собою всю природу и жизнь человѣчества и соединить его реально со Христомъ въ постоянномъ и очевидномъ общеніи: „да будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15 г.) и осуществится чрезъ это основная цѣль всего мірового процесса.

Давъ положительный идеаль жизни, ведя человѣчество по пути прогресса, Христіанство указываетъ ему на Царство Божіе, въ которомъ осуществлена будетъ цѣль мірозданія—человѣчество возвратится къ своему Первообразу—соединится съ Богомъ. Черезъ человѣка духъ Христовъ долженъ проникнуть въ природу и міръ и подчинить ихъ себѣ (Рим. 8, 19—22). Соединеніе всѣхъ людей во Христѣ, при которомъ только и получаетъ нравственный смыслъ и достоинство человѣческая жизнь, не позволяетъ Апостолу примириться съ мыслью объ окончательномъ отверженіи Евреевъ. Какъ тайну, Апостоль сообщаетъ, „что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ“ (Рим. 4, 25). „Да будетъ Богъ все во всемъ“, эта истина, какъ завершеніе всего мірового процесса, есть для Апостола Павла искреннее и глубокое убѣжденіе. Вопросъ въ томъ: когда эта истина найдетъ свое полное осуществленіе—при концѣ ли міра, когда настоящій порядокъ вещей упразднится и царство

Божіе станетъ единственною для насъ дѣйствительностью, или—за предѣлами загробной жизни, въ новыхъ условіяхъ существованія. должна произойти ея полная реализація?!

Апостолу повидимому хотѣлось бы видѣть наступленіе Царства Божія, какъ единой для насъ дѣйствительности, еще здѣсь на землѣ.

Когда истребится послѣдній врагъ,—смерть и всѣ люди воскреснутъ во Христѣ и для всеобщаго суда и воздаянія, когда Христосъ упразднитъ всякое начальство и власть и силу... и предастъ свое царство Богу Отцу... наступитъ Царствіе Божіе (1 Кор. 15, 22—28). Царство Божіе видимо станетъ для всѣхъ людей единымъ и всѣмъ. произойдетъ обожествленіе всѣхъ людей во Христѣ, а черезъ нихъ и всего міра. Однако историческое положеніе Христіанства въ концѣ исторіи, разсматриваемое Апостоломъ въ посланіи къ Солунянамъ ¹⁾, повидимому не даетъ права на такое умозаключеніе. Наступитъ ли Царство Божіе при концѣ историческаго процесса и будетъ ли единственною для насъ дѣйствительностью—этотъ вопросъ подъ угломъ дѣйствительности не можетъ быть рѣшенъ положительно. Исторія Христіанства здѣсь ²⁾ не есть исторія постепеннаго расширенія Христіанства, въ направленіи къ полной побѣдѣ, видимой здѣсь на землѣ, Христа надъ міромъ. Христіанство въ исторіи есть прогрессъ скорѣе въ качественномъ, чѣмъ въ количественномъ отношеніи ³⁾. Универсальность Христіанства въ смыслѣ фактическаго проникновенія имъ всего человѣчества (въ условіяхъ настоящей дѣйствительности) не мирится съ тѣмъ отступленіемъ отъ Христа, большей части человѣчества и явленіемъ антихриста, какъ воплощенія міроваго зла, которыя произойдутъ передъ кончиной міра. Картина того беззаконія, которое явитъ антихристъ и которое будетъ имѣть многихъ представителей „осужденныхъ, какъ невѣровавшихъ истинѣ, но возлюбившихъ неправду“ (2 Сол. 2, 12—13)—этотъ фактъ никакъ не вяжется съ соединеніемъ всѣхъ людей во Христѣ на этой землѣ.

¹⁾ 2 посланіе къ Сол. 2, 1 и въ Тим. 4, 1—5.

²⁾ —въ изображеніи обихъ посланій.

³⁾ Въ смыслѣ постепеннаго увеличенія послѣдователей.

Правда, антихристь, по Апостолу, будетъ убитъ духомъ устъ Христовыхъ и истребленъ явленіемъ Его пришествія (2, 8), но наличность большой части грѣшниковъ, не познавшихъ Христа при Его второмъ пришествіи, остается фактомъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуется осужденіе ихъ, „какъ непріавшихъ любви истины для своего спасенія.

Такимъ образомъ, Христіанство, при концѣ исторіи, далеко не будетъ имѣть всѣхъ людей своими послѣдователями. Оно будетъ очень незначительно по количеству истинно вѣрующихъ, а большая часть чловѣчества, какъ область князя міра, будетъ отторгнута отъ Христа.

„Тогда на сценѣ міра, говоритъ пр. Теофанъ, останется одна чистота, святость и правда“, т. е. останутся праведники, и Царство Божіе, слѣдовательно, наступитъ для нѣкоторыхъ. А въ такомъ случаѣ будетъ ли оно Царствомъ Божіимъ, „гдѣ Богъ становится всѣмъ и во всемъ“? Очевидно, полнота Божества „какъ наполняющая все во всемъ—Царство Божіе найдетъ свою полную реализацію въ нашей загробной жизни, въ новыхъ, лучшихъ условіяхъ существованія, „при новомъ небѣ и новой землѣ“.

Только съ этимъ осуществленіемъ Царства Божія, пусть въ отдаленномъ, неизвѣстномъ для насъ будущемъ, мирится вѣрующая душа...

А. Лебедевъ

Нравственныя начала (принципы) новѣйшей русской художественной литературы *).

Художественная литература въ жизни современнаго интеллигентнаго общества имѣетъ огромное значеніе. Нельзя представить образованнаго человѣка, которому бы она была совершенно чужда, напротивъ, всѣ набрасываются съ жаромъ на каждую новую книжку моднаго писателя, раскупаютъ ее часто въ нѣсколько дней, читаютъ съ захватывающимъ интересомъ, думая найти въ ней отвѣты на всѣ свои тревожные вопросы, сомнѣнія и недоумѣнія. Отражая жизнь, художественная литература, сама оказываетъ на нее большое вліяніе. Въ ряду силъ, воспитывающихъ современнаго человѣка, она занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Христіанство также ставитъ своей задачей воспитаніе человѣка и общества, возрожденіе и обновленіе жизни. Въ своемъ воспитательномъ вліяніи оно не можетъ не входить въ соприкосновеніе съ другими, дѣйствующими въ томъ же направленіи, силами, т. е., прежде всего, съ художественной литературой. Важно, поэтому, опредѣлить, что изъ себя представляетъ эта сила и въ какомъ отношеніи она стоитъ къ христіанству. Рѣшенію этихъ вопросовъ мы и посвящаемъ свою статью.

Освѣтить всю русскую художественную литературу на протяженіи послѣдняго десятка—двухъ лѣтъ—задача слишкомъ трудная, даже для записнаго литературнаго критика, а для случайнаго обозрѣвателя она—вдвойнѣ трудна; коснуться всѣхъ литературныхъ теченій, разсмотрѣть всѣхъ современныхъ художниковъ слова въ одной статьѣ—дѣло совершенно непосильное. Мы можемъ, и считаемъ совершенно достаточнымъ для

*) Настоящая статья въ сокращенномъ видѣ была предложена, какъ публичное научно-богословское чтеніе.

своей задачи, остановиться только на важнѣйшихъ, какъ теперь выражаются, литературныхъ „настроеніяхъ“, удѣлить вниманіе тѣмъ писателямъ, къ голосу которыхъ особенно чутко прислушивается, современное образованное общество, которыхъ считаетъ своими законодателями и пророками, которые глубже вліяютъ на его міровоззрѣніе и жизнь, сильнѣе заражаютъ своимъ настроеніемъ, и между этими немногими, остановиться на тѣхъ въ особенности, произведенія которыхъ чаще и больше затрогиваютъ религіозно-этическія проблемы.

По преобладающему характеру своему, новѣйшая художественная литература признается реалистической. Реализмъ къ концу XIX-го столѣтія прочно утвердился во всѣхъ отрасляхъ искусства. Всѣ современные художники: и поэты, и живописцы и беллетристы, стремятся быть въ своихъ произведеніяхъ, какъ можно болѣе близкими дѣйствительности; дѣйствительность,—самая подлинная, настоящая, неприкрашенная—идеаль художественнаго творчества нашихъ дней.

Русская художественная литература послѣдняго времени облюбовала для себя одинъ уголокъ широкой дѣйствительности: ея темную сторону, несовершенство, зло, тяготу жизни, міровую скорбь, людское горе. Скорбный мотивъ всегда очень сильно звучалъ въ міровой и русской литературѣ, начиная съ древнегреческой трагедіи. Особенность русской художественной литературы новаго времени въ изображеніи міровой скорби состоитъ въ томъ, что она ищетъ трагизма не въ жизни исключительныхъ личностей, героевъ, дѣйствующихъ въ исключительныхъ условіяхъ, попадающихъ въ необычныя коллизіи и столкновенія, а въ жизни самаго обыкновеннаго, сѣренькаго обывателя. Въ главѣ этого направленія, или, по теперешнему—настроенія, стоитъ А. П. Чеховъ, за нимъ идетъ цѣлый рядъ литераторовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ „Сборникахъ Знанія“, каковы: Купринъ, Бунинъ, Телешовъ, Юшкевичъ, Серафимовичъ и много, много другихъ помельче, которыми нестрять книги толстыхъ и тонкихъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ и фельетонные отдѣлы ежедневныхъ газетъ. Основной мотивъ у всѣхъ этого типа писателей одинъ: изображеніе будничной жизни средняго человѣка. Герои рассказовъ Чехова,

Куприна, Юшкевича и др.—обыкновенные мужики и бабы, ремесленники, солдаты, заурядные чиновники, офицеры, опустившіеся, погрязшіе въ пошлости провинціальной жизни помѣщики, земцы, доктора, полуголодные учителя, фельдшера, даже священники и дѣячки и много другихъ все сѣренскихъ, заурядныхъ, маленькихъ людей. И жизнь у этихъ людей такая же маленькая, сѣренская, незамѣтная. Рождаются они, живутъ и умираютъ совершенно безслѣдно. Жизнь ихъ проходитъ, по выраженію одного Чеховскаго героя „безъ пользы, безъ всякаго удовольствія, зря, ни за понюшку табаку“. Будутъ ли они жить, или нѣтъ, для жизни, кажется, совершенно безразлично. Мало они сами берутъ отъ жизни, но за то и ей ничего не даютъ. Интересы у нихъ самые ограниченные—дальше заботъ о „хлѣбѣ насущномъ“ рѣдко идутъ, за предѣлы того небольшого общественнаго круга, въ который они судьбою заброшены, рѣдко простираются (это, въ особенности, слѣдуетъ сказать о герояхъ первой половины литературной дѣятельности Чехова; почти о всѣхъ—Юшкевича; большинства Куприна (см. напр. „Поединокъ“ и др.). Бываютъ, правда у нихъ минуты душевнаго подъема, пробуждаются, какъ будто, интересы и стремленія болѣе высокаго порядка, желаніе чего то лучшаго, но это именно минуты, рѣдкія, счастливыя исключенія, которыя быстро проходятъ безъ всякаго слѣда въ ихъ жизни: безвольные, слабые, инертные—они при первомъ ничтожномъ препятствіи опускаютъ руки, робѣютъ и отступаютъ. Одинъ изъ Чеховскихъ героевъ (Димитрій Петровичъ) уподобляетъ человѣка козявкѣ, „которая рождена вчера“. Невѣрное вообще, это уподобленіе, какъ нельзя болѣе подходитъ къ героямъ чеховской повѣсти. Подняться надъ пошлостью своего существованія, заполнить свою душевную и окружающую пустоту какимъ нибудь настоящимъ дѣломъ, имѣть не подъ силу; говорить о дѣлѣ, мечтать о свѣтломъ будущемъ, возмущаться ничтожествомъ своего существованія, они еще могутъ, а сдѣлать хоть одинъ шагъ для осуществленія своихъ разговоровъ и мечтаній, они совершенно неспособны. Пошлость, пустота, ничтожество, безсиліе, неподвижность—неизбѣжный, фатальный удѣлъ большинства героевъ Чехова и писателей его школы. И при такомъ ничтожествѣ,

узости, неприглядности, ограниченности своего существованія. Эти люди никакъ не могутъ устроиться, чтобы не мѣшать другъ другу, не давить одинъ другого, никакъ не могутъ свободно размѣститься въ своемъ маленькомъ жизненномъ углу; не могутъ пользоваться даже тѣмъ маленькимъ, относительнымъ благополучіемъ, которое часто само напрашивается къ нимъ. Напротивъ, все у нихъ какъ то складывается такъ, что они „дѣлаютъ всегда не то, что нужно“, одинъ не даетъ жить другому; другой, совершенно того не желая и не сознавая, портитъ жизнь другому; даже, желая сдѣлать добро, они дѣлаютъ зло (такъ поручикъ Козловскій въ отношеніи къ солдату Байгузину, въ рассказѣ Куприна „Дознаніе“); счастье иногда имъ прямо дается въ руки, а они, вмѣсто того, чтобы взять его, начинаютъ раздумывать, примѣриваются, сомнѣваются, ноютъ, зѣваютъ,—счастье улетаетъ, а они остаются опять со своей избыточной тоской (такъ въ рассказ.: „Вѣра“, „На пути“, „Весна“, „Рассказъ г-жи NN“, „Пустой случай“, „Шуточка“, „Подѣлуй“ и мн. др.—Чехова). Судьба преподноситъ имъ однѣ непріятности и, большею частію, совершенно неожиданно; имъ, почему то, всегда выпадаютъ на долю всякія несчастныя случайности, совершенно сбивающія ихъ съ толку и разстраивающія ихъ жизнь. Вездѣ ихъ преслѣдуютъ неудачи, во всемъ они терпятъ „страшные убытки“, ничто ихъ не радуетъ, нигдѣ не могутъ они найти успокоенія, никуда не могутъ укрыться отъ мачихи—судьбы, которая бьетъ ихъ слегка, не очень больно, потихоньку, но постоянно, методично, непрерывно, долбитъ какъ капля камень, не даетъ ни на минуту отдыха, забвенія. Страданіе, постоянная, ноющая, тупая боль, безграничная тоска, сознаніе крайней беспомощности и безсилія—вотъ то, что вмѣстѣ съ ясно сознаваемой пустотой и пошлостью обывательскаго прозябанія, собственной ненужностью и ничтожествомъ—дѣлаетъ жизнь героевъ современной „чеховской“ повѣсти юдолюю скорби, печали и слезъ. И эта скорбь тѣмъ сильнѣе, тоска тѣмъ острѣе и страданія тѣмъ невыносимѣе, что они совершенно безотвѣтны передъ вопросами: почему въ мірѣ такъ много страданій, почему, зачѣмъ человѣкъ долженъ ихъ переносить, почему опъ *такъ* су-

существуетъ и для чего онъ существуетъ; безсилны найти выходъ изъ этого заколдованнаго круга страданій и скорбей, зажить новой, лучшей жизнью,—однимъ словомъ, совершенно безсилны рѣшить вопросы о смыслѣ и цѣли жизни. Нельзя сказать, чтобы они не интересовались, не ставили себѣ этихъ вопросовъ: и у Чехова, и у писателей его школы мы встрѣтимъ не мало ищущихъ, болѣющихъ „проклятыми“ вопросами, типовъ, но найти имъ ничего не удастся, къ положительнымъ выводамъ о смыслѣ и цѣли жизни они никогда не приходятъ. „Дѣлается жутко и замираетъ сердце, когда подумаешь, какъ страшно сложна и непонятна жизнь“—говоритъ учительница въ разск. Чехова „На поводѣ“. „Мнѣ страшно смотрѣть на мужиковъ, я не знаю для какихъ такихъ высшихъ цѣлей они страдаютъ и для чего они живутъ“,—говоритъ Димитрій Петровичъ; онъ не знаетъ, для чего и онъ живетъ и страдаетъ, онъ—„козявка, рожденная вчера“. „Жизнь глупа, скучна, грязна“ (Астровъ въ „Дядѣ Ванѣ“), вотъ до чего они додумались, вотъ ихъ жизненная философія. Въ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова, голоса искателей смысла и цѣли жизни звучатъ все настойчивѣй и настойчивѣй, стремленіе выбиться изъ постылаго обывательскаго прозябанія проявляется все энергичнѣе и энергичнѣе, рѣчи о лучшемъ будущемъ звучатъ все чаще, и чаще и вѣры въ нихъ слышится все больше и больше, но... ранняя смерть скорбнаго писателя не дала ему возможности договорить до конца. Онъ успѣлъ только выстрадать своею чуткой и нѣжной душой всю тяготу жизни сѣренькаго человѣка и прервалъ свою задушевную „подобную стону“ иѣсно наполовинѣ. Положительные типы дѣлателей жизни уже роились въ его головѣ, вынашивались въ его многострадальной душѣ, но вылиться въ живыхъ, правдивыхъ образахъ имъ не было суждено: Чеховъ успѣлъ только воплотить типъ, исполненнаго безбрежной тоски, пассивнаго зрителя жизни, молча страдающаго и не понимающаго смысла своихъ страданій. Ясно понимая это сами, они приходятъ въ концѣ концовъ къ единственному, для натуръ слабыхъ и безвольныхъ спасительному выводу: признанію *необходимости* существующаго

порядка жизни, неизбежности страданій, господства слѣпого случая, спасительности смерти (отъ смерти „если сосчитать польза окажется огромная“), фатализму, отрицанію нравственнаго оправданія человѣческой и міровой жизни. Безропотно склоняются они предъ страшной и непонятной для нихъ жизнью, покорно подставляютъ свою голову подъ ея удары; ни на что не надѣются, ни откуда не ждутъ помощи, такъ какъ, за небольшими исключеніями, не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ людей. Безпомощные. они доживаютъ жизнь, пока хватаетъ силъ, а измѣняетъ—они сходятъ съ ума, или—добровольно оставляютъ жизненную сцену.

Такою же безнадежностью, такимъ же страхомъ передъ безсердечіемъ природы, передъ дождю и безсмыслицей жизни—вѣетъ отъ всѣхъ повѣстей молодыхъ писателей Чеховской школы (особенно Юшкевича): ихъ героямъ уготовляетъ жизнь также одинъ общій и неизбежный удѣлъ—безпрерывныя страданія и одинъ конецъ—гибель, добровольную или невольную; пессимизмъ и здѣсь проникаетъ повѣсти съ начала и до конца; и здѣсь, какъ у Чехова, страдальцами являются обыкновенные средніе люди въ обыкновенной, каждодневной обстановкѣ.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ такого настроенія безнадежной тоски является, сравнительно недавно показавшійся на литературномъ горизонтѣ, но уже достигшій широкой извѣстности, писатель—Л. Андреевъ.—Его героевъ давятъ не просто тоска и невольство жизнью, сознаніе ея ничтожества и пошлости, а ужасъ предъ нею и полное, безпроевѣтное отчаяніе; они уже не могутъ молчать и громко, на весь міръ, кричатъ о своихъ невыносимыхъ мукахъ; безсердечная и коварная въ отношеніи къ чеховскимъ героямъ—природа дьявольски жестоко издѣвается надъ андреевскими. Страданія ихъ достигаютъ совершенно исключительной, невѣроятной, прямо титанической силы и роднятъ ихъ съ героями классическихъ трагедій. Имъ нѣтъ ни въ чемъ поддержки. Они хотятъ опереться на вѣру, но безуспѣшно: самая крѣпкая, способная (по автору) двигать горы, вѣра Василія Фивейскаго разлетается вдребезги при столкновеніи съ ужасами жизни.

Они ищутъ спасенія въ мысли „твердой, свѣтлой, послушной“, но и она измѣняетъ имъ въ критическій моментъ, измѣняетъ неожиданно „боварно, подло, какъ измѣняютъ женщины“, издѣвается, приводитъ къ мучительному сомнѣнiю и гибели (докторъ Керженцовъ въ разск. „Мысль“).

Безпомощность полная „кто сильный дастъ мнѣ руку помощи“? восклицаетъ одинъ изъ героевъ Андреева—Никто. Никто. Гдѣ я найду то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться со своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ, я? Нигдѣ, нигдѣ“ („Мысль“) Они чувствуютъ себя „брошенными въ пустоту безконечнаго пространства“ (ibid.). Рокъ, слѣпой неумолимый господствуетъ надъ ними и сулитъ имъ одни бѣды.—„Надъ всей жизнью Василя Фивейскаго тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятиемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя, и никогда не заживали въ сердцѣ его кровоточащія раны“ и т. д. („Жизнь Василя Фивейскаго“). Отчужденіе отъ людей, невозможность найти уникъ сочувствіе и помощь, доводятъ героевъ Андреева до состоянія самаго „ужаснаго“, „великаго“, „грознаго“, „зловѣщаго“, „безумнаго“ („Мысль“) одиночества. „Куда ни сунься, говоритъ Андрей Николаичъ въ разсказѣ „У окна“,—все люди грубые, шумные, смѣлые, жестокосердные неумолимые, они идутъ напроломъ, со свистомъ и гоготомъ и топчутъ другихъ слабыхъ людей. Туда имъ и дорога!“ Герои Чехова при всей своей тоскѣ, при всей тягости жизни, все таки, въ большинствѣ случаевъ, живутъ и доживаютъ жизнь;—герои Л. Андреева жить не могутъ; если сумасшествіе и смерть—удѣлъ нѣкоторыхъ героевъ Чехова, то они неизбѣжный исходъ для всѣхъ андреевскихъ. Вѣра въ „Молчаніи“ кончается самоубійствомъ, Сергій Петровичъ въ разсказѣ того же имени выпиваетъ ядъ, герой разсказа „Ложь“ кончается убійствомъ и сумасшествіемъ, Павелъ Рыбаковъ въ „Туманѣ“ убійствомъ, и самоубійствомъ Василій Фивейскій безуміемъ и т. д. и т. д. Правды, истины нѣтъ ни на небѣ, ни на землѣ, „осталась ложь. Она безсмертна. Я чувствую ее,—говоритъ герой разсказа „Ложь“,—въ каждомъ атомѣ воздуха и когда я дышу, она съ шипѣніемъ входитъ въ мою грудь и рветъ ее, рветъ!

О, какое безуміе быть человѣкомъ и искать правды! Какая боль!“ („Ложь“). Внутреннее раздвоеніе, разладъ съ самимъ собой обостряется у нихъ до послѣдней степени и прямо иногда переходить въ безуміе. Они боятся самихъ себя, чувствуютъ, что внутри ихъ таится чудовище, такое же страшное, какъ и жизнь, готовое ежеминутно обрушиться на нихъ и свалить ихъ въ нравственную бездну. „Въ самомъ себѣ,—говоритъ одинъ изъ нихъ, я окруженъ и задущенъ угрюмо молчащими, таинственными врагами. Куда ни иду я—я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустотѣ вселенной, въ самомъ себѣ я не имѣю друга... Я не знаю, кто я... Моими устами, моей мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые они“ („Мысль“: также Сергій Петровичъ, герой разсказа „Ложь“, Василій Фивейскій и др.). Человѣкъ является жалкой игрушкой въ рукахъ жестокой, неумолимой, безошадной судьбы“ (разск. „о Сергій Петровичѣ“, „У окна“. Жизнь Вас. Фив. и др.). Жизнь въ разсказахъ Л. Андреева до такой степени ужасна, что представляется какимъ то кашмаромъ; существованіе его героевъ больше походить на бредъ, на тяжелый сонъ, чѣмъ на правду; ихъ дѣйствительно окутываетъ постоянно густой душевный туманъ („Въ туманѣ“); они дѣйствительно стоятъ всегда предъ высокой „стѣной“, которая прочно отгораживаетъ ихъ отъ всего міра и дѣлаетъ совершенно невозможнымъ общеніе съ ними („Стѣна“); они, дѣйствительно, постоянно движутся на краю головокружительно-страшной бездны, ежеминутно готовые въ нее свалиться и на самомъ дѣлѣ часто летятъ въ нее („Бездна“). Они мучаются вопросами о смыслѣ и цѣли жизни, но какой отвѣтъ находятъ ясно изъ сказаннаго.

Въ концѣ концовъ нужно сказать, что герои Андреева—болѣе крупныя, болѣе сильныя, но такія же пассивныя жертвы жизни, какъ и чеховскіе обывательскіе типы и такъ же какъ и тѣ, а можетъ быть еще менѣе, способны къ творческой созидательной работѣ. Съ этой стороны Андреевъ мало подвинулся впередъ, сравнительно съ Чеховымъ: положительные типы у него отсутствуютъ, хотя голоса о любви къ людямъ, о новой лучшей жизни изрѣдка слышатся и изъ устъ его героевъ, какъ и изъ устъ

чеховскихъ; иногда даже раздается кличъ, зовущій всѣхъ дружно двинуться къ этой новой жизни, взять ее приступомъ, не останавливаясь предъ препятствіями и жертвами.

„Стѣна“, съ вершины которой открывается видъ на новую жизнь высока, на нее можно взобраться только по трупамъ. Это и нужно сдѣлать: „пусть стоитъ она, но развѣ, каждый трупъ не есть ступень къ вершинѣ? Намъ много и жизнь наша тягостна. Устелемъ трупами землю; на трупы набросаемъ новые трупы и такъ дойдемъ до вершины. И если останется только одинъ онъ увидитъ новый міръ“ („Стѣна“). Но такія, проникнутыя вѣрою въ будущее рѣчи въ устахъ андреевскихъ героевъ очень рѣдки; они совершенно тонуть среди проклятій жизни, ненависти къ людямъ, ужаса предъ желѣзными законами природы, которая все дѣлаетъ по своему, вопреки желаніямъ и стараніямъ человѣка; а главное, эти голоса, не болѣе ясно и опредѣленно, чѣмъ чеховскіе, рисуютъ то новое, лучшее будущее, къ которому зовутъ человѣчество: оно также туманно въ сознаніи андреевскихъ героевъ, какъ и вся жизнь. Такимъ образомъ мы съ полнымъ правомъ утверждаемъ, что у Андреева, какъ у Чехова, какъ и у всѣхъ писателей чеховской школы, ясныхъ положительныхъ идеаловъ, типовъ дѣлателей жизни, нѣтъ и при томъ общемъ взглядѣ на жизнь, какой исповѣдуется почти всѣми героями Андреева, не можетъ и быть. Напротивъ, изъ этого взгляда съ необходимостью вытекаетъ не созданіе жизни, не заботы объ улучшеніи условій существованія человѣка, а отрицаніе ея и разрушеніе всей до основанія, уничтоженіе человѣческихъ обществъ, совершенное оголеніе земли; или—удаленіе отъ жизни и живыхъ людей, полное отрѣшеніе отъ всѣхъ человѣческихъ общественныхъ интересовъ, добровольное заточеніе гдѣ-нибудь на вершинахъ горъ, откуда хорошо наблюдать безстрастными звѣзды, холодное небо, величественную, спокойную жизнь небесныхъ свѣтилъ, но куда не доносятся голоса человѣческихъ страданій, человѣческаго горя и нужды, т. е., тоже отрицаніе жизни, только въ другой формѣ и по другимъ, какъ будто, основаніямъ. Это—два естественныхъ, необходимыхъ вывода изъ общаго взгляда на жизнь Л. Андреева, которые онъ, въ концѣ концовъ долженъ былъ сдѣлать. Ихъ мы

дѣйствительно и находимъ у него: послѣдній въ драмѣ „Къ звѣздамъ“ (въ лицѣ знаменитаго астронома Терновскаго), а первый—въ недавно вышедшей пьесѣ „Савва“ (Сборн. Зн. XI 1906) въ лицѣ главнаго героя ея того же имени. Послѣдній настолько любопытенъ, и самъ по себѣ и особенно съ интересующей насъ—этической точки зрѣнія, что мы позволимъ себѣ удѣлить ему нѣсколько словъ.—Савва почувствовалъ ужасъ жизни всѣмъ своимъ существомъ, не менѣе глубоко, чѣмъ Василий Оивейскій. „Страшнѣе того, Липа,—говоритъ онъ сестрѣ.—что человѣкъ разъ уже родился ничего быть не можетъ. Это все равно, что утопленника спросить: а, что, дядя, промокнуть не боишься“; онъ созналъ полное ничтожество людей, совершенную несостоятельность жизни въ ея теперешнемъ видѣ и пришелъ къ выводу, нужно сказать очень не новому и совсѣмъ не оригинальному: только тогда наступитъ новая жизнь, когда старая погибнетъ въ огнѣ и потокахъ крови.

Все „нужно срыть до основанія—до голой земли... нужно, чтобы теперешній человѣкъ голымъ остался, на голой землѣ. Тогда онъ устроитъ новую жизнь. Нужно оголить землю, содрать съ нея эти мерзкія лохмотья“. А когда его сестра ужасается той массы крови, которая должна быть пролита, Савва говоритъ: „еслибы ея (крови) дѣлалъ океанъ—все равно, черезъ это надо перешагнуть“. Онъ видѣлъ много людей и самыми лучшими считаетъ тѣхъ, которые „бомбочки дѣлаютъ“—террористовъ, но и они уже являются въ его глазахъ „устарѣвшими“, „слабоватыми“, „узкими“, слишкомъ добродѣтельными. Его не удовлетворяетъ борьба съ людьми, онъ хочетъ помѣряться силами съ самымъ ненавистнымъ своимъ врагомъ—Богомъ („который—говоритъ онъ—называется Спасителемъ“), хочетъ показать, что тотъ богъ, которому онъ служитъ—динамитъ сильнѣе Бога христіанскаго („динамитъ сильнѣе ихняго Бога“). Неудавшаяся попытка въ этомъ направленіи и составляетъ фабулу драмы. Чего же добивается Савва? Онъ пытается самъ отвѣтить на этотъ вопросъ: „Чего я хочу? Освободить землю. Освободить мысль. Освободить человѣка и уничтожить всю эту двуногую болтающую тварь“! Но во имя чего уничтожить? Во

имя какой лучшей жизни? Вѣдь свобода есть только условіе жизни, а какова же должна быть жизнь, которой Савва приноситъ такія страшныя жертвы? Савва, говоритъ авторъ, „окованъ громадной думой о жизни, мыслями безъ словъ, чувствомъ безъ выраженія“. (Изъ пьесы, впрочемъ, этого не видно, напротивъ, Савва выступаетъ больше передъ нами спокойнымъ, ровнымъ, дѣтски веселымъ, жизнерадостнымъ и мы бы, пожалуй, совсѣмъ не подозрѣвали о его „громадной думѣ“, если бы не приведенная реплика автора. Но мы повѣримъ, автору на слово, допустимъ, что онъ „окованъ думой о жизни“. Однако додуматься такъ онъ ни до чего и не додумался, какъ не додумался Василій Өивейскій, Докторъ Керженцевъ, Сергій Петровичъ и прочіе андреевскіе герои. И полагаемъ, еслибы не преждеврсменная насильственная смерть и еслибы онъ дѣйствительно думалъ о жизни, онъ могъ бы додуматься только до того, до чего додумались: Вѣра („Молчаніе“), Сергій Петровичъ, Павелъ Рыбаковъ, Василій Өивейскій, Керженцовъ и др.—т. е.,—до самоубійства или сумасшествія. Онъ хочетъ только разрушать съ закрытыми глазами, во имя самого разрушенія и врядъ ли изъ любви къ людямъ. Къ послѣднимъ онъ, кажется, кромѣ презрѣнія и ненависти ничего не чувствуетъ. Его очень интересуетъ и привлекаетъ другой герой пьесы—„Царь Иродъ“, а этотъ о людяхъ очень недоброго понятія: „нѣтъ звѣря жесточе человѣка... Будетъ у тебя горе, не ходи ты къ людямъ... лучше къ волкамъ въ лѣсъ пойдѣ. Сожрутъ сразу, и баста, а эти... Видѣлъ я много плохого, а хуже человѣка ничего не видѣлъ“. Подъ такую характеристику людей, навѣрное охотно подписался бы и Савва, именующій ихъ „двуногими болтающими тварями“ и желающій ихъ всѣхъ уничтожить. Что же съ такими взглядами для людей можно сдѣлать, кромѣ того, чего хочетъ Савва: совершеннаго ихъ истребленія? Такія, позволимъ себѣ сказать, нравственныя чудовища могутъ быть анархистами, тиранами, деспотами, но никогда—благодѣтелями человѣчества.—Л. Андреевъ, такимъ образомъ, является самымъ крайнимъ представителемъ безнадежнаго настроенія чеховской школы. У него оно нашло свой естественный выходъ: отрицаніе жизни, культуры, вѣры, идеа-

ловъ, которыми жили до сихъ поръ люди. „оголеніе“ земли и человѣка и, какъ результатъ этого.—стремленіе вступить въ борьбу съ жизнью и людьми. Последняя черта уже отличаетъ героевъ Андреева отъ чеховскихъ и роднитъ ихъ (особенно такихъ, какъ Савва), съ героями другого современнаго властителя думъ—Максима Горькаго, а. быть можетъ. ему обязана и своимъ существованіемъ.

О немъ теперь и будетъ наша рѣчь.

Макс. Горькій очень сильно тяготѣетъ ко всѣмъ отличительнымъ чертамъ чеховской школы, но онъ замѣтно прокладываетъ новыя, свои, пути и создаетъ свою школу. Пустота, пошлость жизни, неурядицы человѣческихъ отношеній, ихъ зависимость отъ слѣпой судьбы и т. д.—однимъ словомъ, чеховскій взглядъ на жизнь и людей присутствуетъ полностью въ повѣстяхъ Горькаго; (яркое, ничѣмъ не уступающее чеховскому изображеніе скуки жизни, см. напр., въ разск. „Скуки ради“), но тогда какъ у Чехова скука—и начало, и конецъ его героевъ, у Горькаго она только начало, исходный пунктъ. Горькій совсѣмъ не думаетъ мириться съ окружающей пошлостью, онъ хочетъ возвыситься надъ нею, побѣдить ее. Его герои уже не пассивные зрители и покорныя жертвы жизни, а борцы съ пошлостью жизни, стремящіеся создать на развалинахъ ея новый лучший строй; они „вмѣшиваются въ самую гущу жизни“ (Ниль и Поля въ „Мѣщанахъ“). Это—хорошо всѣмъ извѣстныя горьковскіе „безпокойные“, „сильные“ люди—босяки, обитатели дна и строители жизни, какъ: Ниль, Лука, Марья Львовна, Лѣвшинъ, Сѣнцовъ и мн. др. Откуда взялись эти странные люди? Какъ попали въ литературу горьковскіе босяки—въ лохмотьяхъ, оборванные, пьяные, грязные? Случайные ли это гости въ ней, заѣзжіе иностранцы въ костюмахъ русскихъ босяковъ, или, быть можетъ, выношенные русской дѣйствительностью типы русскаго безпокойнаго человѣка, только представившіеся въ нѣсколько необычномъ и не совсѣмъ приличномъ костюмѣ обитателя трущобъ? Рѣшеніе этого вопроса очень важно для пониманія творчества Горькаго и опредѣленія его мѣста въ исторіи русской литературы, и далеко не безразлично для пониманія Горькаго съ точки зрѣнія,

постановленнаго нами, частнаго вопроса. Наибольше распространенный въ обществѣ и критикъ, наибольше простой, но и наименѣе удачный, такой отвѣтъ: герои Горькаго представляютъ сколокъ съ Ницшевскаго сверхчеловѣка и, даже, съ героевъ французскихъ бульварныхъ романовъ (Энгельгардтъ). Такой взглядъ значительно упрощаетъ толкованіе горьковскихъ типовъ, но за то онъ и не ведетъ къ ихъ истинному пониманію. Наложивши на нихъ ремарку ницшевскаго сверхчеловѣка, критики и толкователи уже имѣютъ дѣло не съ Горькимъ, а съ Ницше, поражаютъ его стрѣлами своего критическаго остроумія, а не Горькаго. Между тѣмъ ясно, что не все то, что относится къ Ницше и его сверхчеловѣку, приложимо къ Горькому и его, хотя бы, даже, босяку; что слѣдовательно, толкованіе, скажемъ, этическихъ воззрѣній Горькаго подъ угломъ зрѣнія Ницшевскаго сверхчеловѣка далеко не затронуваетъ ихъ въ полномъ объемѣ, а вмѣсто того усваиваетъ Горькому нѣчто такое, чего, пожалуй, у него нѣтъ. Точки соприкосновенія у Горькаго съ Ницше есть, какъ есть онѣ у него и съ другими писателями (см. ниже), но до тождества, а еще болѣе, заимствованія отсюда очень далеко. Исторія міровой литературы даетъ не одинъ примѣръ того, какъ писатели разныхъ народовъ создаютъ типы очень сходные, часто совершенно не зная другъ друга. У Горькаго зародился и почти сформировался типъ сильнаго человѣка и горячая симпатія къ нему еще въ ту пору жизни, когда знакомство съ Ницше и французскими романами врядъ ли могло имѣть мѣсто.

Мы думаемъ, что Горькаго нужно разсматривать совершенно самостоятельно, какъ самобытное порожденіе русской литературы и русской дѣйствительности. Если и можно говорить о какихъ либо вліяніяхъ, то только на настроеніе Горькаго—развитіе въ немъ недовольства настоящимъ, духа протеста, а не на структуру отдѣльныхъ типовъ;—на пристрастіе къ нѣсколько превышающимъ дѣйствительность образамъ и, совсѣмъ не со стороны Ницше. Біографы говорятъ, что Горькій одно время (88—89 г. г. пребыванія въ Тифлисѣ) очень увлекался Байрономъ. Ему онъ обязанъ тѣмъ романтизмомъ, которымъ несомнѣнно отдають его произведенія (крайній индивидуализмъ,

недовольство, постоянное протестанство, стремление къ необычному и т. п.). Но это вліяніе только закрѣпило уже сложившееся настроеніе Горькаго, сложившееся подъ вліяніемъ личной его жизни, общихъ условій русской дѣйствительности и русской литературы. Не считая возможнымъ удѣлять много мѣста первому и второму, такъ какъ это слишкомъ отвлекло бы насъ отъ прямой нашей задачи, мы остановимся на уясненіи литературнаго родства горьковскихъ героевъ. Внимательно всматриваясь въ ихъ фізіономіи, мы замѣтимъ, что тотъ духъ безпокойства, который гонитъ ихъ съ мѣста на мѣсто; не давая засиживаться нигдѣ долго, тотъ духъ недовольства пошлостью и пустотой общества, протеста противъ его косности, рабской привязанности къ предрасудкамъ, тотъ индивидуализмъ, который они проповѣдуютъ своею жизнью краснорѣчивѣе, чѣмъ своими словами,—что весь этотъ духъ давно витаетъ въ русской и міровой литературѣ, что имъ насквозь пропитаны наши старые знакомые: Алеко, Онѣгинъ, Печеринъ, Рудинъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Чулкатуринъ и др.—изъ русскихъ; Донъ Кихоть, Чайльдъ-Гарольдъ, Фаустъ, Гамлетъ и др.—изъ иностранцевъ. Больше того, русская литература задолго до Ницше и Горькаго имѣли своего сверхчеловѣка, теоретически и практически силившася подтвердить свое сверхчеловѣческое достоинство—Раскольниковъ Достоевскаго. Горьковскіе безпокойные люди явились къ намъ въ другихъ костюмахъ, быть можетъ, слишкомъ яркихъ; въ новой обстановкѣ, быть можетъ, не совсѣмъ обычной; съ новыми взглядами, быть можетъ, слишкомъ противорѣчащими установившимся; явились сильные, смѣлые, дерзкіе, жадные, гордые, неуступчивые,—но, вѣдь, рѣдко въ жизни бываетъ, чтобы дѣти бывали точной копіей своихъ отцевъ и предковъ, а въ литературѣ, слишкомъ большое сходство служитъ признакомъ незаконорожденности даннаго литературнаго дѣтища. Проводя эти параллели мы хотимъ сказать только, что герои Горькаго не случайные гости, не выродки, не пасынки, а законные дѣти русской (и міровой) литературы. Мы далеки отъ того, чтобы ставить это на счетъ самостоятельности Горькаго, тѣмъ болѣе, чтобы приравнивать

Горькаго къ кому нибудь изъ писателей—творцовъ неисчисленныхъ типовъ искателей и протестантовъ (и вообще литературная и художественная оцѣнка не входитъ въ нашу задачу). Имѣя своихъ законнѣйшихъ предковъ въ предшествующей литературѣ, герои Горькаго находятся въ кровномъ родствѣ и съ современными литературными типами „чеховской“ повѣсти, что уже было нами отмѣчено нѣсколько выше; а своею проповѣдью крайняго индивидуализма они роднятся съ такими же крайними индивидуалистами, какъ Бальмонтъ, Брюсовъ, Минскій и др. Появляются они на литературномъ горизонтѣ, выдвинутые самимъ временемъ. или, лучше—безвременьемъ, царившимъ тогда. появляются въ самый подходящий для себя моментъ, чѣмъ и объясняется въ значительной степени быстрый, небывалый, ошеломляющій успѣхъ ихъ создателя. Это было самое сѣрое, безцвѣтное время (80—90 годы), полного угнетенія личности и господствовавшими социальными ученіями (экономическій матеріализмъ), и условіями жизни,— время, или, опять повторяемъ—безвременье, съ такою силою отразившееся въ повѣстяхъ Чехова. Безсильное, безвольное, павшее духомъ общество деляло мечту о человѣкѣ сильномъ, энергичномъ, способномъ вступить въ борьбу съ жизнью. Такого человѣка и показалъ ему Горькій.

Что же это за человѣкъ и куда онъ хочетъ вести человечество?

Отвѣтъ на первую половину вопроса нами уже отчасти данъ. Мы видѣли, что герои Горькаго люди безпокойные, ищущіе, неудовлетворенные, стремящіеся достигнуть лучшей жизни. Эти черты, роднящія героевъ Горькаго съ другими литературными типами, слишкомъ общи и спеціально горьковскаго еще не заключаютъ.

Это, дайте, люди не похожіе на рядового человѣка, исключительные—прежде всего, по своей силѣ, люди—„сильные“ по преимуществу. Сила ихъ заключается и въ физическомъ здоровьи, бодрости, а главное—въ духовной мощи, мужествѣ, неустрашимости предъ жизнью и смертью, выносливости, способности устоять передъ самыми сильными испытаніями, никогда не пасть духомъ, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не склонить

своей гордой головы. Это—мощныя природы, которыя не вмѣщаются въ обыкновенныхъ рамкахъ человѣческаго общежитія. „Я,—говоритъ Промтовъ въ разсказѣ „Проходимецъ“.—человѣкъ, которому въ жизни тѣсно, жизнь узка, а я широкъ“. Или, какъ опредѣляетъ свою братаю Коноваловъ: „особливые мы будемъ люди.. и ни въ какой порядокъ не вмѣщаемся. Особый намъ счетъ нуженъ.. и законы особые“. Не вмѣщаясь въ жизни и видя въ этомъ свое преимущество, они презираютъ тѣхъ, которые вмѣщаются въ ней, довольствуются своими маленькими интересами и, прежде всего мужика. „Я—говоритъ одинъ босякъ—всѣхъ мужиковъ не люблю... Они сволочи... ноютъ, да притворяются, но жить могутъ: у нихъ есть зацѣпка—земля“. Или, какъ философствуетъ герой разсказа „Проходимецъ“: „мужикъ есть для всѣхъ людей матеріаль шитательный, сирѣчь съѣдобное животное... Для существованія челоѣка необходимы: солнце, вода, воздухъ и мужикъ“. Есть, правда, у Горькаго и такіе герои, которые внушаютъ жалость къ людямъ (напр. Лука въ „На днѣ“); но существованіе ихъ не отмѣняетъ первыхъ, тѣмъ болѣе, что на ряду съ ними въ тѣхъ же разсказахъ и пьесахъ выступаютъ представители перваго типа (герои „дна“ ненавидятъ Клеца за то, что онъ работаетъ) и куда клонятся симпатіи автора не всегда легко сказать. Не лучше они смотрятъ и на всѣхъ прочихъ, особенно, на интеллигенцію. Презирая всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ они считаютъ достойными нѣкотораго вниманія себя, да и то далеко не всегда (Коноваловъ говоритъ, что такихъ какъ онъ нужно искоренять изъ жизни, потому что они для нея не нужны). Они почти всегда эгоисты довольно высокой пробы. Исходя изъ принципа homo homini lupus, они стараются даже подавлять возникающія въ нихъ альтруистическія чувства: когда Уповающій (въ разсказѣ „Дружки“) убѣждаетъ Пляши-Ногу отдать украденную лошадь, послѣдній высмѣиваетъ его жалость къ крестьянину. Варенька Олесова, говоритъ робкому приватъ-доценту: „по моему—хочется вамъ стѣснить—стѣсните, хочется быть несправедливымъ—будьте“. Эгоизмъ, презрѣніе и равнодушіе къ людямъ, по временамъ, переходятъ въ ожесточенную ненависть ко всему челоѣчеству—„Пусть все скачетъ къ черту

на кулички! Мнѣ было бы пріятно, если бы земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы вдребезги... лишь бы я погибъ послѣдній, посмотрѣвъ сначала на другихъ". Иногда, по преимуществу въ послѣднее время, Горькій выпускаетъ проповѣдниковъ любви къ людямъ (Еремѣй, Лука), но здѣсь мы должны сказать тоже, что сказали уже о проповѣдникахъ жалости. Это свидѣтельствуешь о колебаніи самого Горькаго, о томъ, что его идеалы еще не опредѣлились.—Проповѣдуя крайній индивидуализмъ, ставя себя въ исключительно привилегированное положеніе по отношенію къ рядовому человечеству, герои Горькаго, естественно, считаютъ для себя всякіе законы и предписанія, откуда бы они ни шли: отъ религіи, этики, церкви или общества, совершенно необязательными: „Я бывшій человѣкъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... Я могу наплевать на все! Я долженъ породу своей жизни, отбросить въ сторону все старое". А Варенька Олесова, о которой мы уже здѣсь упоминали, разсуждаетъ нѣсколько иначе, но выводъ и у нея тотъ же: „Богъ меня создалъ какъ всѣхъ, по образу и подобию своему... значить все, что я дѣлаю, я дѣлаю по Его волѣ и живу, какъ нужно Ему". Бродячая жизнь имъ потому и нравится, что въ ней „нѣтъ обязанностей, нѣтъ законовъ, кромѣ законовъ природы". Свобода,—полная, абсолютная свобода—для нихъ высшее благо, которое они ни на что не промѣняютъ, „свобода въ смыслѣ безпрепятственнаго развитія всѣхъ внутреннихъ силъ и даже инстинктовъ человѣка" ¹⁾. Они упиваются ею, упиваются жизнью—процессомъ жизни, дышатъ полною грудью, жаждутъ власти и дѣятельности. „Мы любимъ жить"—говоритъ старуха Изергиль. „Мнѣ всегда чего то хочется" говоритъ Мальва (въ такомъ же духѣ высказываются: Варенька Олесова, Челкашъ, Силанъ и мн. др.). Только и дѣятельности они желаютъ особенной,—будничная имъ не по плечу, для нихъ нужны подвиги. „Мнѣ бы,—говоритъ Оома Гордѣевъ,—съ разбойниками сражаться, или самому разбойникомъ быть... вообще чтобы нибудь этакое... большущее дѣлать... И чтобы не головой, а руками, грудью". Сапожникъ Григорій Орловъ, гонимый

¹⁾ Вѣстн. Зн. 1904 кн. 9. с. 124.

жаждой какойнибудь большой дѣятельности, идетъ ухаживать за холерными, подвергаетъ себя всему риску этого дѣла и все таки не удовлетворяется такою дѣятельностью, снова запиваетъ и бродяжничаетъ.—Чувствуя въ себѣ избытокъ силъ, ощущая неутомимую жажду дѣятельности, они, большею частію, ограничиваются одними разговорами, да критикой окружающаго, а за дѣло взятыя никакъ не могутъ, вся ихъ энергія уходитъ на борьбу и разрушеніе, а на созиданіе ничего не остается, даже при искреннемъ желаніи чтонибудь сдѣлать (Тома Гордѣевъ, Григорій Орловъ, Илья и Яковъ въ разск. „Трое“ и мн. др.). Это безсиліе, при кажущемся обиліи силъ доводитъ ихъ до отчаянія, повергаетъ въ крайній пессимизмъ; отсюда та тоска,—невыносимая, мучительная, не менѣе трагичная, чѣмъ тоска героевъ Л. Андреева, которая такъ часто и, повидимому, совершенно непонятно почему изводитъ горьковскихъ сильныхъ людей. Въ чемъ же причина такой непригодности къ творческой работѣ, при наличности, какъ будто, всѣхъ данныхъ для этого? Она лежитъ въ неспособности найти свое мѣсто въ жизненной машинѣ, въ незнаніи что дѣлать, за что взятыя,—въ отсутствіи какихъ бы то ни было опредѣленныхъ идеаловъ, яснаго сознанія цѣли своей жизни. „Что я такое?—спрашиваетъ Коноваловъ.—Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ?.. Живу и тоскую... Про что? Неизвѣстно.. Внутренняго пути у меня нѣтъ“. Григорія Орлова неотступно преслѣдуютъ всякіе—„зачѣмъ“ и „почему“, а отвѣтить на нихъ онъ никакъ не можетъ. Тома Гордѣевъ, послѣ размышленій о жизни, приходитъ къ выводу, что ее „нужно ломать и перестраивать... Но какъ?—Мучительно спрашиваетъ онъ,—вотъ тутъ то мнѣ и петля... Что надо дѣлать, чтобы свободнѣе жилось? Не понимаю я этого и тутъ мнѣ конецъ“. Жалкими представляются эти силачи въ своей беспомощности передъ вопросами о смыслѣ и цѣли жизни. „Тараканъ ползетъ и то онъ знаетъ, куда и зачѣмъ ему надо... А ты что? Ты куда?“. „Я въ недоумѣніи передъ жизнью“—говоритъ Варвара Михайловна въ „Дачникахъ“ „Я ищу смысла въ ней и не нахожу“. Отсюда уже близки, такъ странно звучація въ устахъ героевъ Горькаго, сѣтованія насчетъ своей ненужности для жизни, призна-

ніе себя лишними въ ней (Тома Гордѣевъ, Кановаловъ и мн. др.), признаніе и выводъ, роднящіе хотя и не въ очень близкой степени, еще разъ ихъ съ былыми литературными типами „лишнихъ людей“ Тургенева или „кладбищенствомъ“ Помяловскаго. Только во вторую (по преимуществу) половину своей дѣятельности Горькій началъ давать типы людей, которые не останавливаются на критикѣ, отрицаніи и разрушеніи, а обнаруживаютъ, какъ будто, способность къ дѣланію жизни, къ полезному приложенію своихъ силъ въ творческой работѣ, обладаютъ болѣе или менѣе ясными идеалами, опредѣленными взглядами на жизнь и свою роль въ ней. На этихъ положительныхъ типахъ мы остановимся, чтобы дать отвѣтъ на вторую половину поставленнаго нами выше вопроса: куда ведетъ Горькій, какую обѣтованную землю и жизнь уготовляетъ онъ для тѣхъ сильныхъ людей, которымъ, очевидно, по его мнѣнію, принадлежитъ, будущее исторіи.

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ Горькій былъ послѣдовательнѣе, чѣмъ въ другихъ. Если его идеаль—„человѣка“ страдаетъ неопредѣленностью, неясностью, отсутствіемъ законченности, цѣльности и, даже, нѣкоторыми внутренними противорѣчіями (любовь къ людямъ и ненависть къ нимъ, жалость и презрѣніе, милосердіе и жестокость, стремленіе къ общему благу, мечты о всеобщемъ счастьи и проповѣдь самаго крайняго индивидуализма), то съ еще большей туманностью рисуется Горькимъ идеаль жизни этого человѣка въ его, такъ сказать, собственной сферѣ.—Нужно имѣть въ виду, что Горькій нѣсколько разъ, съ различныхъ сторонъ подходилъ къ этому идеалу, пытался представить его въ разныхъ положеніяхъ и формахъ.

П. Красинъ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКАЯ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ, КАКЪ ПРЕДШЕСТВЕННИЦА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И УНИВЕРСИТЕТ- СКОЙ ФИЛОСОФІИ ВЪ РОССИИ.

(Продолженіе *)

IV.

Профессоръ Василій Николаевичъ Карповъ (род. 1798 г. † 1867 г.) и его философскія воззрѣнія.

О профессорѣ Карповѣ мы имѣемъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія въ „Исторіи философіи“ архим. Гавріила ¹⁾. В. Н. Карповъ былъ сынъ священника; родился онъ 1798 г., среднее образованіе онъ получилъ въ Воронежской семинаріи, гдѣ слушалъ философію у протоіерея Іоанна Зацѣпина, чело-вѣка ученичѣйшаго, отличнаго математика, физика, ботаника и философа. Любя болѣе всѣхъ другихъ литературъ германскую, и болѣе всѣхъ другихъ идей—идей—Шеллинга, Зацѣпинъ старался передать юнымъ своимъ слушателямъ хотя часть своихъ философскихъ познаній.

Окончивъ курсъ семинарскій, Карповъ, по предписанію начальства, отправился для слушанія курсовъ академическихъ въ Кіевъ. Это было въ 1821 г. Здѣсь Карповъ болѣе всего занимался философіею. Эту любимую свою науку онъ слушалъ у протоіерея Іоанна Скворцова, который своею строгою систематическою методою образовалъ его мышленіе. Ив. Мих. Скворцовъ научилъ Карпова дать мыслямъ форму, подвергнуть ихъ критикѣ, утвердить ихъ на началахъ. Для достиженія этой цѣли не менѣе способствовало чтеніе Канта, хотя нѣкоторыя части ученія его, а особенно теоріи о пространствахъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4, за 1907 г.

¹⁾ См. VI ч. „Исторіи философіи“ арх. Гавріила, стр. 148--151.

и времени и законодательствѣ ума практическаго, Карпову и тогда еще не нравились. Слушая лекціи о свойствѣ человеческой свободы и объ отношеніи къ такъ называвшейся тогда волѣ низшей, онъ пришелъ къ мысли о возможности изъяснить всѣ, какъ нравственныя, такъ и умственныя антиноміи, изъ взаимнаго отношенія духовной и животной жизни человѣка. Эта мысль сильно занимала Карпова. Онъ старался развить ее съ помощью Кантовой критики чистаго разума; но Кантъ ему противорѣчилъ; и Карповъ обратился къ Платону, который съ того времени сдѣлался любимымъ его философомъ и воспитывалъ въ немъ любимую его идею. Эта идея и составляетъ душу системы Карпова, отличающейся характеромъ синтетизма. Служба Карпова началась въ Кіевской семинаріи съ 1825г. по 1831 г., когда онъ былъ назначенъ профессоромъ философіи въ Кіевской академіи. Въ 1833 г. Карповъ былъ переведенъ профессоромъ философіи же въ Петербургскую духовную академію, въ коей онъ и служилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1867 году.

Карповъ оставилъ много работъ по философіи; среди этихъ работъ на первомъ мѣстѣ должно поставить „Введеніе въ философію“ (1840 г.), такъ какъ въ этомъ „Введеніи“ нашъ мыслитель высказываетъ свои основныя взгляды на философію, ея происхожденіе, методы, значеніе и составъ. Но, кромѣ „Введенія“, затрогивающаго общіе вопросы по философіи, Карповъ далъ нѣсколько работъ по частно-философскимъ дисциплинамъ. Такъ, по исторіи философіи онъ далъ такую дѣльную статью, какъ: „Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различныхъ ея направленій“. Въ этой статьѣ, интереснѣе всего взгляды Карпова на самобытный характеръ философіи въ Россіи. Для характеристики взглядовъ Карпова болѣе значеніе имѣетъ и статья его: „Философскій рационализмъ повѣйшаго времени“ (Хр. Чт. 1860 г.). Статья эта представляетъ собою разборъ главныхъ положеній Кантовой критики чистаго и практическаго разума и, кромѣ того, указываетъ то, что рационализмъ не имѣетъ примѣненія въ Россіи. Для характеристики не только психологическихъ, но и собственно философскихъ взглядовъ Карпова, имѣетъ значеніе его

статья: „Душа и дѣйствующія силы въ природѣ“. (Хр. Чт. 1866 г.), гдѣ онъ очень убѣдительно и сильно доказываетъ самостоятельность души, какъ особаго высшаго духовнаго начала. Кроме того, Карпову принадлежали еще слѣдующія работы по философіи: „Систематическое изложеніе логики“; глубоко-серьезный и научный трудъ; „Вступительная лекція въ психологію“. (Христ. Чт. 1868 г. 2); „О самопознаніи“. (Странникъ 1860 г. 17); а также переводы Платона. Изъ всѣхъ перечисленныхъ философскихъ работъ Карпова, первой по времени появленія и едва ли не самой важной по значенію было, какъ мы сказали, его „Введеніе въ философію“ (1840 г.).

Къ опредѣленію философіи Карповъ выходитъ здѣсь изъ того безспорнаго положенія, что всѣ науки, равно какъ и всѣ виды феноменальной жизни, изслѣдованіемъ которыхъ онъ занимается, должны составлять одну великую систему и быть единымъ выраженіемъ природы. Это требованіе столь же законно, сколь вѣрно положеніе, что природа—одна, что всякое частное явленіе есть опредѣленный результатъ общаго неявляемаго, что нѣчто, по естественному порядку вещей, изъ ничего не бываетъ. Выходя изъ этого положенія, Карповъ опредѣляетъ предметъ философіи: самопознаніе и изслѣдованіе всего въ цѣломъ, какъ одного бытія, полнаго разнообразной жизни и дѣятельности, т. е. изслѣдованіе міра метафизическаго, поскольку онъ является сверхчувственнымъ и мыслимымъ,—вотъ существенные моменты ея содержанія, вотъ предметъ философіи ¹⁾. Но далѣе нашъ мыслитель указываетъ, что первый изъ этихъ моментовъ заключается въ 2-мъ, ибо изслѣдовать все, какъ одно, значитъ дать мѣсто въ цѣломъ и природѣ человѣка.

Человѣкъ есть также существо метафизическое, т. е. и онъ входитъ въ область сверхчувственнаго и мыслимаго; поэтому, по Карпову предметомъ философіи нужно считать собственно одинъ послѣдній моментъ ея, а первый долженъ быть основаніемъ и ручательствомъ за прочность всей науки. Касаясь далѣе вопроса о методѣ философіи, Карповъ указываетъ на то, что философію, по отношенію къ ея методу, можно назвать *построеніемъ идей* ²⁾. Такое названіе Карповъ разъясняетъ

¹⁾ См. „Введеніе въ философію“ 32 стр.

²⁾ Ibid. 37.

такъ: всякая частная наука, организуясь по методу построения, должна раскрываться изъ идеи, а дѣло философіи привести въ одно органическое цѣлое всѣ науки; слѣдовательно, философія обязана гармонически соединять, т. е. построить ихъ идеи. Выясняя далѣе характеръ формы и содержаніе философіи, нашъ мыслитель доходитъ наконецъ до того положенія, что форма философіи должна быть выведена изъ идеи о ней, и что эта идея не есть идеализація приобрѣтенныхъ опытомъ понятій, а непосредственное созерцаніе истины, сообразной съ природою ума. Но если предметъ философіи и самопознанія—міръ метафизическій, и если философствующій умъ долженъ на основаніи самопознанія соединить всѣ науки въ одно цѣлое, или что то же, изслѣдовать природу, какъ одну систему бытія, то естественно,—является выводъ, что философія не можетъ обойтись безъ системы: такимъ образомъ, и предметъ и форма философіи, поскольку философія должна быть развита изъ идеи, есть одна и та же система. Карповъ находитъ, что такое его заключеніе будетъ внѣ всякаго сомнѣнія, если вспомнить, что система бытія, поскольку бытіе мыслится, какъ гармоническое цѣлое, и система познанія о бытіи, поскольку мыслящее также мыслить о немъ, какъ о цѣломъ, сходятся въ одно мыслимое, слѣдственно, въ одну систему. Итакъ, методъ философіи, по самому существу ея идеи и предмета, необходимо и исключительно долженъ быть методъ систематическій ¹⁾. Будучи же выраженіемъ мысленнаго или сверхчувственнаго, система философіи есть цѣлое, развитое изъ реальной идеи природы, и соединяющее въ себѣ отдѣльныя познанія органически, какъ члены проникнутые одною общею жизнью сообразно съ органическою связью ихъ прототиповъ въ природѣ. Въ истинной системѣ философіи главное дѣло не въ томъ, какъ слѣдуютъ ученія одни за другими, а въ томъ, соотвѣтствуютъ ли они другимъ, совмѣстимы ли они въ одномъ и томъ же организмѣ науки, т. е. иначе говоря, представляетъ ли собою философія строгое единство. Отсюда по Карпову, философъ можетъ считаться не тотъ, кто о чемъ нибудь философствуетъ; кто по случайному расположенію истинъ или по столкновеніи стра-

¹⁾ Ibid. 40.

стей—и эмпиристъ и идеалистъ, и действъ и супрунатуралистъ: но тотъ, чье философствованіе есть выраженіе одной неизмѣнной идеи о мірѣ жизни и стремленіе къ развитію этой идеи въ одно систематическое цѣлое.

Отъ опредѣленія философіи, какъ системы, естественный переходъ къ ея методамъ. тѣмъ логическимъ путямъ, которыми она обосновываетъ свои понятія; такихъ путей два: разсудокъ познаетъ истину или чрезъ принятіе отдѣльныхъ элементовъ знанія и чрезъ совокупленіе ихъ въ логическое цѣлое, или, наоборотъ, чрезъ принятіе цѣлаго и чрезъ разрушеніе его на отдѣльные элементы. Въ первомъ случаѣ, онъ идетъ отъ результатовъ къ основанію, или отъ явленій къ началу ихъ; во второмъ случаѣ отъ основанія къ результатамъ, или отъ начала къ его явленіямъ. Тотъ путь называется *синтезомъ*, а этотъ *анализомъ*; и оба они суть способы дѣятельности одного и того же метода логическаго, а потому и оба имѣютъ свой смыслъ и значеніе въ системѣ философіи, но преимущественно методъ синтетическій.

Указавши методы философіи, нашъ мыслитель далѣе переходитъ къ указанію основаній философіи: ни чувство, ни постулаты закона, ни идея Бога не могутъ быть положены въ основаніе философіи; всѣ признаки ея субъективнаго начала болѣе всего могутъ быть отнесены къ сознанію. Сознаніе, понимаемое въ смыслѣ теоретическомъ и нравственномъ (совѣсть), по всей справедливости можетъ быть названо первою истиною, потому что все, входящее въ сферу человѣческой жизни и являющееся въ ней, какъ наше, дѣлается такимъ, единственно подъ условіемъ сознанія. Безъ сознанія мы—не мы, наше—не наше. Но чрезъ сознаніе же мы и познаемъ всякое бытіе, а если такъ, то сознаніе есть начало не только познанія, но и бытія, и потому его можно считать началомъ формально-реальнымъ. Установивши начала философіи, нашъ мыслитель даетъ теперь полное опредѣленіе философіи: философія есть наука разсматривающая все бытіе, какъ одно гармоническое цѣлое въ сверхчувственномъ, или мыслимомъ, сколько оно можетъ быть развито изъ сознанія и выражено въ системѣ ¹⁾. Характери-

¹⁾ „Введеніе въ философію“—67 стр.

зую далѣе общій характеръ философіи, нашъ мыслитель говоритъ, что она должна быть оппечатлѣна типомъ синтетизма, т. е. она должна разсматривать идеальное и реальное, знаніе и бытіе въ нераздѣльномъ и коренномъ существованіи ихъ, а не выводить одного изъ другого. Нашъ мыслитель подробно обосновываетъ то свое положеніе, что философія должна отличаться характеромъ синтетизма. Обоснованія эти сводятся къ тому, что философія, если она носитъ характеръ синтетизма, идетъ противъ крайностей одностороннихъ направленій: пантеизма, натурализма и раціонализма. Указывая на то, что крайности пантеизма и натурализма, враждебныхъ кореннымъ догматамъ христіанства и мудрымъ постановленіямъ политики, давно уже признаны всѣми, Карповъ признаетъ, что третье изъ указанныхъ одностороннихъ направленій—раціонализмъ—и въ наше время пользуется особеннымъ уваженіемъ, такъ что не только входитъ въ правила жизни практической, но отражается почти во всѣхъ наукахъ. Изъ такого же значенія раціонализма вытекаетъ деспотическое владычество ума надъ истинною житейскою, иначе вытекаетъ наукословный эгоизмъ. Формула раціонализма по автору такая: „никто не говори, что это такъ: мой разумъ опредѣлилъ иначе“ или „никто не утверждай, что это не такъ: мой умъ требуетъ согласія ¹⁾“. Значеніе синтетизма, по нашему мыслителю, и состоитъ въ томъ, что онъ идетъ прямо противъ подобныхъ злоупотребленій философскаго изслѣдованія, потому что поставленъ умъ въ предѣлахъ болѣе тѣсныхъ, уравниваетъ его съ другими силами въ сознаніи человѣческаго субъекта и, обращая вниманіе на его существо и дѣятельность, показываетъ его зависимость отъ абсолютнаго и чувственно—постигаемаго. Сверхъ того, синтетизмъ естественно и легко разрѣшаетъ многія, весьма важныя проблемы, признанныя неразрѣшимыми; именно тѣ, которыя имѣютъ цѣлью согласить въ человѣческомъ представленіи конечное съ безконечнымъ, временное съ вѣчнымъ, бытіе съ признаніемъ; сущность съ явленіемъ, животность съ духовностью и т. далѣе. Рѣшеніе ихъ возможно только для философскаго синтетизма, потому что онъ все эти крайности сводитъ въ сверхчувствен-

¹⁾ Ibid. 71 стр.

номъ, или мыслимомъ, развивая его изъ реальныхъ бытій: природы человѣка и Бога, слѣдовательно, съ равною ясностью и въ совершенной гармоніи созерцаетъ элементы своихъ изысканій въ общемъ центрѣ ихъ соотношеній.

Отъ указанія характера философіи, Карповъ переходитъ къ указанію цѣли ея. Когда говорятъ о цѣли философіи, то рѣшаютъ два вопроса: 1) какая цѣль философскихъ изслѣдованій и 2) достигается ли она? Нашъ мыслитель и даетъ на первый вопросъ такой отвѣтъ: цѣль философіи составляетъ опредѣленіе мѣста, значенія и отношенія человѣка въ мірѣ ¹⁾.

Рѣшить же вопросъ о мѣстѣ человѣка во вселенной можно не иначе, какъ философскими изслѣдованіями, ибо философія одна изъ всѣхъ человѣческихъ наукъ разсматриваетъ міръ въ цѣломъ гармоническомъ бытіи его. Слѣдовательно, философскія изысканія суть средства для опредѣленія мѣста и значенія человѣка въ мірѣ. Теперь другой вопросъ о цѣли философіи: достигается ли она и можетъ ли быть достигнута. Нашъ мыслитель откровенно замѣчаетъ, что по свидѣтельству исторіи философія никогда не оканчивала своего поприща; слѣдовательно, еще никогда не достигала своей цѣли; но изъ того, что она не достигла цѣли, не слѣдуетъ того, что труды ея и усилія были безплодны: изъ исторіи философіи видно, что философія находилась не въ одномъ состояніи, что ея трудъ не былъ празднымъ и безплоднымъ умствованіемъ, но постояннымъ стремленіемъ и дѣйствительнымъ приближеніемъ къ цѣли, что ея успѣхи чрезвычайно важны для науки вообще и утѣшительны для человѣка, стремящагося прояснить въ собственномъ сознаніи свое мѣсто, значеніе и отношеніе въ гармоническомъ бытіи міра ²⁾. И если философія не дошла до конца въ опредѣленіи всего мыслимаго и если она потому никогда совершенно не достигала своей цѣли, то этого не должно ей ставить въ укоризну, потому что торжество ума состоитъ не въ достиженіи до послѣднихъ его результатовъ, но въ неослабномъ стремленіи къ нимъ. Въ поясненіе доказательства своей мысли, Карповъ ставитъ такой вопросъ: почему нынѣшняя Европа считаетъ себя образованной, когда она не закон-

¹⁾ „Введеніе въ философію“—85 стр.

²⁾ Ibid. 95 стр.

чила ни одной науки? Именно, потому—отвѣчаетъ нашъ мыслитель ¹⁾, что она не заканчивается ни одной изъ нихъ, но идетъ все далѣе и далѣе по непредѣльному поприщу наукословія, радуясь всякому новому познанію и вплетая его, какъ новое украшеніе, въ побѣдный вѣнокъ ума. Движеніе умственное, по нашему мыслителю, столь же непредѣльно, какъ и нравственное. Нравственно добрый человекъ не тотъ, кто думаетъ, что онъ окончательно исполнилъ нравственный законъ и остановился въ своей дѣятельности, но тотъ, кто неослабно и вѣчно стремится исполнять его. Въ этомъ стремленіи состоитъ его блаженство и наслажденіе. Въ виду того, что философія не достигаетъ своей цѣли, противъ нея часто поднимаются самыя сильныя возраженія, она нерѣдко подвергается самымъ сильнымъ нападкамъ. Карповъ находитъ, что изъ бесчисленнаго множества непріязненныхъ судей философіи самыя снисходительныя тѣ, которые считаютъ ее самую бесполезною. Разбирая такое мнѣніе о философіи, нашъ мыслитель согласенъ, что философствованіе не всегда бываетъ философіею; если оно не есть выраженіе одной, постоянно развивающейся, идеи о мірѣ и жизни, но возбуждается случайнымъ столкновеніемъ мыслей, или вѣтромъ эфемерныхъ мнѣній, то, иронически замѣчаетъ Карповъ, приличнѣе назвать его, „чесаніемъ слуха“, а не философіею“ ²⁾. Но, разумѣется, изъ этого еще не слѣдуетъ того, чтобы совсѣмъ не было и не могло быть настоящей философіи, какъ проникнутой строгимъ единствомъ системы міровоззрѣнія: такая философія вполне возможна и допустима.—Второе возраженіе противъ философіи то, что она зловредна въ политическомъ отношеніи. Нашъ мыслитель приводитъ такія возраженія противъ этихъ нападковъ на философію. Когда говорятъ, что философія положительно вредна, то разумѣютъ, конечно, не науку, но такого или другого ея дѣятеля, такую или другую частную систему, напитанную желчью дурного сердца, или проникнутую понятіями иноземнаго ума. Но если такъ, то очевидно, что польза и значеніе философіи будутъ обуславливаться характеромъ зависимости ея отъ сердечныхъ мотивовъ, съ одной стороны, и отъ національныхъ воз-

¹⁾ Ibid. 105 стр.

²⁾ Ibid. 108 стр.

зрѣній—съ другой. А это положеніе вводитъ нашего мыслителя въ вопросъ о необходимости намъ національной, отечественной русской философіи.

Карповъ ставитъ такіе вопросы: въ чемъ должна состоять національная философія, и какой научной пользы должно ожидать отъ нея? На первый вопросъ нашъ мыслитель даетъ такой отвѣтъ: истинная философія дѣйствуетъ между внушеніями политики и религіи и, открывъ существенныя требованія человѣческой природы, соглашаетъ ихъ съ законами вѣры и условіями отечественной жизни. Предполагая, что для читателей можетъ быть неяснымъ, что значитъ дѣйствовать на поприщѣ философіи между внушеніями религіи и политики, Карповъ поясняетъ, что это значитъ производить философскія изслѣдованія подъ ихъ (религіи и политики) вліяніемъ, опредѣлить значеніе человѣка въ мірѣ сообразно ихъ ограниченіямъ, не для того, что они требуютъ такого, а не иного понятія о его природѣ, но потому что его природа, развитая и взлелѣнная имъ, въ самомъ дѣлѣ такова, а не другая ¹⁾. Среди различныхъ условій, въ которыхъ дѣйствуетъ философія, одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ занимаетъ національный характеръ человѣческаго общества. Частныя вѣрованія и положительные законы странъ превращаютъ субъектъ универсальный во множество субъектовъ народныхъ, вовсе непохожихъ одинъ на другой. И это различіе отдѣльныхъ націй нашъ мыслитель находитъ вполне естественнымъ, такъ какъ народный характеръ человѣка образуется такъ же, какъ отдѣльное понятіе разсудка. Понятіе составляется со стороны опытной изъ нѣсколькихъ представленій, перешедшихъ въ разсудокъ изъ мѣстныхъ предметовъ, а со стороны духовной изъ единичной идеи, посредствомъ которой представленія объединяются; подобнымъ образомъ народность обусловливается со стороны внѣшней: обычаями и мѣстными постановленіями государства, а со стороны внутренней: духомъ вѣры и правилами Церкви. Подъ воздѣйствіемъ этихъ факторовъ воспитываются и разнообразятся народные субъекты. Но эти народные субъекты (національности) имѣютъ значеніе каждый самъ по себѣ, въ своихъ мѣстныхъ условіяхъ;

¹⁾ Ibid. 115 стр.

но ни одна изъ народностей не можетъ претендовать на первенствующую роль по отношенію къ другимъ. Поэтому, выдавать какую нибудь чужую національность за идеальную, по сравненію съ нашей, значило бы желать переимѣнить національный нашъ бытъ, условія общественной нашей жизни и уставы Православной нашей Церкви, элементы которыхъ существенно вошли въ природу русскаго человѣка, сдѣлали его субъектомъ народнымъ. Если же наша русская національность желаетъ остаться самой собою, то естественно, что она должна имѣть свою особую философію. Русская отечественная оригинальная философія и должна имѣть въ виду опредѣленіе мѣста, значенія и отношенія человѣка въ мірѣ, поскольку человѣкъ, самъ въ себѣ всегда и вездѣ одинаковый въ историческомъ развитіи, охарактеризованъ типомъ нашей истинной русской жизни.

Далѣе, раскрывъ требованія природы русскаго человѣка, философія должна прояснить ему его обязанности по отношенію къ отечеству и религіи. И это можетъ сдѣлать только именно, національная русская философія, такъ какъ каждая философія различается по своему характеру, въ зависимости отъ особенностей того народа, среди котораго она возникаетъ. Общечеловѣческой философіи нѣтъ. Въ другомъ своемъ произведеніи, именно въ „Логикѣ“ ¹⁾ Карповъ по этому поводу говоритъ такъ: понятіе „общечеловѣчность“ нецѣлѣбно и безсодержательно, измышленно только германскими философами. Наша жизнь съ первыхъ дней рожденія начинается отцвѣчиваться домашними своими ограниченіями, а потомъ формируется подъ домашними религіозно-политическими законами. Гдѣ тутъ искать общечеловѣчности? Если бы нашли ее, какое она укажетъ намъ содержаніе дѣятельности? Какъ для моего тѣла питательна и здорова та пища, на которой я выросъ; такъ и для моей души истинно полезны тѣ религіозно-политическія понятія, которыя стихійно росли въ нравственный мой организмъ и сплотили меня съ обществомъ. Слѣдовательно, истинно полезною для насъ русскихъ можетъ быть только самостоятельная русская

¹⁾ См. Карповъ „Систематическое изложеніе Логикѣ“. 1856 г. 276 стр.

философія, соотвѣтствующая національнымъ особенностямъ нашего русскаго народа.

А такими особенностями и вмѣстѣ съ тѣмъ началами русской жизни и служатъ два принципа: православіе и единодержавіе, какъ двѣ стихіи, въ которыхъ воплощается идея русской жизни и взаимодействіемъ которыхъ растетъ и укрѣпляется духъ русской народности; слѣдовательно, эти два высшія религіозно-политическія начала страны и будутъ высшей критикой философскихъ построеній и всей системы самостоятельной русской философіи. Но нашъ мыслитель находитъ, что такая философія, безусловно полезная для національнаго и религіознаго нашего быта, была бы не менѣе полезна и для развитія частныхъ наукъ въ Россіи. Дѣло въ томъ, что если извѣстное государство имѣетъ свою оригинальную философію, то въ немъ непременно должна образоваться своя оригинальная наука; если же, напротивъ, это государство не проявило собственной философской народной идеи, то оно, или еще живетъ одною жизнью практическою, или въ области науки довольствуется однимъ подражаніемъ и пользуется чужими результатами. Разсматривая съ этой точки зрѣнія состояніе просвѣщенія, нашъ мыслитель, исходя изъ того факта, что у насъ существуютъ и университеты, и академіи и семинаріи, и гимназіи, и литературныя и ученныя общества, дѣлаетъ тотъ выводъ, что мы живемъ не одною жизнью практическою. Но если такъ, если наше государство уже не живетъ одною практическою жизнью и если, съ другой стороны, у насъ нѣтъ еще оригинальной философіи, то намъ предстоитъ печальный жребій пользоваться въ наукѣ лишь чужими изысканіями. Для избѣжанія этого печальнаго жребія мы и должны создать свою оригинальную философію. Нашъ мыслитель приводитъ въ обоснованіе своего пожеланія такія мысли: всякая наука точно также нуждается въ матеріалахъ, какъ органическое тѣло въ пищѣ. Матеріаловъ у насъ мало; Западная Европа въ этомъ отношеніи впереди насъ, и мы, не стыдясь, можемъ у нея заимствовать. Но пища не обратится въ плоть и кровь, а открытія и изобрѣтенія въ науку—если это вещественное богатство не будетъ воспроизведено внутреннимъ началомъ соб-

ственной жизни и собственнаго мышленія.—Наши науки,—какіе бы элементы познанія ни входили въ ихъ развитіе,—только тогда могутъ сдѣлаться науками собственно нашими, когда будутъ проявляться въ оригинально русской теоріи, а теорія—какой бы ни былъ предметъ ея изслѣдованій,—только тогда получить у насъ характеръ чисто-русскій, когда будетъ протекать изъ оригинально-русской философіи ¹⁾.

Слѣдовательно, оригинальная русская философія имѣетъ полный свой *raison d'être*.—Въ концѣ своего „Введенія въ философію“, Карповъ говоритъ о раздѣленіи философіи. Такъ какъ философія есть наука о мыслимомъ, а въ область мыслимаго входятъ всѣ элементы—субъектъ и объектъ, то весь курсъ философіи долженъ быть раздѣленъ: во 1-хъ на философію мыслимо-субъективнаго, и 2-хъ философію мыслимо-объективнаго. Философія мыслимаго субъективнаго есть не что иное, какъ наука самопознанія, или психологія. Слѣдуя методу логическому, она должна развиваться преемственно, двумя путями,—путемъ синтеза, отъ проявленій субъективной жизни къ существу самого субъекта, и путемъ анализа, отъ существа субъекта къ различнымъ законамъ и формамъ его дѣятельности. Посему психологія дѣлится на двѣ части: 1) психологію синтетическую 2) психологію аналитическую. Такъ какъ психологическій синтезъ, при своемъ примѣненіи къ человѣческому субъекту, розыщетъ въ немъ различныя стороны феноменальнаго бытія, какъ то: мышленіе, хотѣніе, чувствованіе, и въ послѣднемъ откроетъ средоточіе эстетическихъ и религіозныхъ стремленій, то дѣломъ психологическаго анализа будетъ вывести изъ существа человѣческаго субъекта—законы и формы дѣятельности разсудка, воли и сердца въ двухъ видахъ его жизни. Такимъ образомъ,—психологическій анализъ раздѣляется на: 1) аналитику разсудка, или логику 2) аналитику воли, или волю; 3) аналитику воли, или а) эстетику и б) философію естественной религіи.

Далѣе Карповъ указываетъ содержаніе и раздѣленіе философіи мыслимо-объективнаго. Философія мыслимо-объективнаго должна начинать свои изслѣдованія съ тѣхъ самыхъ моментовъ, кото-

¹⁾ Ibid. 119—120 стр.

рыми кончить психологическій анализъ, и руководствоваться тѣми самыми силами, которыхъ законы раскрыты имъ въ человѣческомъ субъектѣ. Посему, объективное въ мыслимомъ должна быть, по нашему мыслителю, разсматриваемо: во 1-хъ, какъ приложеніе понятій разсудка къ бытію объекта,— философія природы; 2) какъ приложеніе хотѣній воли въ нравственно-практической дѣятельности,—практическая философія; 3) какъ приложеніе чувствованій сердца къ проявленіямъ ихъ въ опытѣ: а) историческое изслѣдованіе эстетическаго и б) историческое изслѣдованіе религіи. Но такъ какъ всѣ изслѣдованія міра субъективнаго и объективнаго могутъ достигать только результатовъ, относящихся къ отдѣльнымъ сторонамъ міровой жизни, то философія, развивъ всѣ свои науки, должна согласить, привести въ гармонію, въ единство эти послѣдніе результаты и, по возможности, обнять ими гармоническое бытіе. Это и будетъ, по нашему мыслителю, эпилогомъ системы философіи.— Таково содержаніе и основныя мысли „Введенія въ философію“ Карпова. Тѣ мысли, которыя были въ немъ наиболѣе характерными,—мысли о возможности самостоятельности русской философіи, Карповъ развиваетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ; такъ напримѣръ въ статьѣ: „Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различныхъ ея направленій“¹⁾. Въ этой статьѣ наиболѣе интересными мыслями являются тѣ, въ которыхъ Карповъ приводитъ свои воззрѣнія на раціоналистическую философію Западной Европы. Нашъ мыслитель находитъ, что раціонализмъ чуждъ нашему русскому уму, такъ какъ онъ противорѣчитъ нашей Православной вѣрѣ и нашему, исторически сложившемуся, народному характеру и нашимъ національнымъ началамъ. Карповъ находитъ, что въ нашемъ отечествѣ практическое любомудріе еще со временъ св. Владиміра и Ярославъ питало, настраивало и развивало духъ народа; и въ нашемъ отечествѣ мышленіе, согласное съ вѣрою и оправдываемое дѣятельностью по вѣрѣ, во всѣ вѣка было общимъ выраженіемъ нашей народной жизни. Эти стихіи (вѣра и мышленіе), по нашему мыслителю²⁾, никогда у насъ

1) См. Журн. Минист. Народнаго Просвѣщ. 1856 г., 92 ч., 167—198 стр.

2) Ж. М. Н. П. 1856 г., 92 ч., 195 стр.

не отдѣлялись одна отъ другой; мы не спорили о смыслѣ предписаній вѣры и церкви въ угоду своимъ понятіямъ и страстямъ; мы не видѣли добраго дѣла въ человѣкѣ, независимо отъ его религіозныхъ расположеній, мы даже не уважали самыхъ многообѣщающихъ мыслей, если они не гармонировали съ Православіемъ. Нашъ мыслитель придаетъ великое значеніе такому практическому любомудрію Россіи: это любомудріе тушило пламень удѣльныхъ междоусобій, сплавило въ одно цѣлое государственное тѣло разнородныя племена, населяющія Россію; свергло съ Россіи яго монгольскаго владычества; питало, утверждало и освѣщало любовь къ власти самодержавной, возвеличило, распространило и прославило Россію, отпечатлѣло, народный ея духъ характеромъ вѣрности, постоянства, общительности и великодушія. Это любомудріе и было во всѣ времена господствующею нашею философіею ¹⁾. Далѣе Карповъ задается вопросомъ: проявлялось ли когда нибудь это любомудріе идеею о мирѣ и жизни? Пробуждалась ли въ духѣ русскаго общества потребность въ общихъ основаніяхъ, изъ которыхъ было бы видно, что онъ не только такъ мыслить и дѣйствуетъ, но что по закону облагодатствованной вѣрою человѣческой природы, непременно такъ долженъ мыслить и дѣйствовать. На этотъ вопросъ, нашъ мыслитель, даетъ положительный отвѣтъ: онъ говоритъ, что эта потребность пробуждалась въ Россіи изстари и во всѣ времена.—И въ виду того, что въ нашемъ отечествѣ любомудріе не шло противъ вѣры, Карповъ находитъ, что мы, русскіе, не сроднимся съ раціонализмомъ, именно потому, что онъ не можетъ сродниться съ нашею православною вѣрою, поскольку она требуетъ, чтобы умъ и сердце не поглощались одно другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздѣляли своихъ интересовъ, но, развиваясь въ постоянной связи между собою, какъ органы вѣры въ просвѣтленной его душѣ, находили твердыя основанія для рѣшенія задачъ философіи, и такимъ образомъ, практическое наше любомудріе выражали въ теоретическомъ построеніи науки. Выясняя необходимость самостоятельной русской философіи, Карповъ мѣстѣ съ тѣмъ при-

¹⁾ Ibid. 193—7 стр.

поминаетъ о томъ русскомъ мыслителѣ, который первый требовалъ необходимыхъ условій для родной русской философіи. Этотъ мыслитель былъ извѣстный малороссійскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. Словами его Карповъ и кончаетъ свою изложенную нами статью. Вотъ эти слова: „изводъ образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя есть познать нужду, мѣру, примѣръ и свойство исты (сущности) образованія, и сочетать себя съ народомъ, т. е. изводъ съ истою (сущностью), или форму съ идеею. Какое же идолопоклонство восписывать выписнымъ мудрецамъ и пошупнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу восприносить и воспричитать чуждому воспитанію. Свое воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо утаился въ кремешкѣ. Приставъ же губку, либо трутъ, и ударъ кресаломъ и выкрещешь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицею, кланяться и просить: позичь мнѣ огню! (дай мнѣ зажечь огню)“ ¹⁾.

Свои воззрѣнія на односторонность раціонализма и несогласимость его съ русскимъ національнымъ міросозерцаніемъ (православіемъ) Карповъ излагаетъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, кромѣ изложенныхъ нами. Такъ касался онъ этого вопроса въ рядѣ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Философскій раціонализмъ новѣйшаго времени“ ²⁾. И въ этихъ статьяхъ нашъ мыслитель проводитъ ту же мысль о несовмѣстимости раціонализма съ православіемъ.

Такъ уже въ 1-й статьѣ (см. Хр. Чит. 1860 г. 1 кн.) указывая на то, что развитіе русской мысли со времени Петра I постоянно находилось подъ вліяніемъ идей германской философіи, Карповъ прямо говоритъ, что это явленіе рѣшительно несогласимо съ правильными, гражданскими и народными началами русской жизни. Далѣе, нашъ мыслитель указываетъ на то, что никогда эта зависимость русской философіи отъ западной мысли не была такъ замѣтна, какъ теперь, въ эпоху господства у насъ философіи Гегеля, этого крайняго представителя раціоналистической философіи Запада. Но уже въ 1-ю

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1856 г., 92 ч., 198 стр.

²⁾ „Хрестіан. Чтеніе“ за 1860 годъ, 8—6, 12 кн.

четверть 19-го столѣтія русскіе ученые нерѣдко увлекались Кантомъ и съ жаромъ защищали его начала, не замѣчая, что своимъ энтузіазмомъ они охраняютъ зародышъ раціонализма, который, пришедши въ силу, можетъ, какъ неудержимый потокъ, разрушить алтарь Живого Бога и общественный порядокъ. Но нашъ мыслитель убѣжденъ,—что въ Россіи гораздо больше раціоналистовъ по незнанію систематическаго его развитія, чѣмъ сколько ихъ по убѣжденію въ коренныхъ его началахъ. Ради этого, чтобы ознакомить публику съ настоящимъ происхожденіемъ раціонализма, Карповъ и предпринялъ въ указанныхъ статьяхъ изложеніе германскаго раціонализма, начиная съ Канта. Но статьи далѣе Канта и не пошли. Что же касается Канта, то Карповъ довольно подробно и основательно изложилъ сущность философскихъ возрѣній этого великаго мыслителя. Но симпатіи нашего русскаго мыслителя далеки отъ Канта.

Карповъ во многихъ мѣстахъ находитъ у Канта несостоятельныя положенія, мечты, произволь. Общее заключеніе нашъ мыслитель даетъ такое: раціонализмъ Канта лишь до тѣхъ поръ могъ быть вѣренъ самому себѣ, пока развивался въ формѣ отвлеченныхъ понятій и оставался безъ приложенія; но, какъ скоро онъ выступилъ въ жизнь и взялся на своихъ основаніяхъ объяснять ея факты,—тотчасъ оказался несостоятельнымъ и самъ обличилъ эту свою несостоятельность: „Такъ то“—заключаетъ нашъ мыслитель—„неправда сама себѣ“¹⁾).

Эту философію,—какъ сказано уже, Карповъ не считаетъ совмѣстимой съ русскими началами, и кромѣ того, нашъ мыслитель считаетъ раціоналистическую философію и прямо вредною, особенно со стороны ея нравственныхъ результатовъ, такъ какъ раціонализмъ, дошедши до послѣднихъ своихъ результатовъ, получилъ способность производить такое же дѣйствіе на нравственную жизнь современнаго общества, какое производитъ достигшее зрѣлости ядовитое растеніе на окружающую атмосферу. Но почему же раціонализмъ выказалъ свою несостоятельность и оказался такимъ вреднымъ для нравственности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нашъ мыслитель даетъ,

¹⁾ Хр. Чт. 1860, 1 т., 300 ст.

разъясняя исторію происхожденія раціонализма и его философскую сущность. Дѣло въ томъ, что раціонализмъ, хотя и возникъ въ христіанскомъ обществѣ, но онъ возникъ тогда уже, когда среди христіанскаго общества образовался взглядъ ума на вѣру языческой. Въ христіанствѣ раціонализму философскому предшествовалъ раціонализмъ религіозный—въ лицѣ панизма и противовѣса ему—лютеранства: подъ эгидою же религіознаго раціонализма и возникъ раціонализмъ философскій, въ лицѣ Кантовой философіи, которая есть результатъ дѣятельности цѣлаго германскаго народа. И если раціонализмъ религіозный ставилъ умъ выше вѣры, то раціонализмъ философскій въ одномъ умѣ, независимо отъ опыта, полагалъ условіе не только познанія, но и всего познаваемаго: ни въ чловѣкѣ, ни внѣ его нѣтъ ничего, что не зависило бы отъ опредѣленія ума. Опорою раціонализму служитъ не критическое изслѣдованіе философіи, не безпристрастная наука, а направленіе времени, сильное развитіе частнаго и общественнаго эгоизма, болѣе же всего духъ лютеранскаго ученія.

Мы не будемъ подробно излагать критику Карповымъ раціонализма. Мы замѣтимъ только, что эта критика была глубоко серьезна и основательна: Карповъ подвергъ очень строгой критикѣ всѣ главныя положенія философіи Канта: его воззрѣнія на пространство и время, категоріи; не менѣе серьезному анализу онъ подвергъ и Кантову критику доказательствъ бытія Божія. Закончивъ свой разборъ „Критики чистаго разума“ Канта, Карповъ находитъ выводы Канта сухими, жалкими и неосновательными, а въ своихъ приложеніяхъ понятія о чловѣкѣ очень печальными. На самомъ дѣлѣ, что такое чловѣкъ съ точки зрѣнія Кантовой „Критики чистаго ума“? Чловѣкъ, съ точки зрѣнія Канта, говоритъ нашъ мыслитель, есть существо, сотканное изъ понятій, восходящее или нисходящее по степенямъ категорической его паутины, закупоренное въ чистыя формы пространства и времени, изъ которыхъ онъ не только выступить, но и выглянуть не можетъ, а между тѣмъ сознаетъ, что ему, несмотря на безкопечную расширяемость этихъ формъ, въ нихъ до крайности тѣсно, неловко, какъ птицѣ въ клѣткѣ. Умъ чловѣческой просится на волю и

хотѣлъ бы летѣть за предѣлы всѣхъ временныхъ и пространственныхъ ограниченій, и хотѣлъ бы разорвать утлую категорическую ткань; но Кантъ не велитъ, утверждая, что внѣ этой безконечной храмины—область призраковъ, страна неизвѣстная, никѣмъ не населенная, вводящая людей въ заблужденіе. И многіе, слушая Канта, безвыходно остаются въ пространствѣ, исключительно живутъ во времени и еще задолго до смерти умираютъ для вѣчности ¹⁾).

Такіе отрицательные результаты приписываетъ нашъ мыслитель воззрѣніямъ Канта въ его „Критикѣ чистаго разума“. Но и тѣ воззрѣнія, которыя Кантъ приводилъ въ своей „Критикѣ практическаго разума“, нашъ мыслитель находитъ несостоятельными; и здѣсь Кантъ настойчиво отвергалъ вліяніе внѣшняго опыта. Освободивъ добрую волю отъ дѣятельнаго стремленія къ нравственной цѣли, Кантъ черезъ это и практическій умъ, какъ прежде теоретическій, закрылъ отъ внѣшняго опыта, и такимъ образомъ, и въ нравственную сторону чело-вѣческой жизни, какъ прежде въ умственную, внесъ начала раціонализма. По Канту, вся нравственность состоитъ въ томъ только, что человѣкъ даетъ самому себѣ законъ и не повируется никакому другому закону, что возможно чрезъ свободу. Но нашъ мыслитель находитъ, что основаніемъ для вывода Кантомъ такъ называемой нравственной автономіи послужило, ни на чемъ не основанное, положеніе Канта о самоопредѣленіи воли къ дѣятельности, независимо отъ вліянія прочихъ силъ души. И нашъ мыслитель находитъ особенную ошибку Канта въ томъ, что онъ совершенно игнорировалъ чувство, не оцѣнилъ, не уяснилъ его сущности, а между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ Карповъ, чувство, подобно физическому теплотвору, такъ расширяетъ наше сердце, что вмѣщаетъ въ немъ всю широту данной намъ Богомъ заповѣди о любви и возбуждаетъ нашу волю: течь путемъ ея. Въ заключеніе разбора „Критики практическаго разума“ Карповъ выражаетъ ту мысль, что раскрытіе этой критики далеко ниже критики ума теоретическаго. Здѣсь Кантъ, какъ ни старался устоять на началахъ раціонализма, не могъ наконецъ не измѣнить имъ и

¹⁾ Хр. Чт. 1860 г. 4 кн., 413 стр.

черезъ то нехотя показаль слабость и шаткость ихъ; такъ для разрѣшенія практической антиноміи, или для соглашенія добродѣтели съ счастіемъ, ему понадобился мыслимый творецъ природы. Какимъ бы образомъ ни понималъ онъ слово „мыслимый“, но природа, по его допущенію, во всякомъ случаѣ есть твореніе, бытіе котораго зависитъ отъ мыслимаго творца; слѣдовательно, здѣсь Кантъ уже выступилъ изъ предѣловъ рационализма и этимъ самымъ обнаружилъ несостоятельность этого философскаго направленія.

Мы не будемъ детально излагать другихъ философскихъ произведеній Карпова, такъ какъ находимъ, что для знакомства съ общимъ характеромъ его философскихъ воззрѣній достаточно изложенныхъ нами отрывковъ. Мы лишь кратко укажемъ главныя идеи и руководящія мысли трехъ его другихъ важнѣйшихъ работъ, именно: его „Систематическаго изложенія Логики“ (1856 г.), статьи: „О самопознаніи“ (Хр. Чт. 1860 г.) и „Вступительной лекціи въ психологію“ (изд. уже послѣ смерти автора—въ 1868 г.).

Укажемъ прежде главныя идеи „Логики“. Логика по Карпову есть наука, показывающая, какія формы можетъ принимать наше мышленіе при всякой данной матеріи, чтобы потому видѣть, какія изъ возможныхъ формъ оно должно принять въ извѣстномъ случаѣ, согласно съ направленіемъ силъ души, стремящихся познать какой нибудь предметъ и проявить свое познаніе о немъ. Логика Карпова безспорно лучшая изъ русскихъ логикъ, не только предшествовающаго времени, но и современныхъ ей. По формѣ и плану она немногимъ отличается отъ своихъ предшественницъ логикъ: Галича, Новицкаго, Михневича; но по содержанію она во многомъ превосходитъ ихъ. Какъ на особенность ея, можно обратить вниманіе на то, что Карповъ предпосылаетъ самой логикѣ психологическое введеніе (§§ съ 6 по 26), гдѣ онъ излагаетъ свои гносеологическія воззрѣнія, такъ что его „Логика“ рисуется не только его логическія, но и метафизическія воззрѣнія. Въ „Логикѣ“, именно съ психологической и метафизической точки зрѣнія, устанавливаются и раскрываются условія и законы логическаго мышленія, выставляется на видъ элементъ не только субъективный,

но и объективный, опредѣляющій возможность для логическаго мышления быть въ согласіи съ реальнымъ бытіемъ. Отсюда, логика Карпова имѣетъ въ своей основѣ безспорный реальный элементъ, хотя Карповъ и называетъ свою логику формальной. Но познавательно-теоретическій отдѣлъ логики Карпова свидѣтельствуешь, что Карповъ въ построеніи логики не думалъ сторониться отъ связей съ опытомъ, не думалъ ограничиваться методомъ апріорныхъ дедукцій или однимъ анализомъ, между тѣмъ, какъ формальная логика характеризуется по методу отрѣшенностью отъ опыта, онъ синтетическаго элемента; слѣдовательно, логику Карпова привильнѣе всего назвать формально-реальною, какъ дѣйствительно ее и называли писатели, разбиравшіе философскіе труды Карпова ¹⁾. Въ „Логикѣ“ Карпова, проникнутой обычнымъ ему синтетическимъ направлениемъ мысли, рельефно проявляется и религіозно-правственный элементъ. Логическое у Карпова имѣетъ близкую органическую связь съ этическимъ, такъ какъ въ главную идею логики—объ истинномъ—входитъ понятіе и Блага; и потому „Логика“ Карпова не стоитъ отдѣльно въ ряду его сочиненій, а вмѣстѣ съ его философскими воззрѣніями на основанія, задачи и цѣли философіи, вмѣстѣ съ его вѣрой въ Церковь, въ начала національной русской жизни, однимъ словомъ, вмѣстѣ со всѣми его научными и философскими убѣжденіями, входитъ въ философскую систему Карпова, какъ живое органическое цѣлое. Что же касается научнаго значенія логики Карпова, то она, по отзывамъ ея авторитетныхъ критиковъ, напр. того же Высокоостровскаго, не утратила еще своего научно-философскаго интереса и значенія и въ наше время: къ ней приложима идея логики, какъ самосознанія науки. И потому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что „Логика“ Карпова долго еще не потеряетъ своего значенія и интереса не только въ историческомъ, но и въ научно-философскомъ отношеніи, какъ образецъ синтетической формально-реальной логики.

Переходимъ къ указанію руководящихъ идей психологическихъ воззрѣній проф. Карпова. Изъ психологическихъ работъ Кар-

¹⁾ См. напр. у проф. Высокоостровскаго статью „Объ общемъ характерѣ логики Карпова“ Хр. Чит. 1898 г. V кн. 700—708 стр

пова особенно интересны для характеристики его воззрѣній слѣдующія двѣ: во 1) „Вступительная лекція по психологіи (Хр. Чт. 1860 г. I ч. 189—229 ст.) и 2) „О самопознаніи“ (Странникъ 1860 г. I ч.). Исслѣдователи психологическихъ сочиненій проф. Карпова, какъ напр. проф. Серебренниковъ, справедливо указываютъ ¹⁾, что Карповъ былъ и въ психологіи моралистомъ. Карпова вездѣ и всюду занималъ одинъ вопросъ: какъ нужно жить, что дѣлать, что бы восполнить данное человѣку назначеніе. Назначеніе же человѣка, какъ его понимаетъ Карповъ, двойное: 1) достигнуть возможно большаго личнаго совершенства и 2) поставить себя въ возможно лучшія отношенія во всему, чѣмъ окружена и условливается жизнь. Обѣ же задачи выполняются человѣческой природою безсознательно, въ силу присущихъ ей инстинктивныхъ требованій; но полагаться на одни инстинкты нельзя, такъ какъ они могутъ получить превратное направленіе; поэтому въ инстинктивныя дѣйствія природы долженъ быть внесенъ свѣтъ сознанія. Достигнуть же этого можно лишь чрезъ изученіе самыхъ проявленій инстинкта и вообще цѣлой душевной жизни, и по ней составить взглядъ на человѣческую природу и ея требованія. Изученіе же душевной жизни и лежащей въ ея основѣ душевной природы человѣка составляетъ задачу науки Психологіи. Психологія, слѣдовательно, должна дать твердыя научныя основанія для уясненія назначенія человѣка. Въ связи съ этимъ ближайшимъ значеніемъ психологіи стоитъ и другое, болѣе отдаленное ея значеніе. Для разумнаго и сознательнаго осуществленія своего назначенія человѣкъ долженъ знать не только свою собственную природу, но и природу тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ зависитъ его жизнь, т. е. Бога, матеріальнаго міра и человѣчества. О Богѣ, мірѣ и людяхъ мы можемъ судить лишь по ихъ отраженіямъ въ нашемъ сознаніи. Но отраженія въ сознаніи могутъ быть правильными и неправильными. Чтобы отличить правильныя отраженія отъ неправильныхъ, нуженъ критерій, а критеріемъ могутъ быть только присущія нашей природѣ нормы или законы. Самымъ же на-

¹⁾ См. Серебренниковъ: „Карповъ — какъ психологъ“ Хр. Чт. 1895 г. V кн. 689 и слѣд.

дежнымъ критеріемъ для уразумѣнія истинной природы Бога, міра и людей должны служить нормальныя наши отношенія къ нимъ. Мы должны составить правильный взглядъ на эти отношенія и изъ него сдѣлать выводъ о природѣ указанныхъ предметовъ. Но правильный, разумный взглядъ на нормальныя отношенія къ Богу, міру и людямъ можетъ быть выработана не иначе, какъ при помощи Психологіи. Отсюда, психологія должна быть положена въ основу всей энциклопедіи философскихъ наукъ—философіи религіи, философіи природы и философіи человѣчества.

Изъ опредѣленія задачъ психологіи, вытекаетъ вопросъ объ источникахъ психологіи. Главнымъ источникомъ психологіи должны быть факты внутренняго опыта. Но такъ какъ самъ по себѣ опытъ даетъ лишь сырой, безсвязный матеріаль, то, слѣдовательно, чтобы этотъ матеріаль представлялъ изъ себя нѣчто разумное и понятное для мысли, нужно обратиться къ нему съ разумными вопросами, т. е. имѣть какія-либо руководящія идеи. Ближайшимъ источникомъ такихъ идей долженъ служить внутренній опытъ. Но идеи, основанныя исключительно на опытныхъ обобщеніяхъ, имѣютъ очень ограниченное примѣненіе, почему надѣяться при ихъ помощи проникнуть въ тайники человѣческой души не возможно; притомъ, этотъ опытъ медленный, робкій дѣятель, онъ идетъ лишь ощупью отъ явленія къ явленію, и трудясь теперь, не знаетъ, что будетъ потомъ; между тѣмъ, жизнь не ждетъ. Нравственные вопросы, тѣсно связанные съ вопросомъ о человѣческой душѣ, требуютъ немедленнаго разрѣшенія. Гдѣ же искать этого разрѣшенія? Карповъ, глубоко убѣжденный въ истинности Божественнаго Откровенія, и видитъ въ Откровеніи драгоценную сокровищницу необходимыхъ для нравственной жизни истинъ, до которыхъ самъ человѣкъ, своимъ ограниченнымъ умомъ никогда не могъ дойти; поэтому онъ считаетъ обязанностью каждаго человѣка, при рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ вообще и вопроса о человѣческой природѣ въ частности, руководиться откровеннымъ ученіемъ, которое является какъ бы путеводною звѣздой, освѣщающею человѣку изслѣдованія по психологіи. По ученію же Божественнаго Откровенія чело-

вѣческая природа состоитъ изъ двухъ началъ: изъ духа, созданнаго по Образу Божію, и персти, взятой отъ земли. Это откровенное ученіе находитъ себѣ подтвержденіе во внутреннемъ опытѣ, который свидѣтельствуесть, что душевная жизнь человѣка представляетъ собою соединеніе противоположностей—разумнаго свѣта и неразумной тьмы, тяготѣнія къ безконечному Богу и къ конечнымъ предметамъ міра. Состоя же изъ противоположностей, человѣкъ постоянно испытываетъ внутреннюю борьбу съ самимъ собою: высшія начала стремятся у него взять верхъ надъ низшими и наоборотъ; и смотря потому, какія изъ нихъ получаютъ преобладаніе, самая жизнь принимаетъ направленіе идеальное, или пизменное, религіозно-нравственное, или чувственно-животное. Эти направленія отражаются и на психологическихъ изслѣдованіяхъ. При направленіи религіозно-нравственномъ, человѣкъ болѣе всего бываетъ заинтересованъ своимъ внутреннимъ міромъ. Онъ слѣдитъ за всѣми движеніями своей души, оцѣниваетъ ихъ, открываетъ въ нихъ недостатки, борется съ ними и вызываетъ въ жизнь все новыя и новыя стороны ея. Жизнь такого человѣка полна самыхъ разностороннихъ нравственныхъ явленій и даетъ весьма богатый матеріаль для заключеній о чисто-человѣческихъ свойствахъ души. Совсѣмъ другую картину представляетъ жизнь человѣка, преданнаго чувственнымъ—земнымъ интересамъ. Его вниманіе все время сосредоточено на ви́шнихъ предметахъ. Оторваться отъ нихъ и обратиться къ содержанію внутренняго міра ему трудно и не хочется. Но если бы онъ и обратился къ своему внутреннему міру, то здѣсь ничего не нашель бы, кромѣ чувственныхъ образовъ и низкихъ стремленій; если же онъ вздумалъ бы изъ этихъ матеріаловъ построить психологію, то получилась бы у него психологія скотская, отождествляющая душу человѣка съ душою безсловесныхъ животныхъ и узаконяющая скотскій образъ жизни. Подтвержденіе этому, по Карпову, и можно видѣть въ исторіи общества: когда въ обществѣ ослабѣваетъ религіозное чувство и усиливаются своекорыстіе и погоня за роскошью и чувственными удовольствіями, тогда дѣлаются господствующими матеріалистическія возрѣнія, тогда изслѣдователи не только не прибѣгаютъ къ самопозна-

нію, но и отрицаютъ самую возможность его; люди же противоположныхъ возрѣній, тѣ люди, которые, по глубокости своихъ убѣжденій, не спѣшать, или даже вовсе не хотятъ увлекаться потокомъ современныхъ заблужденій и крѣпко держатся чистоты психологическихъ своихъ понятій, получаютъ бранную кличку рутинеровъ.—Отсюда у Карпова третье общее требованіе по отношенію къ способу разработки психологіи. Психологію должны разрабатывать лишь тѣ лица, которыя развили въ себѣ высшія стороны человѣческаго духа и выработали высокое религіозно-нравственное настроеніе. А въ комъ нѣтъ этого, тотъ долженъ прежде просвѣтить свою душу и очистить ее отъ оскверняющихъ нечистотъ и только тогда браться за разработку науки психологіи. Таковы требованія Карпова отъ лицъ, имѣющихъ въ виду заниматься психологическими изслѣдованіями.

Давая общую характеристику Карпова, какъ психолога, цитируемый нами изслѣдователь его работъ проф. Серебренниковъ, такъ отзываясь о нашемъ мыслителѣ ¹⁾: „Карповъ былъ воодушевленъ самыми высокими идеалами. У него была одна цѣль—осуществить въ своей жизни и ученой дѣятельности идею нравственнаго добра. Пускаясь въ безбрежное море психологическихъ изслѣдованій, Карповъ, подобно опытному капитану, особенно заботился о томъ, что бы на его суднѣ были: морскія карты, компасъ и достаточное количество топлива. Карта это—Божественное Откровеніе, компасъ—чуткое нравственное сознаніе, а топливо—ученый аппаратъ“.

И критикъ находитъ, что при такихъ средствахъ—не должны быть страшны пловцу—психологу, ни бури, ни подводные камни, лежащіе на днѣ общественной жизни: онъ твердо пойдетъ къ намѣченной цѣли.

Подводя окончательный итогъ значенію Карпова, проф. Серебренниковъ, говоритъ, что Карпову нечего бояться того, что его глубокое возрѣніе можетъ затеряться въ библиотечной пыли; какъ никогда не изгладится въ человѣкѣ образъ Божій, такъ никогда не забудутся и эти глубоко-философскія возрѣнія Карпова.

¹⁾ Хр. Чт. 1898 г. V кн. 699—700 стр.

Мы должны добавить, что почтенный проф. Серебренниковъ совершенно правъ въ своемъ признаніи такого большаго значенія за воззрѣніями Карпова на задачи, источники и способы обработки психологіи. Психологическія воззрѣнія Карпова, какъ и его логическія взгляды, никогда не теряютъ своего глубокаго интереса и значенія для всѣхъ лицъ, интересующихся философскими изслѣдованіями и въ частности русскими психологическими работами.

Давши общій очеркъ содержанія главныхъ философскихъ произведеній Карпова, мы считаемъ полезнымъ теперь, для лучшаго выясненія философскихъ воззрѣній нашего мыслителя, дать общую характеристику всей его философской системы. При этомъ мы будемъ пользоваться не только изложенными нами статьями Карпова, но и критическими замѣчаніями и выводами о его системѣ, тѣхъ современныхъ русскихъ писателей, которые касались критики и разбора его произведеній. Изъ такихъ писателей мы особенно должны упомянуть тѣхъ профессоровъ Петерб. академіи (Барсова, Серебренникова, Высокоостровскаго, Миртова), которые почтили память Карпова въ 100 лѣтній юбилей со дня его рожденія (2 апрѣля 1898 г.), торжественными рѣчами, отпечатанными потомъ въ „Хр. Чтеніи“ за 1898 г. ¹⁾.

Главною оригинальною мыслью Карпова нужно считать его мысль о томъ, что Россіи нужна собственная, самобытная философія, которая замѣнила бы беспочвенное и случайное философствованіе и дала бы должное направленіе развитію отдѣльных наукъ. Вопросъ о необходимости національной философіи Карповъ выдвинулъ въ силу того обстоятельства, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ философамъ, которые не разрываютъ философіи съ жизнью; философія у него, съ одной стороны, имѣетъ практическую цѣль опредѣлить мѣсто, значеніе и отношеніе человѣка въ мірѣ, а съ другой, сама она стоитъ въ зависимости отъ личныхъ особенностей философа и условій народно-общественной жизни.—Оправданія своему взгляду на

¹⁾ См. Хр. Чтеніе 1898 г. 5 кн. Здѣсь же напечатана статья Ласкѣва: о „Карповѣ“ и Карѣвскаго подъ заглавіемъ: „Два проекта православной христіанской философіи“ (739—756 стр.).

связь философіи съ жизнью Карповъ видитъ въ исторіи, которая, прежде всего показываетъ ближающую зависимость философіи отъ интимнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ дѣйствительнѣйшихъ убѣжденій чѣловѣка—отъ его религіозныхъ вѣрованій; философія во всѣ времена выступала изъ нѣдръ религіи и первое развитіе совершала подъ ея вліяніемъ.—Отсюда же у Карпова естественно слѣдуетъ тотъ выводъ, что истинная философія можетъ быть только тамъ, гдѣ есть истинная религія, то есть, только въ православіи.

И если эта философія со стороны объективной характеризуется согласіемъ съ истиною христіанской, то со стороны субъективной она имѣетъ тотъ отличительный признакъ, что органомъ познанія истины служатъ всѣ силы души, сосредоточенныя въ вѣрѣ и ею просвѣтленныя; умъ и сердце не поглощаются одно другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздѣляютъ своихъ интересовъ, но развиваются въ постоянной связи между собою, какъ органы вѣры, и въ просвѣтленной душѣ христіанина находятъ твердыя основы для рѣшенія задачъ философіи. Напротивъ, въ лютеранской (нѣмецкой) философіи—перевѣсъ ума надъ сердцемъ и внутренняя раздвоенность чловѣка. Отсюда у Карпова новый естественный выводъ, что философія разнится по характеру своему въ зависимости отъ особенностей того народа, среди котораго она возникаетъ: отсюда наша русская оригинальная философія должна имѣть въ виду опредѣленіе мѣста, значенія и отношеній русскаго чловѣка съ точки зрѣнія главныхъ и основныхъ началъ русской жизни, православія и единодержавія.—Въ частности русская философія, съ точки зрѣнія Карпова, должна быть запечатлѣна характеромъ философскаго синтетизма, отличительною особенностью котораго служитъ то, что онъ разсматриваетъ знаніе и бытіе идеальное и реальное, въ нераздѣльномъ и коренномъ ихъ существованіи, а не выводитъ ихъ одно изъ другого. Вотъ какъ выясняется этотъ синтезъ проф. Карпова изслѣдователями его философіи ¹⁾ Началомъ своей синтетической философіи Карповъ признаетъ сознаніе; положеніе „я сознаю“, какъ истина первая, непосредственно извѣ-

¹⁾ Хр. Чт. 1898 г. V, особенно статья проф. Миртова.

стная, сама по себѣ ясная и всеобщая, можетъ и должна быть субъективнымъ или формальнымъ началомъ философіи; но сознаніе, взятое конкретно (т. е. если не отдѣлять въ немъ психической силы отъ содержанія), есть и начало реальное и объективное. Сознаніе, по словамъ Картова ¹⁾, есть единственное начало всего, что человѣкъ мыслить, чувствуетъ, желаетъ, къ чему стремится; потому что сознаніе усваиваетъ и обнимаетъ всѣ формы нашей жизни. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ важное преимущество предъ тѣми началами философіи, которыми выражается одна какая нибудь сторона бытія.

Извѣстно, что начала чувства рѣдко бываютъ въ гармоніи съ законами ума, а начала ума не даютъ никакой цѣны внушеніямъ чувства. Отсюда, тѣ философы, которые основывались на началахъ умственныхъ, выводили изъ нихъ и правила нравственной дѣятельности и религіозныя стремленія сердца, этимъ самымъ лишали самостоятельности самое лучшее и благороднѣйшее въ человѣкѣ. Эти противорѣчія и несообразности въ основаніяхъ, проистекающихъ изъ частныхъ отраслей нашей жизни, примиряются сами собою въ сознаніи потому, что сознаніе есть общее доказательство ихъ бытія и общая порука за большую или меньшую очевидность ихъ предписаній. Въ сознаніи нѣтъ исключеній; все сознаваемое находится въ немъ и принадлежитъ ему, какъ бытіе дѣйствительное. Потому философія, основывающаяся на сознаніи, не можетъ допускать монополіи въ человѣческой природѣ, не можетъ однимъ жертвовать для другого, неизъяснимое почитать призракомъ или вообще быть одностороннею. Отсюда широта философіи, основывающейся на самопознаніи. Далѣе, матеріаль для построения философской системы, по Карпову, доставляется нашему мышленію двумя источниками—чувствомъ и умомъ. Черезъ эти два источника въ сознаніе входятъ, съ одной стороны, безконечное множество непрестанно измѣняющихся отдѣльныхъ явленій, а съ другой идеальное единство истиннаго и добраго; и эти стороны, встрѣчаясь и взаимно проникаясь въ сознаніи, отражаются въ немъ, какъ единое сознаніе единой причины, которая положила на немъ печать вѣчной истины и вѣчнаго добра,

¹⁾ См. «Введеніе въ философію» стр. 61.

и тьмы заключающихся въ немъ твореній соединила неразрѣшимыми узами причинныхъ связей. Основываясь на сознаниіи и руководствуясь данными, доставляемыми двумя источниками—чувствомъ и умомъ, философія, по взгляду Карпова, имѣетъ чисто практическую цѣль—опредѣлить мѣсто, значеніе и отношенія человѣка въ мірѣ, а для этого она всегда старалась разсматривать міръ, какъ одно, т. е. найти законъ гармоническаго бытія вселенной. Человѣческая природа не имѣетъ въ себѣ несомнѣнной и постоянной нормы для опредѣленія гармоническаго бытія вселенной, т. е. не знаетъ, какое мѣсто въ природѣ отведено каждому существу, или роду существъ, въ какомъ отношеніи должны находиться между собою всѣ предметы въ мірѣ и слѣдовательно, каковы должны быть законы бытія и дѣятельности каждаго изъ нихъ, какъ должно представлять ихъ общую связь. И однако человѣкъ необходимо требуетъ такой нормы, чтобы опредѣлить свое мѣсто въ цѣломъ и законы своего бытія и дѣятельности. Для удовлетворенія этого необходимаго требованія и является философія. Окидывая общимъ взглядомъ основныя воззрѣнія философіи Карпова, что философія по духу православія должна построиться на гармоніи ума, чувства, объединенныхъ въ вѣрѣ, мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что данный Карповымъ опытъ синтетической философіи, основывающейся не на одномъ умѣ, а на гармоніи всѣхъ силъ человѣческаго духа, представляетъ собою именно опытъ самобытной русской философской системы. Въ виду того, что этотъ опытъ не получилъ доселѣ въ трудахъ другихъ мыслителей дальнѣйшаго развитія, пока и нельзя дать ему настоящую оцѣнку; и только въ будущемъ, когда появится ожидаемая Карповымъ русская философія, какъ система, разработанная на указанныхъ имъ основаніяхъ, только тогда можно указать истинное великое значеніе философскихъ воззрѣній проф. Карпова. Но и въ настоящее время значеніе Карпова признается всѣми русскими писателями, работавшими надъ его сочиненіями. Вотъ что напр. ¹⁾, пишетъ о его философскихъ воззрѣніяхъ, цитированный нами проф.

¹⁾ Проф. Миртовъ: „Заслуга проф. Карпова для русской философской мысли“
Хр. Чит. 1898 г. V.

Миртовъ, одинъ изъ его преемниковъ по философской кафедрѣ въ Петербур. Академіи. „Историко-философскіе взгляды проф. Карпова потому заслуживаютъ большаго вниманія, что онъ ставитъ философію въ связь съ жизнью. Такой взглядъ о ближайшей связи философіи съ жизнью все болѣе и болѣе находитъ себѣ приверженцевъ среди новѣйшихъ историковъ философіи, и находитъ съ надлежащимъ правомъ, потому что взглядъ на всякую философскую систему не просто, какъ на отрѣшенное отъ жизни умственное построеніе, но какъ на опытъ такого рѣшенія основныхъ вопросовъ знанія и бытія, которое имѣетъ въ виду удовлетворить требованіямъ разумно-нравственной природы человѣка и внутренно связано и съ личными свойствами мыслителями и съ національными особенностями его народа и съ настроеніемъ окружающаго его общества,—этотъ взглядъ, вплетая исторію философіи въ общечеловѣческую исторію, проливаетъ большой свѣтъ на движеніе человѣческой мысли. При такомъ взглядѣ, дѣлаются, напримѣръ понятными, какъ странныя иногда противорѣчія у логичнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ мыслителей, такъ и не менѣе странное увлеченіе въ извѣстное время теоріями, уже неоднократно потерпѣвшими крушеніе отъ критической мысли и признанными за несостоятельныя. И въ этомъ и въ другомъ случаѣ мы справедливо должны видѣть, вмѣстѣ съ проф. Карповымъ причину въ томъ, что движеніемъ философской мысли управляютъ не одни законы ума, но и требованія и стремленія всей духовной природы человѣка. Отсюда можно видѣть, насколько правъ былъ русскій мыслитель въ своихъ чаяніяхъ самобытной русской философіи. Если философія свои теоретическія построенія фактически исполняетъ и должна исполнять согласно съ практическими тенденціями человѣческой природы, если за движеніемъ мысли зорко, но не всегда замѣтно слѣдитъ сердце и воля, личныя стремленія, національныя и общественныя идеалы,—то должна быть и русская философія, разъ есть русская нація и русская душа съ своеобразнымъ складомъ, съ своимъ образомъ мысли и чувства, съ своими чаяніями и стремленіями. Поэтому и мысль профессора Карпова не стоитъ обособленно въ русской философской лите-

ратурѣ: Она не только высказывается и другими современными ему и позднѣйшими мыслителями, но выражается уже при самомъ началѣ русскаго философствованія, первымъ нашимъ философомъ Г. С. Сковородою¹⁾. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ словъ пр. Миртова, мы видимъ, что онъ признаетъ за проф. Карповымъ заслугу человѣка, первымъ заговорившаго о самобытности русской философіи и выдвинувшаго вопросъ о необходимости новыхъ началъ для философіи.

Такую заслугу за Карповымъ признаютъ и другіе писатели, такъ напр. г. Ласкѣвъ въ своей статьѣ: „Два проэкта православно-христіанской философіи“²⁾ говоритъ слѣдующее: „нашимъ отечественнымъ философамъ В. Н. Карпову и И. В. Кирѣевскому принадлежитъ честь признанія необходимости иныхъ началъ для философіи,—такихъ началъ, при которыхъ не могло бы быть вопроса о розни между религіей и философіей, а напротивъ, царила бы полная гармонія между умомъ и чувствомъ, вѣрой и знаніемъ, религіей и философіей. Разрѣшеніе этой задачи было постоянною цѣлью ихъ научно-философскихъ трудовъ. Идя къ этой цѣли прямо, безъ всякихъ компромиссовъ, со всею послѣдовательностью ихъ искренней вѣры въ религію, съ мужествомъ отрекаясь на пути къ своей цѣли отъ кумировъ западно-европейской мысли, которыхъ нельзя ставить на алтарь христіанина, не оскорбляя его вѣры, они, конечно, рѣзко выдѣлили себя и свои труды изъ обычнаго типа философовъ и ихъ трудовъ и, такимъ образомъ, обрекли какъ себя, такъ и свои труды на сочувствіе только извѣстной части общества. Ихъ понимать и цѣнить можетъ только тотъ, кто такъ же, какъ и они, искренне цѣнитъ религію, кто такъ же, какъ и они, готовъ отречься отъ всякой святыни современной цивилизаціи, если она несомѣстима со святынями религіи.“

Если для людей, равнодушныхъ къ религіи или преданныхъ до идолопоклонства началамъ западно-европейской цивилизаціи, труды Карпова и Кирѣевскаго не могутъ представлять интереса, то для людей религіи они представляютъ выдающійся

1) Слова Сковороды, приводимыя Карповымъ въ статьѣ: „Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины ея различныхъ направленій“ уже указаны нами при изложеніи означенной статьи.

2) Хр. Чтеніе 1898 г. V кн.

интересъ. Безспорно же, что особенный интересъ изъ всѣхъ ихъ трудовъ должны представлять ихъ проекты философіи, такъ какъ они являются не только, такъ сказать, квинтэссенціей ихъ философской дѣятельности, но и вмѣстѣ, ея послѣднимъ словомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ новыя, глубоко оригинальныя, взгляды въ философіи. Вопреки завѣту Декарта, сдѣлавшагося девизомъ новой философіи, начинать философское изслѣдованіе съ сомнѣнія и не принимать ничего на вѣру, Карповъ и Кирѣевскій, при установкѣ проектируемыхъ ими началъ философіи, исходятъ изъ своей вѣры въ христіанское міровоззрѣніе и въ частности въ православіе. Если они не удовлетворяются традиціонными началами раціоналистической философіи, то, прежде всего и главнымъ образомъ, потому что эти начала стоятъ въ противорѣчій съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Такъ Карповъ въ своемъ большомъ трудѣ: „Критика раціонализма“, отвергаетъ его, какъ начало философіи, потому что раціонализмъ въ теоріи и въ ученіи о мірѣ, въ существѣ дѣла не можетъ не признать, ни объяснить никакой объективной реальности, никакого объективнаго знанія; и что послѣдовательное проведеніе раціоналистическихъ началъ въ вопросахъ нравственнаго и религіознаго значенія даетъ не только искаженное понятіе о нравственномъ законѣ и высшемъ существѣ, но и оправдываетъ отрицаніе объективной реальности этихъ понятій. Вѣра, по Карпову, есть признакъ философіи истинной, а невѣріе—ложной. Такимъ образомъ, въ противоположность установившимся со временъ Декарта традиціямъ, вошедшимъ въ плоть и въ кровь новой философіи, Карповъ и Кирѣевскій основываютъ свои философскія воззрѣнія на вѣрѣ. Ласкѣвъ находитъ, что въ этомъ великая заслуга указанныхъ мыслителей—Карпова и Кирѣевскаго, заслуга, особенно обуславливаемая современнымъ состояніемъ западно-европейской мысли. Если во времена схоластики, философскую мысль связывали „религіозныя путы“, то теперь ее душатъ требованія раціонализма. Спасеніе, очевидно, одно: философской мысли должно вновь вернуться въ объятія религіи, оставивъ заманчивыя, но пагубныя начала раціонализма. Возвратъ къ религіи не есть возвратъ къ схоластикѣ, такъ какъ бѣда послѣдней была вовсе

не въ ея религіозности. Нужно только сочетать, свободу мышленія новой философіи съ религіозностью старой, нужно сдумѣть, проводя принципъ вѣры, оставить законное мѣсто для методологическаго сомнѣнія—избѣгая крайностей критицизма, не впасть въ крайности догматизма:—удовлетворяя требованія чувства, не подавить потребности разсудка.

И критикъ находитъ, что Карповъ хорошо справился съ своею задачею, такъ какъ онъ взялъ основаніемъ своей философіи „сознаніе“, т. е. такое начало, которое, удовлетворяя запросамъ ума, совмѣщаетъ въ себѣ и требованія чувства. Въ сознаніи нѣтъ исключеній: все сознаваемое находится въ немъ и принадлежитъ ему, какъ бытіе дѣйствительное. Посему философія, обосновывающаяся на сознаніи не можетъ однимъ жертвовать для другого, неизъяснимое почитать призракомъ, или вообще быть одностороннею. Анализируя философскія воззрѣнія Карпова, выводимыя изъ указаннаго начала, т. е. сознанія, критикъ говоритъ, что Карповъ выполнилъ свою систему послѣдовательно и логично. Развитіе системы у Карпова начинается съ того, что состоитъ въ непосредственной связи съ ея началомъ, т. е. сознаніемъ. Непосредственную же связь съ этимъ началомъ имѣетъ наше „Я“ съ главными проявленіями его природы, и съ тѣми элементами, которые, вошедши въ него изъ міра объективнаго, сдѣлались неотъемлемымъ его достояніемъ. Отсюда, начало философскаго знанія, философъ видитъ въ самопознаніи, и первая наука философіи—психологія; предметомъ психологіи должна быть не дѣятельность человѣка вообще, не его мышленія въ частности, но самое бытіе человѣка, изъ котораго истекаютъ всѣ формы его дѣятельности и которыя онѣ опредѣляются. Но такъ какъ „Я“ человѣка, природа этого „Я“, не можетъ быть опредѣлена иначе, какъ на основаніи тѣхъ ея свойствъ, которыя указываютъ опытъ и наблюденіе, то, очевидно, съ этого психологія и должна начать, слѣдовательно, она должна быть не раціональною, но опытною. Данныя для сужденія о природѣ души, доставляемыя анализомъ опытной психологіи, должны послужить основаніемъ для синтетически выводимаго объясненія самого бытія и существа человѣка. Установивъ же синтетически понятія о су-

ществѣ челоѣка, она изъ него уже аналитически должна вывести формы его дѣятельности, обнаруживающіяся въ трехъ главныхъ видахъ жизни: въ мышленіи разсудка, въ хотѣніи воли и въ чувствованіи сердца. Здѣсь анализъ міра субъективнаго встрѣчается съ міромъ объективнымъ.

Психологическое изученіе необходимо, по мнѣнію Карпова, открываетъ настойчивыя высшія стремленія духа. Изслѣдованіе смысла этихъ высшихъ стремленій, чрезъ углубленіе въ существо души, должно отсылать челоѣка къ объектамъ „духовнаго возрѣнія“: Богу, природѣ, людямъ. Въ душѣ же лежитъ и критерій для познанія нашихъ отношеній къ этимъ тремъ объектамъ, такъ что на психологіи же должна основываться и состоять въ связи съ нею философія религіи, природы и челоѣчества. Послѣ изслѣдованія, при помощи этого критерія, бытія объективнаго, философская система должна увѣнчаться эпилогомъ. Въ эпилогѣ философія окончательно становится на высоту своей задачи, которая представляется, какъ изслѣдованіе всего въ цѣломъ, поскольку оно является сверхчувственнымъ и мыслимымъ. Здѣсь философія достигаетъ своей цѣли, которая заключается въ опредѣленіи мѣста и значенія челоѣка въ мірѣ. Что касается практическихъ результатовъ философской системы Карпова, то они, по критику, сводятся у Карпова къ признанію того, что для насъ дѣйствительно необходима небесная помощь Откровенія, религіи, и что внѣшняя жизнь наша должна ограничиваться законами. Въ частности же эта религія должна быть Православною, а законы отечественными, во главѣ съ признаніемъ принципа самодержавія. Такимъ образомъ разрѣшаетъ Карповъ, проблему вѣры и знанія. Разрѣшеніе этой проблемы обуславливается всесторонностью начала, положеннаго въ основу философіи, т. е. сознанія. Критикъ находитъ, что та философія, которая будетъ развита на началѣ, выдвинутомъ Карповымъ, будетъ именно той здоровой и истинной философіей, которая явится безпристрастной изслѣдовательницей челоѣческой природы.

Давая общее заключеніе о значеніи философіи Карпова ¹⁾, критикъ выражаетъ ту мысль, что эта философія, вмѣстѣ съ

¹⁾ См. послѣднія страницы цитированной статьи Ласкѣва, особенно 756.

подобной по духу философіей Кирѣевскаго, имѣетъ глубокий смыслъ и значеніе, такъ какъ она своею цѣлью имѣетъ возможное соглашеніе религіи съ философіею, а это соглашеніе— дѣло великой важности для человѣчества: философія, а за нею и все человѣчество, тогда только вырвется изъ предѣловъ сомнѣнія и критицизма, когда философы обратятся къ вѣрѣ и къ религіи.

Итакъ мы видѣли, что и современные писатели, детально изучавшіе и разбиравшіе произведенія профессора Карпова, признаютъ глубокое значеніе за его философскими трудами. И нельзя не согласиться съ тѣмъ ихъ мнѣніемъ, что это значеніе Карпова особенно уяснится тогда, когда появится самостоятельная русская оригинальная философія на тѣхъ началахъ и основаніяхъ, которыя были выдвинуты и указаны въ изложенныхъ нами трудахъ нашего глубокаго и серьезнаго русскаго мыслителя,—профессора В. Н. Карпова.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Марта № 5 1907 года.

Содержаніе. I. О перенесеніи Чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія.—Епархіальныя извѣщенія.—Воззваніе Братства во имя Царицы Небесной о помощи идіотамъ, эпилептикамъ и балъкамъ.—Объявленіе.

I.

Въ непремѣнную обязанность поставляется о.о. настоятелямъ приходскихъ храмовъ нѣсколько разъ объявить прихожанамъ, что нынѣ перенесеніе чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія изъ Покровскаго Харьковскаго монастыря въ Куряжскій будетъ совершено на пасхальной недѣлѣ въ четвергъ (26 апрѣля).

Арсеній Архидіаконъ Харьковскій.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Мерёфы, Харьковскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Ковалевъ* опредѣленъ 14-го февраля сего года на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Мпхайловни, Валковскаго уѣзда.

б) Діаконъ Вознесенской церкви, слоб. Васильковки, Павлоградскаго уѣзда, Екаторинославской епархіи, Петръ *Самойловъ* опредѣленъ 16-го февраля, на священническое мѣсто при Георгіевской церкви, слоб. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.

в) Діаконъ Амвросіевской церкви, Харьковскаго Епархіальнаго Сиротскаго Приюта Александръ *Найдовскій* опредѣленъ 28 февраля на 2-е священническое мѣсто при Петро-Павловской церкви, слоб. Лимана, Изюмскаго уѣзда.

г) Діаконъ Николаевской церкви, слоб. Самотоевки, Ахтырскаго уѣзда, Дмитрій *Сирятскій* опредѣленъ 28 февраля на священническое мѣсто при Покровской церкви, слоб. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.

д) Діаконъ Успенской церкви, слоб. Савинець, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Ковалевскій* опредѣленъ 28 февраля на священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Дорофеевки, Валковскаго у.

е) Діаконъ Успенской церкви, города Зміева, Михаилъ *Замараевъ*, опредѣленъ 28 февраля 1907 г. на священническое мѣсто при Митрофаніевской церкви, сл. Климовки, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Діаконъ-псаломщикъ, Александро-Невской церкви, Харьковской 1-й гвизаціи Василій *Жуковскій* опредѣленъ 6 марта на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Ново Россоси, Старобѣльскаго уѣзда.

з) Псаломщикъ Петро-Павловской церкви, слоб. Димана, Старобѣльскаго уѣзда, Аристоклій *Малышевъ* опредѣленъ 28 февраля на діаконское мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Самотоевки, Ахтырскаго уѣзда.

и) Пѣвчій Харьковскаго Архіерейскаго Дома, крестьянинъ Яковъ *Чалый* опредѣленъ 28 февраля на діаконское мѣсто при Успенской церкви, слоб. Савинець. Изюмскаго уѣзда.

к) Псаломщикъ Казанской церкви, слоб. Нижней Орели, Зміевскаго уѣзда Сергій *Федоровъ* опредѣленъ 28 февраля на діаконское мѣсто при Успенской церкви, города Зміева.

л) Крестьянинъ Филиппъ *Грузинъ* опредѣленъ 16 февраля н. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Шелестовой, Старобѣльскаго уѣзда.

м) Крестьянинъ Яковъ *Фурдыла* опредѣленъ 23 февраля н. д. псаломщика къ Успенской церкви, села Пристайлова, Лебединскаго уѣзда.

н) Безмѣстный псаломщикъ Павелъ *Еварнишкій*, опредѣленъ 23-го февраля псаломщикомъ къ церкви села Карповки, Изюмскаго уѣзда.

о) Крестьянинъ Василій *Дрижерученно* опредѣленъ 5-го марта н. д. псаломщика къ Ахтырскому Покровскому Собору.

п) Сынъ почетнаго гражданина Иванъ *Копьевъ*, опредѣленъ 6 марта на псаломщицкое мѣсто при Успенской церкви, слоб. Нижней Орели, Зміевскаго уѣзда.

р) Безмѣстный псаломщикъ Ѳеодоръ *Будянский*, опредѣленъ 6 марта на псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Бунтужной, Старобѣльскаго уѣзда.

с) Крестьянинъ Семень *Третьяковъ* опредѣленъ 6 марта н. д. псаломщика къ церкви слоб. Берестовой, Куляпскаго уѣзда.

т) Сынъ псаломщика Яковъ *Гораинъ* опредѣленъ 6 марта н. г. н. д. псаломщика къ церкви слоб. Хатней, Волчанскаго уѣзда.

у) Мѣщанинъ Дмитрій *Черненко* опредѣленъ 6 марта н. д. псаломщика къ Пророко-Ильиной церкви, села Березоваго, Харьковскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ церкви села Михайловки, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ

Рокитянский перемѣщенъ 14 февраля на священническое мѣсто при церкви села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда.

б) Протоіерей Богодувской Покровской церкви, *Василій Доброславскій* и священникъ Богодуховской Троицкой церкви, *Василій Власовъ* перемѣщены 15 февраля одинъ на мѣсто другого.

в) Протоіерей Харьковской Пантелеимоновской церкви, *Василій Ветуховъ* перемѣщенъ 20 февраля на 2-е священническое мѣсто при Харьковской Николаевской церкви.

г) Священникъ Троицкой церкви, слободы Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Полмицкій* перемѣщенъ 23 февраля на 1-е священническое мѣсто при Харьковской Пантелеимоновской церкви.

д) Священникъ Успенской церкви, сл. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, *Алексій Доброславскій* перемѣщенъ 23 февраля священникомъ къ Іоанно-Богословской церкви, села Ивановки, Харьковскаго уѣзда.

е) Священникъ церкви слоб. Лимана, Изюмскаго уѣзда, *Николай Яновскій* перемѣщенъ 28 февраля священникомъ къ Тихоновской церкви сл. Титаровки, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Священникъ церкви слоб. Дорофеевки, Валковскаго уѣзда, *Іоаннъ Ѳедоровъ* перемѣщенъ 28 февраля священникомъ къ Архангело-Михайловской церкви, гор. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.

з) Священникъ церкви сл. Климовки, Старобѣльскаго уѣзда, *Константинъ Настѣкинъ* перемѣщенъ 28 февраля священникомъ къ Троицкой церкви, слоб. Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда.

и) Священникъ Іоанно-Богословской церкви, села Ивановки, Харьковскаго уѣзда, *Андрей Дмитріевъ* перемѣщенъ 24 февраля на 1-е священническое мѣсто при Успенской церкви, слоб. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

к) Псаломщики церквей: сл. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, *Василій Филевскій* и села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, *Стефанъ Ковалевъ* перемѣщены 16 февраля одинъ на мѣсто другого.

л) Діакопъ-псаломщикъ Харьковской Благовѣщенской церкви *Іоаннъ Котельниковъ* перемѣщенъ 23 февраля на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, села Будъ, Харьковскаго уѣзда.

м) Псаломщикъ села Карповки, Изюмскаго уѣзда, *Владиміръ Смирнскій* перемѣщенъ 23 февраля къ церкви, села Гавриловки, Харьковскаго уѣзда.

н) Псаломщикъ Ахтырскаго Покровскаго собора, *Анатолій Черняевскій*, перемѣщенъ 24 февраля на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, города Ахтыря.

п) Псаломщикъ Пророко-Ильинской церкви, села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, *Алексій Ѳедоровъ* перемѣщенъ 6 марта на псаломщицкое мѣсто при Казанской церкви, сл. Нижней Орела, Зміевскаго уѣзда.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Богодуховской Покровской церкви, *Василій Власовъ*: уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ 20 февраля.

б) Священникъ Вознесенской церкви, слоб. Ново-Ольпяной, Купянского уѣзда, *Іосифъ Закрицкій* уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ 27 февраля.

в) И. д. псаломщика *Стефанъ Лазаренко*, состоящій при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда, уволенъ, согласно прошенію за штатъ 6 марта.

г) Псаломщикъ Николаевской церкви, города Ахтырки, *Сергѣй Москаленко* уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ 24 февраля.

д) Псаломщикъ церкви села Пристайлова, Лебединскаго уѣзда, *Николай Герофаловъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 23 февраля.

4. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Архангело-Михаиловской церкви, города Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, *Іоаннъ Туранскій* умеръ 17 февраля.

б) Священникъ Троицкой церкви, слободы Ново-Росоши, Старобѣльскаго уѣзда, *Стефанъ Козьменко* умеръ 15 февраля.

в) Протоіерей Харьковской Николаевской церкви, *Александръ Федоровскій* умеръ 13 февраля.

5. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Сошествіевской церкви, слободы Сватовой Лучки, Купянскаго уѣзда, *Георгій Лонгиновъ* утвержденъ 22 февраля законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

б) Священникъ Успенской церкви, села Вольнаго, Богодуховска уѣзда, *Василій Стадниченко* утвержденъ 6 марта законоучителемъ Вольповскаго народнаго училища.

в) священникъ церкви села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, *Николай Эвенховъ* утвержденъ 6 марта, законоучителемъ Забродянскаго народнаго училища, Богодуховскаго уѣзда.

6. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви слоб. Ефремовки, Волчанскаго уѣзда утвержденъ 24-го февраля старостою крестьянинъ *Василій Варавенко*.

б) Къ Троицкой церкви, слоб. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 16 февраля старостою крестьянинъ *Корнилій Онопріенко*.

- в) Къ Успенской церкви, слоб. Нижней Орели, Зміевского уѣзда, утвержденъ 19 февраля старостою, крестьянинъ Адрианъ *Погрецькій*.
- г) Къ церкви села Залиманья, Изюмского уѣзда, утвержденъ 24-го февраля старостою мѣщанинъ Павелъ *Драглинъ*.
- д) Къ церкви слоб. Малой Камышевахи, Изюмского уѣзда, утвержденъ 24 февраля старостою крестьянинъ Андрей *Гарманъ*.
- е) Къ церкви слоб. Святодимитріевки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1 марта старостою крестьянинъ Владиміръ *Дзюба*.
- ж) Къ Успенской церкви, слоб. Петропавловки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1 марта старостою крестьянинъ Матвей *Бондаренко*.
- з) Къ церкви села Гречишкйна, Старобѣльскаго уѣзда утвержденъ 1-го марта старостою крестьянинъ Іерофей *Гречишкинъ*.
- и) Къ церкви села Рогова, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 2 марта старостою крестьянинъ Арсеній *Рупкинъ*.
- п) Къ Покровской церкви, сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 5 марта старостою крестьянинъ Федоръ *Довгополъ*.
- к) Къ Преображенской церкви, гор. Ахтырки, утвержденъ 5 марта старостою 2-й гильдіи купецъ Федоръ *Гожіенко*.
- л) Къ Николаевской церкви, села Ново-Александровки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 5 марта старостою крестьянинъ Никифоръ *Кіянъ*.
- м) Къ церкви слоб. Гнилицы, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 5 марта крестьянинъ Ілія *Бабай*.
- н) Къ Іоанно-Богословской церкви, с. Янкова Рога, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 5 марта старостою крестьянинъ Григорій *Пастычникъ*.
- о) Къ церкви села Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 5-го марта старостою крестьянинъ Яковъ *Евлановъ*.

7. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) Священническія.

При Архангело-Михайловской церкви сл. Павловокъ, Сумск. у.
— Вознесенской церкви, Ново-Ольшаной, Булянскаго уѣзда.

б) П с а л о м ѣ щ и ц к і я :

При Благовѣщенской церкви, города Харькова.
— Амвросіевской церкви, Харьковскаго Епархіальнаго Пріюта.
— Петро-Павловской церкви, слободы Лимана, Изюмскаго уѣзда.

Воззваніе Братства во имя Царицы Небесной о помощи идіотамъ, эпилептикамъ и калѣкамъ.

Братство во имя Царицы Небесной взываетъ къ вамъ, православные, о помощи.

Цѣль Братства—призрѣвать несчастныхъ дѣтей. Дѣти калѣки, слабоумные и припадочные обременяютъ собою бѣдные семьи и осуждены на постоянную муку.

Братство приглубило уже до 390 такихъ дѣтей. Но остаются еще тысячи, нуждающіяся въ помощи.

„Кто приметъ ребенка во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“ (Мат. 18).

Знайте: за этими тысячами невинныхъ страдальцевъ стоитъ Самъ Христосъ, протягивая къ вамъ руки, за васъ прободенныя на крестѣ.

Онъ приметъ отъ васъ, какъ подавіе Себѣ, всякій грошъ.

Откликнитесь, помогите! Во имя Его подайте на дѣло, созданное милосердіемъ Его Пресвятой Матери.

Вотъ, Онъ стоитъ, протягивая къ намъ руки. Вложимъ же въ эти пречистыя руки усердную и щедрую лепту.

Адресъ приюта Братства: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Б. Бѣлозерская ул., д. № 1.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Вышла въ свѣтъ новая книга, весьма потребная для духовенства: „Практическое руководство для священнослужителей, или систематическое изложеніе полного круга ихъ обязанностей и правъ“ П. И. Нечаева. Съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Изданіе девитое подъ редакцію Н. О. Маркова. Цѣна 3 р. 15 к. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, 5 Рождественская улица, д. 8, кв. 48 И. П. Нечаеву.

Въ С.-Петербургѣ: въ Синодальныхъ книжныхъ складахъ (адресоваться въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ) и въ книжныхъ магазинахъ: Тузова, Карабасникова, Панафидина, Анисимова и Думнова, а также въ книжномъ складѣ Богородицкаго братства (у воротъ Невской Лавры).

Въ Москвѣ: въ Синодальной книжной лавкѣ (на Никольской улицѣ) и въ книжныхъ магазинахъ: Думнова (наслѣдниковъ братьевъ Сажаевыхъ) и Карабасникова.

II.

Содержаніе. II. О пользѣ открытія Отдѣленій Братства во имя Озерянской Божіей Матери. *Священника К. Пантелеимонова*. — Миссіонерскій листокъ. Чѣмъ объясняется трудность борьбы со штундою и что нужно для успѣха ея? (Оковчаніе). *Василія Попова* — Епархіальная хроника. — Архіерейскія богослуженія. — Чествованіе настоятеля Харьковской Вознесенской церкви, протоіерея Георгія Чеботарева, по случаю 50-лѣтія его служенія въ санѣ священника (1857—1907 г.), 17 февраля 1907 г. — Памяти священника о. Владимира Диницкаго. — Иноепархіальный отдѣлъ. — Вакансія предсѣдателя синодальнаго учебнаго комитета. — Похоженіе лютскаго духовенства. — Преображеніе издавіе журнала. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Воодушевленное обращеніе жены деревенскаго священника къ сельскимъ матушкамъ. — Похороны крестьянина, впаваго въ летаргію. — Объявленія.

О ПОЛЬЗѢ ОТКРЫТІЯ ОТДѢЛЕНІЙ БРАТСТВА ВО ИМЯ ОЗЕРЯНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

На бывшемъ уѣздномъ съѣздѣ духовенства въ г. Старобѣльскѣ, Харьковск. губ., въ октябрѣ прошлаго года, по вопросу объ открытіи отдѣленія Братства имени Озерянской Божіей Матери, духовенство во мнѣніяхъ по данному вопросу раздѣлилось на двѣ партіи.

Конечно, дѣло организаціи Братства есть дѣло доброй воли, какъ проявленіе лучшихъ свойствъ внутренней нашей жизни. Но глубоко уважая мнѣніе своихъ собратьевъ, мы съ своей стороны позволимъ себѣ высказаться по затронутому вопросу.

Сознаемся, не безъ грусти покидали мы мѣсто собранія: мы ожидали полнаго единенія и солидарности въ такомъ жизненномъ вопросѣ, какъ открытіе Братствъ. Невольно чувствовалась оторванность отъ семьи пастырей, разобщенность въ трудномъ дѣлѣ водительства приходомъ: гдѣ нужны не единичные борцы, а живая, одушевленная общей идеей семья пастырей для борьбы съ ненормальностями приходской жизни. Тѣмъ болѣе сплоченность духовенства такъ необходима въ настоящее переходное время.

Когда мы взглянемъ во внутреннюю жизнь приходовъ въ настоящемъ, и въ недалекомъ прошломъ, то увидимъ, что нравственный обликъ ихъ сильно измѣнился, картина приходской жизни уже наглядно укажетъ намъ темныя пятна въ жизни послѣдней. Узаконенія прошлыхъ годовъ, касающіяся устройства церковной и гражданской жизни, созывъ государ-

ственной думы, такъ обманувшей чаянія и воздыханія лучшихъ русскихъ людей, нерѣдко такъ жестоко издѣвавшейся надъ чувствами и симпатіями своихъ избирателей, роспускъ послѣдней; распространившееся во множествѣ экземпляровъ Выборгское воззваніе—все это въ совокупности замѣтно всколыхнуло и приподняло настроеніе прихожанъ, для которыхъ многое было не выясненнымъ—темнымъ. Къ тому же, не уяснивъ себѣ правъ дарованныхъ Высочайшимъ Манифестомъ, подстрекаемые ложными друзьями, многіе изъ народа дарованныя имъ права обратили въ своеволіе. Результаты всего этого слишкомъ извѣстны.

Деморализація нравовъ деревенскаго жителя, котораго мы и будемъ имѣть въ виду въ настоящей статьѣ, мало культурнаго, легко поддающагося тому, что льститъ его самолюбію или потворствуетъ его животнымъ инстинктамъ, на этомъ не закончилась. Со всѣхъ сторонъ въ народъ посыпались прокламаціи съ избыточными обѣщаніями. Явились къ нему лже-друзья, готовые якобы страдать для народа и за народъ. Недоучившіеся гимназисты—учителя земскихъ школъ, фельдшера, исправляющіе обязанности по порученію земствъ разные руководители, инструкторы... и пр. явились къ народу съ медвѣжьими услугами. Эти волки въ овечьей шкурѣ подкапывались подъ правдивные устои народа, старались поколебать его простую вѣру, любовь къ церкви, почтеніе къ своимъ пастырямъ. Указывая правдами и неправдами на темныя стороны изъ жизни приходскаго духовенства, лже-друзья въ стущенныхъ краскахъ преподносили всю эту грязь народу, всячески стараясь подорвать престижъ духовенства.

Словомъ, эти непризванные учителя брали у народа его святая святыхъ, нарушали его равновѣсіе, а въ замѣнъ ничего ему не давали, да объ этомъ они меньше всего или совсѣмъ ничего и не думали. Вездѣ слышна была только дикая, безшабашная, разнузданная проповѣдь подстрекательства и проповѣдь разгула измененныхъ страстей и хищническихъ инстинктовъ, проповѣдь устная и печатная. Воздухъ оглашался всеобщимъ крикомъ „давай“ безъ размышленія о томъ, откуда взять, чтобы удовлетворить наглыя требованія. Всюду пару-

шался порядокъ, необходимый для всякаго продуктивнаго дѣла. Въ тѣхъ немногихъ счастливыхъ уголкахъ, гдѣ неизменные страсти, гдѣ животныя инстинкты не прорвались наружу, тамъ чувствовалась зловѣщая тишина, малѣйшій поводъ достаточенъ былъ, чтобы воспламенить наэлектризованный подготовленный матеріалъ. Жили безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, лучшая благонамѣренная часть общества съ грустью, подчасъ съ отчаяніемъ, озиралась вокругъ

Къ счастью нашъ народъ, вѣрующій чистымъ сердцемъ, хотя мало культурный, но обладающій большимъ здравымъ смысломъ, скоро понялъ и оцѣнилъ своихъ мнимыхъ друзей и не далъ втянуть себя въ пропасть. Но усиленная революціонная пропаганда не прошла даромъ: въ душѣ крестьянина она оставила осадокъ недовѣрія къ тому, чему онъ ранѣе глубоко довѣрялъ, что для него было священнымъ.

Положеніе приходскаго пастыря, какъ нравственнаго руководителя, какъ отвѣтчика предъ Богомъ, обществомъ и предъ своими пасомыми за ихъ поступки было очень въ то время тяжелымъ. Подчасъ руки опускались, невольно смыкались уста...; да и много ли можно было сдѣлать въ одиночку тамъ, гдѣ нуженъ былъ тѣсный сплоченный союзъ пастырей?! Нужны были общія силы... Думаемъ, никто не станетъ отрицать, что такимъ центромъ, гдѣ бы духовенство объединилось, сплотилось для борьбы—является Братство имени нашей Заступницы—Молитвенницы, Божіей Матери.

Самая идея пастырства говоритъ намъ о непремѣнномъ единеніи—братствѣ между собою пастырей церкви. Къ тому же слишкомъ сложна, отвѣтственна и многообъемлюща дѣятельность служителя алтаря; что не подъ силу одному, что не выяснилъ себѣ одинъ, то легче выяснить общими силами. А сколько является на приходъ священниковъ чуть не со школьной скамьи: таковыя предоставленные исключительно самимъ себѣ, вынуждены дѣйствовать на свой страхъ. Братство таковымъ оказало бы незамѣнимую услугу: неопытнаго оно научить, слабого укрѣпить.

Каковы же ближайшія цѣли и задачи Братства? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, позволимъ себѣ выяснить:

есть ли солидарность въ дѣятельности пастырей въ своихъ приходахъ? Должны сознаться, что она не всегда замѣчается. Говорятъ: что ни городъ, то норось; эта пословица приложима и въ приходской жизни. Въ силу разобщенности трудно найти два ближайшихъ сосѣднихъ прихода, гдѣ бы вы не встрѣгли самыхъ разнообразныхъ обычаевъ, касающихся церковно-приходской жизни. Скажутъ, что это мелочь; но не должно забывать, что народъ обрядовой формѣ религіи придаетъ громадное значеніе; внѣшняя форма для него иногда дороже ея сущности, а поэтому онъ и церковно-приходскимъ обычаямъ даетъ большое значеніе и смыслъ. Многообразіе приходскихъ обычаевъ вызываетъ въ прихожанахъ нежелательныя толки, а то и соблазнъ.

Нерѣдко жизнь сосѣдняго прихода для пастыря совершенно незнакома, а вѣдь тамъ случаются событія, которыя могутъ имѣть вліяніе и на ближайшіе приходы; но свѣдѣнія о нихъ получаютъ случайно, а иногда и поздно. Братство же, или исполнительный органъ Братства, нашло бы средства и возможность отмѣтить заслуживающее вниманія въ приходской жизни и предупредить, въ чемъ слѣдуетъ сосѣдніе приходы.

При тѣсной сплоченности приходоѡ, какимъ бы сильнымъ оружіемъ въ рукахъ духовенства были для религіозно-нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ напр. крестные ходы, которые такъ любитъ нашъ народъ?!... Весною, въ обычное время хожденія съ крестами и хоругвями по полямъ для молебствованія, какъ удобно было-бы сосѣднимъ причтамъ съ своими прихожанами сходиться въ смежныхъ поляхъ для общей молитвы. Это была бы величественная, сильная впечатлѣніемъ картина! Не наблюдалось бы и того, что въ то время какъ одинъ приходъ устраиваетъ праздникъ для крестнаго хода, сосѣдній въ это время занятъ обычными будничными работами. Само-собою понятно, что общія молебны во время общественныхъ бѣдствій или по другимъ случаямъ устраиваемыя сосѣдними приходами легко выполнимы при полномъ единеніи приходскихъ пастырей.

Нашлось бы не мало приходскимъ пастырямъ и помощниковъ въ святомъ дѣлѣ. Таковыми первыми и необходимыми

братчиками кромѣ членовъ причта должны и могло бы быть наши церковные старосты, которые къ сожалѣнію нерѣдко являются только хранителями и распорядителями церковныхъ суммъ. На вышѣ призывъ къ просвѣтительному воздѣйствію на прихожанъ, староста иной посмотритъ на васъ съ недоумѣніемъ, а то и плохо скрытымъ недоувѣріемъ... Почему молъничего подобнаго нѣтъ тамъ-то и тамъ, а мы будемъ хлопотать объ этомъ. Но пригласите такого старосту въ вашу братскую пастырскую семью, уясните ему его болѣе широкія задачи, освятите его дѣятельность вашей любовью, вашимъ примѣромъ, и онъ охотно примкнетъ къ доброму дѣлу единенія для блага ближняго.

Не мало найдется въ нашихъ приходяхъ людей добродѣтельныхъ, даже людей интеллигентныхъ, которые охотно бы послужили дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа; многіе изъ нихъ видятъ и скорбятъ о нравственной неразвитости простого народа, его некультурности... и намъ, пастырямъ, нужно быть инициаторами въ дѣлѣ просвѣщенія своихъ пасомыхъ.

Сильнымъ незамѣнимымъ оружіемъ въ рукахъ Братства должно быть, конечно, печатное слово. Въ послѣдніе два три года въ народѣ замѣтно усилился интересъ къ чтенію: много способствовали этому русско-японская война, а равно и событія прошлыхъ годовъ, связанныя съ созывомъ Государственной Думы. Правда, народъ и теперь и даже предпочтительнѣй читаетъ книги религіозно-нравственнаго содержанія, но въ послѣднее время онъ охотно беретъ и за легкое, доступное его пониманію чтеніе газетъ, брошюръ и всевозможныхъ листовъ, затрагивающихъ соціальныя стороны его жизни. Нужно сознаться, что многія изъ прокламацій и брошюръ, распространяемыхъ въ народѣ крайними партіями (лѣвыми), написаны просто, доступно, а подчасъ и увлекательно; отъ народа они не требуютъ сильнаго умственнаго напряженія, къ чему онъ и не привыкъ, и не отнимаютъ у него много времени, котораго у него за работой свободнаго очень немного. Впечатлѣніе на народъ чтеніе упомянутыхъ листовъ и брошюръ производитъ громадное; тѣмъ болѣе что нашъ народъ,

воспитанный на книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія, глубоко вѣритъ и уважаетъ всякое печатное слово.

Положеніе пастыря, въ дѣлѣ борьбы съ нелегальной крамольной литературной очень затруднительное: онъ видитъ, что печатная ложь, доходящая до нахальства, глубоко проникаетъ въ народъ, какъ червь подтачиваетъ его сложившіеся нравственные устои; въ замѣнъ же этой тлетворной литературы дать прихожанину почитать нечего такого, чтобы опровергало печатную ложь. Газеты вполне доступной для деревенскаго жителя съ строго христіанскимъ направленіемъ подыскать очень трудно; листы и брошюры, издаваемые для народа, доступные его пониманію, нерѣдко преподносятъ ему матеріалъ слишкомъ отвлеченный, не всегда отвѣчаютъ на злободневные вопросы, или же отвѣчаютъ на нихъ слишкомъ поздно, когда интересъ данное событіе утеряло. Вообще нужно сказать, что изданіе чтенія для народа въ данное время оставляетъ желать очень многаго.

Кажется намъ, что не ошибемся, если скажемъ, что дѣло, изданія литературы для народа революціонными комитетами поставлено широко. Мнимые друзья народа за одинъ годъ „пресловутаго освободительнаго движенія“ наводнили русскій непросвѣщенный народъ милліонами всякаго рода воззваній и прокламацій. Нужно сознаться, что революціонные листки и брошюры написаны нерѣдко языкомъ очень понятнымъ и доступнымъ для народа, нерѣдко подтверждаются ссылкой на Слово Божіе, къ тому же приправленные лицемѣрнымъ сожалѣніемъ и притворною скорбью объ угнетеніи простаго народа, впечатлѣніе на темный не просвѣщенный народъ производятъ очень замѣтное. Боротся съ этимъ новымъ зломъ для нашихъ приходоу нужно энергично, помочь въ этой борьбѣ можетъ скорѣе и успѣшнѣе мѣстное умѣло организованное Братство пастырей, которое бы чрезъ лучшихъ—достоинѣйшихъ собратьевъ слѣдило какъ за событіями текущей жизни, такъ и за современной революціонной лжепроповѣдью и съ православно-христіанской точки зрѣнія освѣщало быстро мѣняющіяся событія нашихъ дней и отвергало бы печатную революціонную ложь. Въ листкахъ и брошюрахъ Братствомъ должны

быть выяснены обязанности христіанина какъ члена православно-христіанской церкви, права и обязанности гражданина въ его отношеніи къ государству и къ обществу, въ частности, отношеніе гражданина къ земельной, частной и общественной собственности.

А сколько зла нашему народу приноситъ его нравственная некультурность, граничащая нерѣдко съ нравственнымъ одичаніемъ, сколько народъ теряетъ здоровья и сколько ежегодно уносится жертвъ вслѣдствіе незнанія и незнакомства съ самыми элементарными правилами гигиены, опять таки какъ гибнетъ духовно и матеріально нашъ народъ отъ злоупотребленія спиртными напитками?!... Кому же быть инициаторами въ оздоровленіи народа, его умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи, какъ не намъ духовенству, сплотившемуся для борьбы, привлечшему къ себѣ лучшую благонамѣренную часть общества?!...

Уже нашъ народъ просыпается отъ многовѣковой спячки, можетъ быть уже близко то время, когда онъ потребуесть у насъ отчета въ нашихъ пастырскихъ дѣлахъ. Благо намъ, если мы духовно жаждущаго напоили, если мы алчущаго свѣта удовлетворили, если мы томящагося въ невѣжествѣ повели на правый путь. Горе же намъ, если мы не пойдёмъ впереди народа, своихъ пасомыхъ... Сколько ужаса, стыда прійдется испытать намъ отъ своего стада, которое скажетъ намъ: не вѣмъ васъ. Тяжелая отвѣтственность наша предъ людьми и предъ Богомъ!...

Незамѣнимую услугу, намъ кажется, принесли бы уѣздныя организованныя Братства дѣлу оздоровленія церковныхъ приходовъ; что реформированіе послѣднихъ является вопросомъ ближайшаго будущаго, это, думаемъ, внѣ всякаго сомнѣнія: слишкомъ уже всѣмъ очевидны недочеты и шероховатости настоящей приходской жизни. Мы не будемъ останавливаться на такихъ недочетахъ, скажемъ только, что проведеніе въ жизнь началъ по организаціи приходовъ почти всецѣло, особенно въ первое время, будетъ дѣломъ приходскихъ пастырей. Туго въ деревнѣ прививаются всякія новшества, часто вызываютъ они въ прихожанахъ или же недовѣріе или же слиш-

комъ развиваютъ ихъ самоиѣніе. Можно опасаться и того, чтобы народъ не привнесъ слишкомъ много мірскаго, не имѣющаго прямого отношенія при рѣшеніи чисто церковныхъ вопросовъ. Много тутъ отъ духовенства нужно будетъ такта, терпѣнія и осторожной мудрости, чтобы не привнести вмѣсто ожидаемаго общаго блага—вреда доброму дѣлу возрожденія приходской жизни.

Организованныя Братства, при умѣлой постановкѣ дѣла, при любви къ доброму дѣлу, руководимыя опытною рукою нашего Епархіальнаго Владыки, при содѣйствіи и участіи въ немъ лучшихъ людей отъ приходовъ, подъ знаменемъ за вѣру, Царя и отечество были бы для духовенства твердой опорой въ его дѣятельности, тѣмъ паче въ наше тяжелое время, когда враги православія дружною ратью надвигаются со всѣхъ сторонъ.

Священникъ К. Пантелеимоновъ.

Сл. Святодмитріевка, Староб. уѣзда.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЧѢМЪ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ТРУДНОСТЬ БОРЬБЫ СО ШТУНДОЮ И ЧТО НУЖНО ДЛЯ УСПѢХА ЕЯ?

(Окончаніе *).

Для человѣка, „искренно ищущаго спасенія, каковъ есть сектантъ“ (О совр. состоян. рус. сект. свящ. Титовъ, стр. 28), современная жизнь покажется явнымъ противорѣчіемъ съ тѣмъ, что заповѣдано христіанамъ въ евангеліи. Такая жизнь отшатнетъ его отъ православнаго общества и повлечетъ туда, гдѣ онъ найдетъ и трезвую благочестивую жизнь, и братскую помощь. Зазорность жизни православныхъ даетъ штундистамъ возможность постоянно указывать миссіонерамъ на рѣзкое противорѣчіе между ихъ проповѣдями и ихъ жизнью, а православнымъ на то, что они, да и ихъ учителя, живутъ не по христіански. И такъ какъ человѣкъ находитъ въ штундистскихъ общинахъ широко развитую трезвость, взаимопомощь и другія хорошія

*) См. № 4 ж. „В. и Р“, отд. „Извѣстій“...

качества, то это привлекаетъ его и чрезъ это онъ крѣпко привязывается къ штундизму, къ его образу жизни и вѣроученію.

Вотъ этими-то двумя причинами религіознымъ невѣжествомъ и противорѣчіемъ въ жизни православныхъ и обусловливается трудность, характеризующая современную миссіонерскую дѣятельность среди приверженцевъ штунды. И такъ какъ при существованіи ихъ въ наличности миссіонерская дѣятельность неуспѣшна, то для предоставленія ей успѣха нужно обратить вниманіе на искорененіе этихъ самыхъ причинъ, поддерживающихъ существованіе и развитіе штундизма.

Религіозное невѣжество, такъ много причинившее зла христіанской церкви, требуетъ для своего уничтоженія распространенія въ народѣ просвѣщенія. Для развитія просвѣщенія въ народѣ, нужно большее чѣмъ существуетъ, количество школъ. Въ частности же, въ мѣстахъ, зараженныхъ сектой, эти школы надо дѣлать общими и для православныхъ, и для сектантовъ, чтобы такимъ путемъ дѣти сектантовъ находились въ близкихъ сношеніяхъ съ дѣтьми православныхъ и до нѣкоторой степени знакомились съ вѣроученіемъ православной церкви отъ нихъ.

Но одной грамотности совсѣмъ еще недостаточно. Требуется развитіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ церковнаго учительства. Въ рядѣ послѣдовательныхъ бесѣдъ и поученій, чуждыхъ всякой сухости и схоластики, по пропитанныхъ жизненностью и искренностью, священнослужители должны раскрывать предъ своею паствою православное христіанское вѣроученіе, объяснять смыслъ и значеніе церковныхъ службъ и таинствъ и раскрывать ошибки и заблужденія сектантовъ. Это нужно дѣлать постоянно, какъ только представится къ тому случай и въ школѣ и съ церковной кафедры, и дома, въ частныхъ бесѣдахъ и разговорахъ, чтобы все это усвоилось пасомыми на столько твердо и сознательно, чтобы недоумѣніямъ и своеобразному толкованію не оставалось и мѣста, чтобы сами православные представляли изъ себя силу, способную стойко держаться за свою вѣру и не поддаваться вліянію штунды, но чтобы и сами могли вліять на приверженцевъ секты.

Для улучшенія отношеній между духовенствомъ и прихо-

жанами слѣдуетъ измѣнить существующій способъ вознагражденія, такъ вызывающій дурные отзывы о духовенствѣ и недовольство имъ. Въмѣсто этого способа, унижающаго санъ, убивающаго въ служителѣ нерѣдко идеальныя порывы и превращающаго его въ сухого матеріалиста, должно быть установлено причту опредѣленное жалованье. Тогда будутъ избѣгнуты столкновения на почвѣ платы, и отношенія, безъ сомнѣнія, улучшатся. Третій всероссійскій миссіонерскій съѣздъ, бывшій въ г. Казани въ 1897 году, констатировалъ тотъ фактъ, что въ тѣхъ епархіяхъ (Таврич.), гдѣ приходы обезпечиваютъ духовенство опредѣленными денежными взносами земства (откуда духовенство получаетъ жалованье въ размѣрѣ 600—800 р.), оказываются отрядные результаты въ смыслѣ улучшенія взаимныхъ отношеній между пастырями и пасомыми въ значительной степени“ (Скворцовъ. 3 всерос. мис. съѣздъ въ Казани 1897 г. 234 стр).

Дѣятельность пастыря въ области церковнаго учительства не должна ограничиваться задачами разъясненія догматическихъ и обрядовыхъ истинъ православной церкви. Она должна также обратить серьезное вниманіе и на нравственныя истины. Она должна и ихъ разъяснять, вкоренять въ сердца паствы и побуждать къ проведенію ихъ въ жизнь. Для поднятія нравственности въ народѣ необходима серьезная борьба съ пьянствомъ, которымъ сопровождаются и важнѣйшіе моменты жизни чело-вѣка, и различные праздники и которое сильно роняетъ православныхъ и даетъ основанія штундистамъ для обличенія. Для этого, помимо ввустной проповѣди, слѣдуетъ развивать общества трезвости и распространять въ народѣ произведенія по данному вопросу.

Но особенное вниманіе должно быть обращено на развитіе въ православномъ обществѣ христіанскаго равенства и братской любви и взаимопомощи, дабы нуждающійся въ трудныя минуты могъ найти и поддержку и утѣшеніе въ кругу своихъ единовѣрцевъ и не принужденъ былъ, толкаемый бѣдностью и отвергаемый своими же братьями, обращаться къ штундистамъ, принимая во вниманіе, что большинство членовъ штунды при-

надлежитъ къ городскому и сельскому пролетариату (3 съѣздъ мис. въ г. Казани 1897. Скворцовъ).

На эту сторону нужно обратить тѣмъ большее вниманіе, что штундистское ученіе восприняло въ себя соціалистическое ученіе о всеобщемъ братствѣ и равенствѣ—духовномъ и экономическомъ; поэтому это ученіе при современномъ отсутствіи въ православномъ обществѣ противодѣйствующихъ этому средствъ, будетъ особенно увлекать бѣдный классъ.

Но указанная средства будутъ способствовать уничтоженію условій, поддерживающихъ существованіе и развитіе штундизма, слѣдовательно, облегчатъ трудность борьбы со штундою и обезпечатъ успѣхъ миссіонерской дѣятельности только въ томъ случаѣ, когда пастыри искренно и глубоко проникнутся мыслию, что для успѣха миссіонерской дѣятельности въ этой борьбѣ нужно чтобы они, во все время своего служенія, были всегда на высотѣ своего призванія, чтобы не было противорѣчія между заповѣдями Христа, ихъ собственными призывами въ ихъ проповѣдяхъ и ихъ жизнью, чтобы они были достойными пастырями и блюли непрестанно свое стадо отъ волковъ въ овечьихъ шкурахъ и чтобы жизнь ихъ была свѣтильникомъ для паствы.

Видя ихъ высокую жизнь, проникнутую христіанскою любовью и братствомъ, и пасомые будутъ слѣдовать ихъ примѣру, будутъ строго относиться къ своимъ недостаткамъ и улучшать свою собственную жизнь.

Тогда только не будетъ мѣста для развитія штунды, и эта секта будетъ постепенно уничтожаться. *Василій Поповъ.*

Архіерейскія богослуженія.

25-го февраля, въ воскресенье въ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій въ служеніи соборнаго духовенства.

— 1-го марта, въ четвергъ, въ кафедральномъ соборѣ, послѣ литургіи, совершенной соборнымъ причтомъ, Высокопреосвященный Арсеvій, Архіепскопъ Харьковскій, служилъ панихиду по Государѣ Императорѣ Александрѣ II; въ служеніи участвовали градскіе протоіерей и священники. Въ соборѣ присутствовали представители военнаго вѣдомства и много молящихся.

— 3 го марта, въ субботу, въ кафедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Епископомъ Евгеніемъ, послѣ литургіи, совершенной соборнымъ причтомъ, совершенно было отпѣваніе ротмистра А. Свидерскаго, помощника пристава И. Федорова и городского А. Маряхина, убитыхъ при учиненіи обыска на Костомаровской улицѣ. Предъ панихидой Его Преосвященствомъ сказана была глубокопрочувствованная рѣчь. Соборъ былъ переполненъ молящимися, при чемъ присутствовали: корпусный командиръ, начальникъ губерніи, вице-губернаторъ и прокуроръ судебной палаты, чины жандармскаго управленія и городской полиціи и представители Харьковского Союза Русскаго Народа съ своимъ знаменемъ.

— 4-го марта, въ воскресенье, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепскопъ Арсеvій, въ сослуженіи архимандритовъ—Іосифа и Аванасія, кафедральнаго протоіерей о. С. Любицкаго, ключаря протоіерей І. Гончаревскаго, священника о. П. Омина и священника о. Л. Твердохлѣбова. Въ концѣ литургіи Высокопреосвященный Владыка произнесъ глубокопрочувственное слово о церковномъ приготовленіи къ посту и необходимости покаянія въ грѣхахъ, испрашивалъ прощенія у паствы и благословилъ всѣхъ во множествѣ присутвовавшихъ въ храмѣ.—При этомъ служеніи, діаконъ Екатеринбургской епархіи Петръ Самоѣловъ, рукоположенъ былъ во священника къ Георгіевской церкви с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.

Въ тотъ же день, Высокопреосвященнѣйшій Архіепскопъ Арсеvій, служилъ вечерню въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря. По обычаю къ этой вечернѣ собралось громадное множество молящихся, переполнившихъ обширный храмъ. Послѣ вечерни Владыка произнесъ глубоконазидательную проповѣдь и испросилъ прощеніе у паствы; за сѣмъ прощался съ монашествующими и градскимъ духовенствомъ и благословилъ народъ.

Преосвященный Епископъ Евгеній въ этотъ день совершалъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ, а вечерню въ кафедральномъ соборѣ. При служеніи литургіи, псаломщикъ Благовѣщенской церкви с. Тростяница, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ Каравановъ рукоположенъ во діакона къ той же церкви. *Протоіерей І. Гончаревскій.*

Чествованіе настоятеля Харьковской Вознесенской Церкви, протоіерея Георгія Ивановича Чеботарева, по случаю 50-лѣтія его служенія въ санѣ священника (1857—1907 г.), 17-го февраля 1907 г.

17-го февраля исполнилось пятидесятилѣтіе священства протоіерея Харьковской Вознесенской церкви о. Георгія Ивановича Чеботарева. Съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, упомянутый день ознаменованъ былъ особеннымъ церковнымъ торжествомъ.

Божественную литургію въ Вознесенской церкви, въ этотъ день совершилъ Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи. Его Преосвященству сослужило 8 заслуженныхъ и старѣйшихъ священнослужителей. Храмъ былъ переполненъ молящимися, явившимися помолиться за своего любимаго о. настоятеля и поздравить его съ рѣдкимъ юбилеемъ.

По окончаніи Божественной литургіи и благодарственнаго молебна, съ произнесеніемъ о. протоіакономъ многолѣтія юбиляру, началось чествованіе послѣдняго.

Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, облачившись въ мантию, вышелъ изъ алтаря и ставъ на солею, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Ваше Высокопреподобіе,

Досточтимый о. Протоіерей!

Нашъ Милостивый Архипастырь, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, поручилъ мнѣ поздравить Васъ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ службы Вашей и передать Вамъ въ благословеніе отъ него сію св. икону. Радостно исполняя это порученіе, я съ своей стороны поздравляю Васъ въ настоящій знаменательный въ жизни Вашей день. Юбилейный день есть день подведенія итоговъ дѣятельности за прожитый періодъ. Производить оцѣнку Вашей дѣятельности я не берусь, предоставляя сдѣлать это лицамъ, болѣе меня знающимъ Васъ,—я просто преклоняюсь предъ величіемъ понесеннаго Вами полувѣковаго подвига и молитвенно желаю Вамъ, чтобы совѣсть Ваша, этотъ голосъ Божій внутри человѣка, наполняла миромъ духъ Вашъ, когда Вы мысленно обзрѣваете свою дѣятельность и поставяете ее предъ судомъ Божиимъ. Молю Господа и о томъ, чтобы прочее время живота Вашего протекало въ здравіи и непремѣняемомъ благополучіи, на радость любящихъ и почитаю-

щихъ Васъ духовныхъ чадъ Вашихъ, дружной семьей собравшихся нынѣ въ родной Вамъ храмъ привѣтствовать Васъ и вмѣстѣ съ Вами вознести усердныя молитвы благодаренія Подателю всѣхъ благъ въ Троицѣ славивому Богу“.

Затѣмъ, Его Преосвященство благословилъ юбиляра св. Ахтырскою иконою Богоматери, переданною ему отъ имени Его Высокопреосвященства, съ надписью: „Въ благословеніе, на здравіе и спасеніе, протоіерею отцу Георгію Чеботареву“. Юбильяръ, преклонивъ колѣня и поклонившись Епископу, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и сердечною радостію принявъ изъ рукъ Его св. икону и, поцѣловавъ ее, растроганный, со слезами на глазахъ, произнесъ Его Преосвященству Евгенію, Епископу Сумскому, рѣчь слѣдующаго содержания:

„Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырѣ въ Отецѣ!

По неизрѣченной милости Божіей, сегодня исполнилось 50 лѣтъ службы моей въ священническомъ санѣ. Этотъ день въ особенности знаменателенъ для меня потому, что я получилъ отъ Господа благодать священства. Благодаря Вашему благосклонному архипастырскому вниманію и расположенію, этотъ день ознаменованъ особеннымъ церковнымъ торжествомъ. Нынѣ Вы, Преосвященнѣйшій Владыко, совершили Божественную литургію въ томъ св. храмѣ, въ которомъ мнѣ милосердный Господь удостоилъ прослужить непрерывно 50 лѣтъ. Въ числѣ другихъ досточтимыхъ священнослужителей, удостоился и я въ день моего 50-ти лѣтняго священнослуженія великой милости участія въ Божественной литургіи и приобщенія св. Таинъ Христовыхъ. Приношу Его Высокопреосвященству глубочайшую и сердечную мою благодарность за благосклонное разрѣшеніе празднованія моего 50-ти лѣтняго священнослуженія. Приношу и Вашему Преосвященству мою душевную благодарность за Ваше Архипастырское вниманіе и за то высокое участіе, которое Вы въ моемъ праздникѣ приняли. Да сохранитъ Ваше Преосвященство милосердный Господь здрава, безболѣзненна и долголѣтня на многіе и многіе годы и да воздастъ Вамъ Господь небесными своими благословеніями. Смирннѣйше прошу Вашихъ Святительскихъ молитвъ обо мнѣ недостойномъ пастырѣ, чтобы Господь удостоилъ провести мнѣ и остальное время жизни въ спокойствіи и благополучіи и исполнять до конца жизни своей пастырскія обязанности мирно и безукоризненно для блага своихъ пасомыхъ“.

Отъ лица духовенства Харьковскихъ городскихъ церквей, коихъ юбиляръ состоитъ духовникомъ, бывшемъ благочиннымъ градскихъ церквей, протоіеремъ Петромъ Полтавцевымъ, было сказано юбиляру привѣтственное слово, съ выраженіемъ любви и преданности отъ духовенства, и поднесенъ ему отъ послѣдняго другой даръ—образъ Спасителя. Юбиляръ отвѣтилъ духовенству краткою, глубокопрочувствованною, благодарственною рѣчью такого содержанія:

„Обрашаюсь къ Вамъ, отцы и братія, съ великою благодарностію за живое проявленіе участія въ знаменательный день моего 50-ти лѣтняго священно-служенія. Глубоко тронуть я такимъ Вашамъ ко мнѣ искреннимъ братскимъ вниманіемъ. Съ чувствомъ благоговѣнія и сердечною радостію приѣмлю нынѣ отъ Вашего усердія, подносимый дорогой даръ—образъ Спасителя. Вѣрю, что молитва предъ симъ святымъ образомъ, при братскихъ Вашихъ молитвахъ, послужитъ къ моему благополучію и укрѣпленію моихъ немощей въ прохожденіи моего служенія. Буду молить Бога, да пребываетъ благодать и милость Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа со всѣми Вами, и да воздастъ Вамъ Господь сторицею за Вашу братскую любовь“.

Затѣмъ, прихожане поднесли юбиляру драгоценную Озерянскую икону Богоматери, съ надписью: „отъ прихожанъ“, при адресѣ слѣдующаго содержанія:

„Дорогой пастырѣ!

Въ наши дни, дни духовной нищеты и физической слабости, когда пятьдесятъ лѣтъ скоро станутъ предѣломъ человѣческой жизни, мужъ, прослужившій своему дѣлу 50 лѣтъ, является предметомъ глубокого уваженія и удивленія. Пятьдесятъ лѣтъ Вы несли на Божьей нивѣ тяжелый и отвѣтственный трудъ, какой только можетъ выпасть на долю человѣка,—трудъ сѣятеля, сѣющаго сѣмя доброе. Съ истиннымъ добрымъ сердцемъ, съ любовію къ своей паствѣ, Вы проповѣдывали ей ученіе Христа, словомъ Его сѣяли сѣмена правды; Его именемъ отпускали грѣхи, благословляли союзы, надѣляли дарами св. Духа. Кто способенъ понять величіе такого дѣла, тотъ низко, но безъ словъ, поклонится Вамъ,—безъ словъ потому, что человѣкъ, на долю котораго выпало такое великое счастье, стоитъ выше нашего удивленія, выше нашихъ похвалъ; и вотъ Ваши духовныя дѣти, прійдя сегодня на великій и знаменательный въ Вашей жизни праздникъ, принесли Вамъ не хвалу, они принесли глубокое уваженіе, благодарность и искреннее пожеланіе, чтобы Всемогущій Господь еще на долго оставилъ

Васъ между нами, чтобы долго еще Вы, дорогой пастырь, проповѣдывали намъ слово Христа, высоко держа сіяющее Его оружіе“.

Юбиляръ произнесъ въ отвѣтъ прихожанамъ благодарственную рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Духовныя дѣти мои, Боголюбивые прихожане св. храма сего! Со времени поступленія моего на службу къ святой Церкви въ санъ священника, я во все время своего 50-ти лѣтняго священнослуженія пользовался Вашимъ вниманіемъ и добрымъ расположеніемъ; всегда благодарилъ Господа за эту великую Его милость ко мнѣ недостойному и старался, по мѣрѣ возможности, неуклонно исполнять лежація на мнѣ обязанности и неукоснительно исполнять всѣ Ваши просьбы, чтобы выразить свою благодарность и быть всегда признательнымъ къ Вамъ. Въ сегодняшній знаменательный для меня день,—день, въ который я пріять отъ Господа благодать священства, Вы вознесли вмѣстѣ со мною въ семь святомъ храмѣ хвалу и благодареніе Господу Богу, сохранившему меня въ теченіи 50-ти лѣтъ, на великомъ поприщѣ служенія душъ Вашихъ, и съ благословенія нашего Милостивѣйшаго Архiepастыря, поднесли мнѣ безцѣнный даръ—Озерьянскій образъ Богоматери, покровительницы нашего богоспасаемаго града и всей Харьковской епархіи. Это великое вниманіе Ваше, эта великая честь глубоко тронули меня, я не нахожу словъ выразить Вамъ чувства глубочайшей моей признательности, выразить такъ, какъ чувствуетъ мое сердце. Я сознаю, глубоко сознаю, что проявленная Вами любовь, выше заслугъ моихъ. Буду молить Бога и Царицу Небесную, чтобы мирныя ваши отношенія сохранялись до послѣднихъ дней нашей жизни, и да пошлетъ Вамъ Господь милосердный здравіе, долгоденствіе, изобиліе плодовъ земныхъ, безмятежную и мирную семейную жизнь и все благополезное для спасенія душъ Вашихъ“.

По окончаніи Божественной литургіи и чествованія въ храмѣ юбиляра-протоіерея, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Евгеній, Епископъ Сумскій, посѣтилъ о. прот. Чеботарева въ его домѣ.

Изъ храма Божія въ домъ юбиляра пожаловало почти также все градское духовенство, почетные прихожане, друзья и многіе знакомые изъ почетныхъ жителей г. Харькова. Когда всѣ гости собрались въ домъ, юбиляромъ былъ предложенъ чай, закуска и обѣдъ. Въ это время, съ хлѣбомъ-солью и полотенцемъ на блюдѣ, явился въ домъ юбиляра весь учительскій персоналъ училища.

Ремесленнаго Общества, вмѣстѣ съ ними прибылъ г. инспекторъ народныхъ училищъ Н. З. Виноградовъ, который провзнесъ юбиляру привѣтственную рѣчь, какъ старѣйшему въ г. Харьковѣ законоучителю, прослужившему съ честью 42 года съ основанія училища. Юбиляръ выразилъ ему свою благодарность въ краткихъ прочувственныхъ словахъ. Отъ училища ремесленнаго общества, одною изъ дѣвочекъ 1-го отдѣленія Лазаренковой, провзнесено было стихотвореніе. Въ послѣднемъ м. проч. говорилось:

Въ семейный праздникъ твой сегодня

Довольно было-бъ одного:

Благословенія Господня

Для блага сердца твоего.

А все-жъ родной душою —

Отъ насъ молитвенный привѣтъ,

Привѣтъ навѣянный тобою,

Твоею жизнью многихъ лѣтъ.

И вѣрь, что пылко молятъ дѣти

О лучшихъ благахъ для тебя...

Господь послалъ тебѣ на долю

И кровныхъ, и чуждыхъ дѣтей —

Вести къ добру ихъ умъ и волю,

Любить и Бога и людей.

Бѣгутъ года, уходятъ сила,

Труды-жъ тебѣ растутъ все вновь;

Но тяжесть ихъ не притомила

Твою сердечную любовь.

И сверхъ дѣтей ты служишь многимъ

Семействамъ, обществамъ, мѣстамъ

И разнымъ личностямъ убогимъ,

Разсѣянныхъ и здѣсь и тамъ.

Не мы одни теперь возносимъ

Благодареніе въ мольбѣ,

И всей душою произносимъ:

Спасибо батюшка тебѣ.

Отъ церковно-приходской школы дѣтми старшаго возраста поднесена хлѣбъ-соль и полотяце на блюдѣ и сказано одною изъ ученицъ прочувствованное слово. Отъ пріюта-Ясли, при Вознесенскомъ попечительствѣ, малютками въ возрастѣ отъ 3-5 лѣтъ была поднесена юбиляру хлѣбъ-соль. Его Преосвященство, Епископъ Евгений, благословляя малютокъ, поднесшихъ юбиляру подарокъ,

наградилъ ихъ сластями и печеніемъ. Въ заключеніе поднесена была хлѣбъ-соль на блюдѣ и отъ низшихъ служителей церкви. Юбиларъ сердечно благодарилъ и отвѣчалъ теплыми словами на привѣтственные ему рѣчи. Во время обѣда, протоіерей Петръ Полтавцевъ произнесъ прекрасную рѣчь юбиляру, гдѣ между прочимъ выразилъ ту мысль, что примѣръ такой, долголѣтней жизни и службы, почтенной такимъ глубокимъ вниманіемъ и любовью со стороны высшаго духовнаго начальства, сотоварищей по службѣ, прихожанъ и многихъ почтенныхъ жителей г. Харькова, можетъ служить показателемъ того, сколько надо имѣть нравственныхъ силъ и добрыхъ душевныхъ качествъ, чтобы прожить и прослужить полвѣка въ настоящее тлетворное время, сохранивъ здоровье и бодрость духа, и затѣмъ заслужить такое привѣтливое отъ всѣхъ отношеніе въ этотъ торжественный день.

Юбиларомъ произносились тосты за здоровье Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, въ благодарность за благосклонное разрѣшеніе имъ празднованія 50 лѣтняго юбилея. Затѣмъ—за здоровье Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Евгенія, Епископа Сумскаго, принявшаго высокое участіе въ торжественномъ Служеніи Божественной литургіи в осчастливившаго своимъ посѣщеніемъ семейство юбиляра. Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Сумскимъ, были произнесены тосты за здоровье юбиляра и всего его семейства, за здоровье всего харьковскаго городского духовенства, за здоровье церковнаго старосты и прихожанъ Вознесенкой церкви, и наконецъ за здоровье всѣхъ гостей, посѣтившихъ храмъ Божій и домъ юбиляра. Празднованіе закончилось около 4 часовъ дня.

Памяти священника о. Владиміра Ляницкаго.

26-го декабря 1906 года, въ 6 часовъ утра, волею Божіею, скончался настоятель Сошествіевской церкви слободы Сватовой-Лучки, Куинскаго уѣзда, священникъ Владиміръ Дмитріевичъ Ляницкій, на 41 году своей жизни. Лютая болѣзнь (воспаленіе желудка) не поддавалась леченію и въ теченіе нѣсколькихъ дней унесла его въ могилу, поразивши все мѣстное населеніе. Никто не ожидалъ, что о. Владиміръ, котораго видѣли въ церкви и въ приходѣ за нѣсколько дней до праздника Рождества Христова, на второй день (праздника) оставить земное поприще..., но у Бога все готово!

Повойный давно уже страдалъ катарромъ желудка и неоднократно

но обращался за совѣтомъ ко врачамъ. Послѣдніе рекомендовали ему воздерживаться отъ употребленія постной пищи; но, вѣрный уставамъ св. Церкви, о. Владиміръ не могъ съ этимъ согласиться и, несмотря на болѣзнь желудка, соблюдалъ посты во всей силѣ. Въ концѣ прошедшаго (Филипповскаго) поста онъ почувствовалъ сильныя боли въ желудкѣ, такъ что не могъ уже ходить и 21 декабря слегъ въ постель. Приглашенъ былъ мѣстный врачъ, который нашелъ у него брюшной тифъ въ легкой формѣ; температура тѣла была нормальная и вообще, болѣзнь на первыхъ порахъ не внушала опасенія. Но на первый день праздника у больного произошелъ страшный переломъ болѣзни: неожиданно для всѣхъ и даже для врача воспалился желудокъ, а затѣмъ произошелъ провалъ кишокъ. Къ вечеру о. Владиміру стало совсѣмъ нехорошо, онъ почувствовалъ приближеніе смерти и сталъ готовиться къ отходу „въ далекій путь“. Причастившись Св. Тавнѣ, умирающей въ 12 часовъ ночи благословилъ свою рыдающую семью: жену и троихъ дѣтей. Сохраняя полное сознаніе до послѣдняго вздоха, онъ дѣлалъ окружающимъ наставленія: утѣшалъ плачущихъ; указывая на свою грудь говорилъ: „видите, мнѣ нечѣмъ дышать, отпустите меня въ могилу“. За нѣсколько минутъ до смерти о. Владиміръ заявилъ, что у него уже парализуется языкъ и что поэтому онъ ничего имъ больше не скажетъ. Повторивши нѣсколько разъ „до свиданія“, онъ устремилъ свой взглядъ на иконы и все что-то шепталъ (надо полагать читалъ молитвы), пока не вслушталъ духъ. Повстинѣ христіанская кончина! Крѣпкая вѣра въ Бога и загробное воздаяніе облегчили его предсмертныя страданія и сдѣлали переходъ изъ настоящей жизни сравнительно легкимъ!

Какъ только распространилось извѣстіе о смерти о. Владиміра—толпы народа спѣшили поклониться его останкамъ. Послѣ утрени (26-го) при громадномъ стеченіи молящихся была отслужена первая литія по умершемъ. 27-го, въ 3 часа дня былъ совершенъ выносъ тѣла въ храмъ; а 28-го въ 12 час. дня, началось отпѣваніе, панихида, продолжавшееся около 4 часовъ. Чинъ погребенія совершалъ мѣстный благочинный, протоіерей о. Михайлъ Чернявскій при участіи 8-ми священниковъ и 4-хъ діаконовъ. Послѣ 5 евангелій о. благочиннымъ было произнесено надгробное слово, общая мысль котораго замѣчается въ томъ, что наша жизнь находится въ рукахъ Божіихъ и что умираютъ не старые, а послѣдніе для вѣчной жизни. Затѣмъ, о. Іаковъ Приходинъ въ своей

рѣчь указалъ на то, что въ лицѣ почившаго прихожане потеряли прекраснаго пастыря, а семейство лишилось своего кормилица, что первые (прихожане) должны всячески поддерживать осиротѣвшее семейство.

По окончаніи обряда цѣлованія, тѣло усопшаго при пѣніи „Помощникъ и Покровитель“ было вынесено изъ храма священниками въ ограду, гдѣ и предано землѣ. Сошедшій въ могилу, всегда будетъ дорогъ сердцу прихожанъ; въ лицѣ его не стало „добраго пастыря“. Какъ пастырь, о. Владиміръ отличался вдохновеннымъ совершеніемъ латургіи в всего вообще богослуженія. Въ служеніи каждое его слово, каждое движеніе и все вообще говорило о томъ, что онъ служитъ въ душевномъ подъемѣ: никого и ничего онъ не видѣлъ въ часы служенія кромѣ одного Бога; видѣлъ во время служенія, какъ-бы тотъ таинственный престолъ на небѣ, отъ славы котораго ангелы закрываютъ свои лица. Вообще, служеніе, совершавшееся о. Владиміромъ представляло прекрасную, величественную картину! Будучи любителемъ пѣнія и музыки, имѣя хорошія музыкальныя способности (онъ композиторъ многихъ церковныхъ и назидательныхъ пѣснопѣній), о. Владиміръ ввелъ общее пѣніе въ храмъ, что придавало служенію еще большую торжественность и величественность!

Не оставлялъ о. Владиміръ прихожанъ и безъ слова назиданія, неустанно проповѣдуя, какъ въ храмѣ, такъ и на-дому при требованіяхъ.

Достаточно потрудился онъ и въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, уча дѣтей Закону Божию въ четырехъ школахъ: 2-хъ классной мѣнстерской, земской, церковной и школы грамоты. Епархіальное Начальство видѣло его труды и цѣнило. За усердное проповѣданіе слова Божія онъ удостоился „благодарности“, а въ 1905 г. награжденъ камилавкою.

Вообще о. Владиміръ оставилъ о себѣ добрую память въ сердцахъ прихожанъ не только какъ пастырь, но и какъ челсвѣкъ: обращался всегда и со всѣми очень просто—„задушевно“, любилъ раздѣлять съ ними хлѣбъ-соль, былъ отзывчивъ на всѣ явленія въ жизни своей паствы. Последняя съ благодарностью долго, долго будетъ помнить своего „добраго батюшку“ и молиться объ упокоеніи его души.

Мвръ праху твоему, дорогой товарищъ!

Священникъ Николай Черныскій.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Вакансія предсѣдателя синодальнаго учебнаго комитета.

Должность предсѣдателя учебнаго комитета при Св. Синодѣ, за назначеніемъ архіепископа Арсенія членомъ Гос. Совѣта, остается еще не замѣщенной. Кандидатами на эту трудную и высокую должность называютъ архіеп. финляндскаго Сергія, профессора Кіевской академіи прот. В. И. Титова, профессора богословія въ Харьковскомъ университетѣ, члена Гос. Совѣта протоіерея Т. И. Буткевича.

Въ послѣднее время въ высшихъ духовныхъ сферахъ пользуется вниманіемъ мысль о замѣщеніи этой вакансіи кѣмъ-либо изъ извѣстныхъ своею педагогическою опытностью ректоровъ семинаріи, который бы непосредственно зналъ всѣ дефекты нынѣшнихъ духовныхъ учебныхъ заведеній и могъ дать вѣрный курсъ реформамъ и вообще управленію добельзи расшатанною духовною школою. Мысль благая. („Колок“).

Положеніе якутскаго духовенства.

Въ необыкновенно тяжелыхъ условіяхъ жизни и дѣятельности находится, говор. „Совр. Лѣт.“ духовенство обширнѣйшей и малонаселеннѣйшей якутской епархіи. По пространству, здѣшніе приходы являются цѣлыми государствами въ европейскомъ смыслѣ, населенные пункты рѣдкы и сообщаются между собою едва проходными тропинками, затерянными въ тундрахъ или въ горныхъ ущельяхъ. Свѣдѣнія изъ внѣшняго міра сюда проникаютъ чрезвычайно рѣдко; сообщенія духовенства отдѣльныхъ приходовъ чрезвычайно затруднены и ему приходится влечить свою жизнь одиноко, среди нерѣдко совершенно чуждыхъ и некультурныхъ инородцевъ. Поэтому едва ли найдется здѣсь хотя одинъ священникъ, который буквально не осаждалъ бы епископа просьбами о переводѣ въ другой приходъ. Переведенный попадаетъ въ тѣ же условія и снова принимается за ходатайства о переводѣ и такъ безъ конца. Иныя условія въ приходахъ на пріискахъ; здѣсь какъ-никакъ, а все же культура, цивилизація, интеллигенція и обезпеченіе. Взвѣшавая всѣ эти

обстоятельства, послѣдній епархіальный съѣздъ якутскаго духовенства постановилъ: „Службу священниковъ на пріискахъ ограничить шестью годами и назначать къ пріисковымъ церквамъ предпочтительно изъ отдаленныхъ приходовъ, достаточно прослужившихъ въ оныхъ и правоспособныхъ къ занятію этихъ мѣстъ“. Постановленіе это, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ желаніямъ всего мѣстнаго духовенства, и епискогомъ на немъ положена такая резолюція: „Волиѣ раздѣляю мнѣніе отцовъ и утверждаю. Представить теперь же справки о лѣтахъ служенія пріисковыхъ иереевъ в обоимъ, въ доброй согласіи, сужденіемъ намѣтеть достойныхъ къ замѣщенію“.

Такимъ образомъ, каждый священникъ, потрудившійся гдѣ-нибудь въ Запизверскихъ или Колымскихъ предѣлахъ, имѣетъ право на шестилѣтнее пребываніе въ приходахъ пріисковыхъ Вятмской и Олекмянской системъ; здѣсь онъ отдохнетъ сравнительно, скончатъ нѣкоторую казну, а затѣмъ снова—въ тундры, снова куда-нибудь къ Чукотскому Носу. Какъ видно, вводится для духовенства періодичное и поочередное кормленіе на богатыхъ сравнительно приходахъ. Хотя все это и напоминаетъ обычай старинной московской Руси, но все же сама по себѣ мысль эта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, а можетъ быть, даже и примѣнена въ Центральной Россіи.

Прекращеніе изданія журнала.

Изданіе журнала „Беллетристъ“, послѣ выпуска первой январской книжки, прекращено, въ виду указа Св. Синода, запрещающаго быть издателями періодическихъ изданій воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній.

Воодушевленное обращеніе жены деревенскаго священника къ сельскимъ матушкамъ.

„Въ послѣднее время особенно тяжело стало видѣть, какъ часто наши матушки безцѣльно тратятъ дорогое время. Безспорно—у каждой остается настолько свободнаго времени, что онѣ неволью

впадаютъ въ тоску отъ пезнанія, какъ „убить время“... Къ сожа-
лѣнію, почти вездѣ онѣ далеки отъ того народа, съ которымъ
связаны условія жизни и отъ котораго получаютъ средства къ
существованію. А какъ было-бы хорошо, если бы матушки по-
свящали нѣсколько часовъ въ день, чтобы приносятъ народу хоть
маленькую пользу. И вѣдь дѣло это вовсе не трудное. Въ нынѣшній
голодный годъ какъ хорошо было бы, напримѣръ, взять на себя
заботы по устройству столовой для голодающихъ; право и сред-
ства можно получать отъ обще-земской организаціи. Можно осно-
вать воскресную школу для взрослыхъ,—устроить послѣобѣден-
ные уроки рукодѣлія для дѣвочекъ—чтенія съ туманными карти-
намъ. При небольшой затратѣ времени и труда, легко вести инте-
ресныя чтенія по исторіи, гвгивенію и т. п.; по деревнямъ все еще
держится вѣра въ знахарей, ворожей; начните искоренять посте-
пенно эту „вѣру“, доказывайте несостоятельность и безсиліе ихъ
средствъ. Вообще, при желаніи—въ деревнѣ найдется столько
работы, что и времени окажется мало! Обращаюсь къ вамъ, ма-
тушки! Данаите дружно посвятимъ нѣсколько часовъ своего до-
суга на служеніе народу и черезъ нѣсколько лѣтъ вы не узнаете
деревни. Стыдно намъ бездѣйствовать, убивать праздно время—
когда кругомъ масса работы и именно для насъ“ („Вѣкъ“, № 3).

Похороны крестьянина, впавшаго въ летаргію.

Ужасное происшествіе случилось на дняхъ въ одномъ изъ селъ
Тульской губ.—Егорьевскомъ. Въ селѣ этомъ похоронили крестья-
нина, впавшаго въ летаргію. Въ церкву же почъ послѣ погребенія
кладбищенскій сторожъ въ испугѣ прибѣжалъ къ священнику и
сообщилъ ему, что покойникъ крвчитъ въ могилѣ. Въ минуту
вѣсть облетѣла все село, и обитатели въ испугѣ столпились около
могилы, откуда раздавался страшный глухой крвкъ. Нѣкоторые
поселяне рѣшили, что покойникъ колдунъ и для того, чтобъ онъ
успоковлся, необходимо, по народному повѣрію, въ могилу вбить
осиновый колъ. Но другіе оказались благоразумнѣе и стали на-
стаивать, чтобъ священникъ приказалъ отрыть мнвмаго мерт-
веца. Но священникъ отказался дать на это позволеніе, мотивируя
свой отказъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ на это права. Поэтому при-
шлось сначала заявить уряднику; тотъ—становому, в пока, такимъ
образомъ, „бумага“ достигла своего назначенія, прошли уже цѣлыя
сутки. На второй день къ вечеру, наконецъ, была открыта мо-
гила, и мнвмый покойникъ былъ извлеченъ на свѣтъ Божій. Къ

его счастьемъ, могла, вслѣдствіе мерзлой, неподдающейся лопатѣ земли, была вырыта неглубоко, и къ нему не прекратился притокъ свѣжаго воздуха. Когда его, наконецъ, вынули, то онъ былъ въ ужасномъ видѣ: всѣ кости были у него переломаны, вслѣдствіе тщетныхъ стараній вылѣзть изъ гроба; лицо тоже оказалось въ крови, такъ какъ, стараясь вылѣзть, онъ рукамъ помогалъ зубами. Неизвѣстно—чѣмъ кончатся все это, но опасаются какъ бы послѣ мнимой смерти не послѣдовала смерть дѣйствительная, такъ какъ все это происшествіе страшно повліяло на „покойника“. Это уже сразу было видно и потому, что изъ молодого, сравнительно,—мужчины онъ обратился въ одну ночь въ старика съ бѣлыми, какъ лунъ, волосами. (Яросл. Еп. Вѣд.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КЪ ВЕСЕННЕМУ СЕЗОНУ.

ПОЛУЧЕНЫ ГРОМАДНЫЯ ПАРТИ НОВѢЙШИХЪ ТКАНЕЙ:

Шерстяныя матеріи 2-й шир. отъ 40 к. до 2 руб.

Драпы черныя и цвѣтныя отъ 2 р. 50 к. до 8 руб.

Сукно и сатинъ всѣхъ цвѣтовъ отъ 1 р. 20 к. до 8 р.

Шелковыя ткани модныя для платья и рубашечекъ отъ 50 к. до 3 р. 50 к.

Полотна чистого льна, салфетки, скатерти, ковры, гардинный тюль, батисты модныя російскихъ и заграничныхъ фабрикъ отъ 20 к. до 1 р. 50 к.

Рубашечки и платья заграничныя, цвѣтныя и бѣлыя отъ 3 р. 25 к. до 12 руб.

Магазинъ И. П. Развалинова

ПОДЪ СОБОРОМЪ №№ 1, 2, 3.

ХАРЬКОВЪ.

Принимается подписка на 1907 годъ на ежедневную газету:

СВѢТЪ

Подъ редакціей В. В. Комарова.

31 декабря 1906 года обанчивается первое двадцатипятилѣтіе изданія газеты „СВѢТЪ“!

„Свѣтъ“ основанъ и двадцать пять лѣтъ пробылъ подъ одной и той же редакціей В. В. Комарова. Можно только благодарить Господа Бога за оказавшую Имъ милость и сказать русское спасибо тѣмъ милліонамъ русскихъ людей которые за это время читали „Свѣтъ“ и поддерживали его.

Программа газеты извѣстна и неизбѣжна: „Православіе“! „Народность“! и „Самодержавіе“ при самомъ широкомъ, безсложномъ самоуправленіи приходоѡ, общинъ, городовъ и уѣздовъ!

Все на основѣ недѣлимости и единства Россіи! Свободная жизнь для русскаго народа, при полномъ довѣрїи власти—внизу. Свѣлая власть наверху,—полная народныхъ вѣрованій и преданій, власть чуждая и чуждымъ и иноземцамъ. Отецеская по своему существу, близкая и родная ему! Наступающій 1907 годъ застаетъ русскій народъ и русское государство въ тяжкомъ положеніи. Всюду плетъ борьба! Всюду разнузданность! Всюду лется кровь! Русскимъ угрожаютъ и враги народности, и враги самодержавія, и враги православія! Государственная власть перестала видѣть въ себѣ обликъ русскаго народа и усвоила космополитическую точку зрѣнія всеобщаго равенства, будетъ ли это русскій, финнъ, еврей, армянинъ, полякъ или чужацъ! Историческія права русскаго народа какъ бы прекратились. Въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ православіе перестало быть первенствующею церковью. Намъ православнымъ, придется теперь долго утруждаться и много работать, для постановки нашей церкви на должную высоту! Не менѣе важно разрѣшеніе вопросовъ поземельныхъ. Русская земля вся, въ ея цѣломъ, должна быть достоиніемъ русскаго народа. Не десятковъ а сотни милліоновъ десятинъ черноземной земли ожидаютъ прибытія русскихъ. Организація переселеній должна считаться одною изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ! Въ 1907 г. „Свѣтъ“ займется съ большимъ рвеніемъ въ разъясненіи этого вопроса. Съ своей стороны „Свѣтъ“, шедшій всегда въ единогласіи съ своими подписчиками, сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы Русскій народъ въ 1907 году, выдержалъ падающія на него испытанія, и сталъ тѣмъ же могучимъ богатыремъ мира и порядка, которымъ онъ былъ такъ много столѣтій! „Свѣтъ“ обратитъ особое вниманіе на развитіе жизни православныхъ приходоѡ, гдѣ кроется настоящая самоуправляющаяся мелкая земская единица основа всему государственному порядку гдѣ заключается истинно связующее начало всего народа русскаго безъ всякихъ сословныхъ подраздѣленій! Не менѣе вниманія „Свѣтъ“ удѣлитъ въ 1907 г. Государственной Думѣ будучи увѣренъ, что составъ ея будетъ достоинъ Россіи.

Подписная цѣна на „Свѣтъ“ съ пересылкою и доставкою: на годъ съ 1 января по 31 декабря 4 р., на полгода съ 1 января или 1 іюля 2 р., на 3 мѣсяца съ 1 января 1 апрѣля, или 1 октября 1 р.

Гг. подписчики, которые будутъ подписываться на газету „Свѣтъ“ и „Сборникъ Романовъ“ и посылать деньги въ одномъ конвертѣ, благоволятъ высылать.

На годъ съ 1 января по 31 декабря газета и 12 книгъ романовъ 8 р., на полгода съ 1 января или 1 іюля газета 6 книгъ романовъ 4 р., на 3 мѣсяца съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля или 1 октября газета и 3 книги романовъ 2 р.

Письма и деньги адресовать: С.-Петербургъ редація „Свѣтъ“ Невскій, 186

Объ издани журнала въ 1907 г.

Вѣра и Церковь

Основанный нами восемьлѣтъ тому назадъ, духовный, богословско-апологетическій журналъ „Вѣра и Церковь“ имѣетъ своею задачею раскрытiе и отстаиванiе непререваемой истинности Христовой вѣры, „не нововодно“ хранимой Духомъ Святымъ въ Православной Церкви, въ противодѣйствiе рационализму и невѣрiю Охватившее же наше отечество такъ называемое „освободительное“ движенiе которое подъ именемъ „духовнаго обновленiя“ припало и въ церковь, коснулось и самой вѣры, обязываетъ, думается намъ, православнаго апологета неуклонно держаться того же строго охранительнаго направлениа и въ положительномъ раскрытiи хранимаго въ нашей церкви, православiя. Поэтому, выходя изъ той мысли, что не внѣшнимъ создается внутреннее и не изъ общаго складается частное, и не закрывая глазъ на практическiе недочеты современнаго богословской мысли и церковной жизни, мы признаемъ болѣе цѣлесообразнымъ и нужнымъ не „новые пути“ для этой мысли и жизни отыскивать и пролагать, а отмѣчать и выяснять духовно-святую истину и животворящую силу въ старыхъ, отцами завѣщанныхъ, устояхъ. Въ истекшемъ году эта основная идея журнала съ особенною ясностию прогляднѣла въ статьяхъ о церковномъ богослуженiи, о значенiи и положенiи въ церкви епископата, о приходской жизни, о современныхъ политическо-общественныхъ броженiяхъ, о духовно-учебныхъ заведенiяхъ и постановкѣ религиозна-нравственнаго образованiя въ свѣтской школѣ; ею же одушевлялись мы и въ предлагаемомъ нами новомъ русскомъ переводѣ „Посланиа патриарховъ восточно-католическiа церкви и православной вѣры“.

Для незнакомыхъ съ журналомъ нужно сказать, что по содержанию своему онъ дѣлится на три отдѣла; въ первомъ—научно-богословскомъ отдѣлѣ журнала помѣщаются статьи, служащiя къ разъясненiю тѣхъ богословскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) вопросовъ, которые въ современной жизни и печати понимаются несогласно съ ученiемъ православной церкви, второй отдѣлъ—церковно-общественный, посвящается обзорнiю и обсужденiю съ точки зрѣнiя православной церковности выдающихся явленiй духовной жизни современнаго общества, а предметомъ третьяго—библиографическаго, служатъ книги и журнальныя статьи, преимущественно богословско-апологетическаго и учебнаго содержанiя. Къ этому долгомъ считаемъ приשובкуить, что въ наступающемъ году въ журналѣ будутъ помѣщаться подробныя свѣдѣнiя о постановкѣ религиозна-нравственнаго образованiя и воспитанiя въ той русско-національной школѣ, которую подъ именемъ Кирилла Меодіевской готовится основать въ Москвѣ „Русское монархическое собранiе“.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ журналъ одобренъ для приобрѣтенiя въ фундаментальныя и ученическiя библиотеки духовныхъ семинарiй. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя журналъ одобренъ для приобрѣтенiя въ фундаментальныя библиотеки средняхъ свѣтскихъ учебныхъ заведенiй. Многими еперхiальными преосвященными онъ рекомендованъ для церковныхъ и благочинническихъ библиотекъ.

Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключенiемъ iюня и iюля мѣсяцевъ) книжками по мѣсѣ 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ—пять рублей, съ доставкой и пересылкой—шесть рублей, на 1/2 года—три рубля.

Подписка принимается у редактора издателя, законоучителя Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая, протоіерей Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, званіе лица) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

Въ редакцiи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900—1906 годы по четыре рубля за годъ съ пересылкой.

Редакторъ-издатель прот. І. Соловьевъ.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеологической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мирянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія молнзма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. (Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика в религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: | Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.